Иван ИВАНОВ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ В ЭНЕРГЕТИКЕ ЕВРОСОЮЗА

Даже при возрастающей роли в современном национальном производстве нематериальных факторов и ресурсосбережения энергетика и ныне остаётся базовой отраслью экономики и общества в целом. Это положение справедливо и для стран Евросоюза, являющихся вторым в мире (после США) потребителем энергоресурсов, но одновременно имеющих их наиболее ограниченную собственную базу. Зарница мирового энергокризиса начала XXI века, проблемы обеспечения энергетической безопасности на перспективу видны здесь особенно рельефно и ярко. Именно поэтому страны ЕС – участники "восьмёрки" активно поддержали инициативу придания очередной, Санкт-Петербургской встрече "группы 8" профилирующей энергетической направленности.

Тем актуальнее представляется анализ современного положения Евросоюза в данной сфере и видения его лидерами будущего энергетики ЕС, тем более что это непосредственно затрагивает интересы России как ведущего энергопоставщика Евросоюза и Большой Европы в целом.

Глобальный контекст

В современном глобализированном мире угроза энергокризиса носит всеобщий характер и на этот раз связана уже не со сменой отдельных природных энергоносителей в топливном балансе и не с конъюнктурой рынка, а с выявившейся ограниченностью самой нынешней ресурсной и технологической базы мирового ТЭК по сравнению с потребностями дальнейшего экономического и социального развития человечества.

© ***Иванов Иван Дмитриевич*** – академик, представитель ТПП РФ в странах Бенилюкс и Франции.

Действительно, только с 1971 по 2002 год потребности мира в энергии выросли в 2,4 раза, а на период до 2030 года их рост ожидается темпом в 1,7% в год[1]. В принципе, нынешняя углеводородная база планеты в состоянии удовлетворить такой спрос. Разведанных запасов нефти в мире хватит на 40, а газа – на 60 лет. Но, во-первых, по оценке Международного энергетического агентства (МЭА), это возможно лишь при инвестициях порядка 17 трл долларов, тогда как мировой ТЭК продолжает недоинвестироваться и при более высоком уровне мировых цен. Во-вторых, в долгосрочном плане и этого окажется недостаточно. Уже сейчас прирост разведанных запасов основных энергоносителей отстаёт от объёмов их добычи, и где-то за гранью 2030 года компенсирующего влияния их прироста, экономии энергии и маневра источниками внутри топливного баланса окажется уже недостаточно. **Человечеству в императивном порядке придётся переходить уже на новую, неуглеводородную энергетику, которая технологически существует ныне лишь в самых зачатках.**

Однако и временное наличие располагаемого углеводородного сырья само по себе не снимает проблемы, ибо оно распределено по планете крайне неравномерно и в основном вне главных потребляющих рынков. Стремительно растёт спрос и в "новых энергопотребляющих странах" – КНР, Индии, Бразилии, Южной Корее и др. Их доля в мировом энергопотреблении с 1/3 ныне обещает возрасти до половины к 2030 году, причём ещё и потому, что в отличие от стран ОЭСР их экономика растёт пока экстенсивно, при повышенной энергоёмкости ВВП. Например, за последние десять лет потребление газа в регионе АТР возросло на 79%, в Латинской Америке – на 75%, тогда как в Европе – на 20%, а в США – всего на 9%. Соответственно в большинстве потребляющих районов мира ТЭК уже перестал быть национально самодостаточным и всё более зависит от импорта энергоносителей.

Оборотной стороной углеводородной энергетики являются также и выбросы, меняющие климат планеты. Природа начинает мстить человеку, в том числе и созданной им энергетике, только ураган "Катрина" сократил производство нефти на южном побережье США на 60% и газа – на 38%, вызвав местный рост цен на топливо на 70%. Резкий скачок в потреблении энергии произошёл необычно холодной и снежной зимой 2005/2006 года в Европе.

Наконец, сложившаяся система энергоснабжения крайне уязвима для локальных конфликтов и терроризма. Длина современных нефтепроводов достигает уже 6—8 тыс. км, и они тянутся через десятки стран, тоннаж танкеров достигает полумиллиона тонн. Приёмные терминалы обрабатывают в год сотни миллионов тонн нефти и миллиарды кубометров СПГ, не говоря уже о работе АЭС. Уже были факты саботажа в ТЭК в Нигерии и Саудовской Аравии.

---

[1] Если не оговорено иное, фактологической базой статьи являются банки данных Международного энергетического агентства, Комиссии ЕС, ОПЕК и информагентств "Юрактив" и "Юроп".

На этом общем фоне в особо сложном положении оказывается прежде всего именно Евросоюз. "Доступ к энергии, – отмечается в последней "Зелёной книге" Комиссии ЕС по энергетике (март 2006 года), – является основополагающим для повседневной жизни каждого европейца".

Однако собственная ресурсная энергетическая база ЕС, а это всего 2% нефти и 4% газа от мировых запасов, будет в основном выработана уже в следующие 15—20 лет. Зависимость от импорта топлива прогнозируется к 2030 году в 70% объёма потребления против 50% ныне. Один только импорт газа может возрасти в следующие 25 лет на 80%.

Например, главный собственный энергодонор ЕС Великобритания добывает в год около 100 млрд $м^3$ газа при общих запасах всего в 700 млрд $м^3$ и нефти около 100 млн тонн при запасах в 670 млн тонн. Сокращена до 30 млн тонн в год добыча угля. В итоге страна стремительно идёт к статусу нетто-импортёра топлива, а связывающий её с континентом экспортный газопровод "Интерконнектор" очень скоро начнёт качать газ в обратную сторону, то есть уже на британский рынок. К 2030 году зависимость от импорта топлива здесь прогнозируется в 60—75% к объёму его потребления.

Ничего, кроме новых потребителей с повышенной энергоёмкостью ВВП, не дало ЕС и его последнее расширение до 25 стран.

Наконец, Евросоюз имеет достаточно консервативный энергобаланс (нефть 37%, газ – 24%, уголь – 18%). Треть электроэнергии вырабатывается здесь всё ещё на угле, а относительно высокая доля в ТЭК ядерной энергии (15%) подвергается постоянным атакам "зелёных". Весьма неизобильны в Евросоюзе и такие варианты традиционных углеводородных энергоносителей, как метан из угольных пластов, сланцы, газоконденсат и нефтеносные пески.

Не выполняются и экологические намётки Протокола Киото: при намеченном снижении выброса CO_2 в атмосферу к 2010 году на 10% по сравнению с 1990 годом. В 2005 году это снижение составило всего 1,7% и, если не принять дополнительных мер, может достичь к 2010 году лишь половины намеченного. Климат Западной Европы уже стал на 1 градус теплее. Между тем ЕС планирует увеличить свой ВВП к 2030 году примерно вдвое.

Нельзя сбрасывать со счетов и внешнюю конкуренцию. Из всех стран ОЭСР, энергодостаточны лишь Мексика и Канада. США уже сделались нетто-импортёром и нефти, и газа, а это крупнейший (и конкурирующий с ЕС) энергорынок в мире с энергокорпорациями, оперирующими на всех континентах. Почти целиком на импорте работает ТЭК Японии, а на нефти – Австралия. Евросоюзу предстоит расширять свой энергоимпорт в условиях возрастающего международного соперничества, тем более что мир пока торгует энергией в основном на доллары, а не на евро.

Естественно возникает вопрос, каким же образом лидеры Евросоюза собираются обеспечить энергетическую стабильность и безопасность этого блока, то есть устойчивое обеспечение хозяйства и населения ЕС энергией по разумным ценам на перспективу?

Для этих целей предполагается отдать приоритет научно-техническому прогрессу, обеспечению внешних источников снабжения и, наконец, обновлению

регуляторной базы внутреннего энергорынка ЕС. Вместе с тем разумное по всем этим трём направлениям у "еврократов" противоречиво переплетается с надуманным, а избираемые решения порождают нередко новые проблемы.

Экономия энергии и её новые источники

Ввиду истощения собственной энергетической базы и роста мировых цен научно-технический прогресс в ТЭК ЕС сосредоточен ныне прежде всего на всемерной экономии энергии и освоении её дополнительных, нетрадиционных и возобновляемых источников.

В сфере экономии энергии ЕС (и Японии) явно принадлежит мировое первенство. С 1997 по 2005 год энергоёмкость ВВП ЕС-15 снизилась на 1/3, а "Зёленая книга" Комиссии ЕС по энергоэффективности прогнозирует её снижение на перспективу ещё на 20% (или по 1% в год), что позволит сэкономить на импорте энергии не менее 60 млрд евро.

Учитывая, что в промышленности резервы дальнейшей экономии всё более становятся уже не организационными, а технологическими (то есть связанными с расходами, способными подчас перекрыть саму экономию), основные усилия ЕС в этой сфере перемещаются ныне в строительство, коммунальное хозяйство и в быт[1].

Введены новые жёсткие стандарты теплоизоляции зданий и инженерных сетей (плюс "энергетический аудит" их проектов), энергоёмкости бытовых электроприборов, субсидируются инвестиции в экономию тепла. Пример здесь подают сами государства. Так, новые здания правительства ФРГ в Берлине держат тепло на 30—40% лучше, чем старые в Бонне. Субъекты экономии получают за неё "белые сертификаты" на налоговые льготы.

Дополнительным источником экономии энергии, вернее повышения КПД её выхода, является комбинированное получение электроэнергии и тепла (когенерация), использование газовых турбин во взаимосвязанном цикле, топливные батареи, а на транспорте – совершенствование двигателей и топлива, а также перевод части грузов с грузового автомобильного на модернизирующиеся железнодорожный и речной транспорт с меньшими затратами энергии на тонно-километр перевозок. На 30% за последние 30 лет повышен КПД сжигания угля на ТЭС.

По оценкам Ассоциации газовых компаний Европы "Еврогаз", если традиционные способы получения тепла и энергии имеют КПД 40%, то комбинирование газовых турбин – 55%, топливные батареи – 70% и когенерация – до 85%.

При этом важно подчеркнуть, что экономия энергии в ЕС – и в производстве, и в быту – является не компанейской или принудительной по отношению к

---

[1] Здесь в ЕС-15 концентрируется до 2/5 спроса на энергию, причём до 2/3 этого объёма идёт, в свою очередь, на отопление зданий и сооружений, 1/4 — на подогрев воды, 11% потребляют бытовые электроприборы и 7% — приготовление пищи.

потребителю, а осуществляется по принципу "ненарушения комфорта и удобств".

На базе всего этого Евросоюз собирается в 2006 году предложить "энергетической восьмёрке" заключить международное соглашение по эффективному использованию энергии, с тем чтобы повысить свой политический престиж и открыть зарубежные рынки для уже наработанных здесь технологий.

Правда, такая экономия становится всё более госсубсидируемой, когда в качестве её локомотива выступает уже не техпрогресс, а госбюджет. Например, производители сахара, свёклы, зерна и жиров, предназначенных для переработки в моторное топливо, получают субсидии в 45 евро с гектара и освобождаются от всех ограничений общей сельскохозяйственной политики ЕС. Налоговые льготы, удешевлённые кредиты и ускоренную амортизацию получают лица и фирмы, устанавливающие оборудование для получения энергии из нетрадиционных источников.

Главной же проблемой остаются ЕС-10, чья экономика пока в 3—4 раза более энергозатратна, чем у ЕС-15.

Таблица № 1

Сравнительная энергоёмкость экономик стран ЕС (в кг нефтяного эквивалента на тысячу единиц ВВП), 2004 г.

ЕС-15		**ЕС-10**	
Дания	125	ЕС-15 в целом	213
Австрия	146	Мальта	269
Ирландия	161	Кипр	282
Германия	168	Словения	341
Италия	188	Венгрия	584
Франция	189	Польша	643
Люксембург	191	Латвия	901
Нидерланды	201	Чехия	940
Великобритания	225	Словакия	1017
Испания	227	Литва	1221
Бельгия	228	Эстония	1361
Швеция	229		
Португалия	238	Источник: "European Voice",	
Греция	261	20—26.10.2005	
Финляндия	263		

Конечно, структура хозяйства ЕС-10 пока более экстенсивна, чем ЕС-15. Но здесь явно сказывается и инерция прежнего энергетического иждивенчества за счёт СССР (России) по ценам "пролетарского интернационализма", что позволяло транжирить энергию, а не экономить её.

Экономии энергии мог бы помочь также и трансграничный манёвр мощностями и запасами. Однако, как будет показано ниже, единой энергоинфраструк-

туры в ЕС пока нет и “многие страновые рынки (энергии. – **Авт**.) остаются по большей части национальными”, а то и вообще оторванными от данной инфраструктуры в целом.

В части собственно техпрогресса, VII рамочная программа ЕС по стимулированию НИОКР (2006–2013 гг.) называет в энергетике в качестве его приоритетных (и финансируемых) направлений освоение нетрадиционных (альтернативных) источников энергии, “чистое” сжигание угля, “связывание” эмиссии углерода, топливные батареи, водородную и ядерную энергетику.

В “альтернативные” при этом попадает и часть уже известных её источников (ГЭС, геотермальная энергия), но упор делается и на освоение действительно новых: промышленных установок по использованию ветра, солнца, приливов, биомассы, теплонасосов и эксперименты с использованием водородного топлива.

Так, солнечные батареи уже работают повсюду в ЕС. Совокупная мощность ветряков эквивалентна 30 ТЭС, работающим на угле. На долю ЕС приходится половина мирового рынка оборудования для нетрадиционных энергоустановок (15 млрд евро), первое место в мире по производству биоэтилового (0,5 млн т) и биодизельного (1,9 млн т) топлива. Созданы опытные двигатели автомашин и автобусов на водороде, принята стратегия по энергоиспользованию биомассы.

Таблица № 2

Установленная мощность агрегатов по выработке энергии из альтернативных источников в ЕС (мегаватт)

Гидроэнергия	131440	Тепловые насосы	4531
Ветер	33566	Геотермальная	2754[3]
Солнце	11764[1]	Всего:	196802
Биомасса	11549[2]		

[1] В т.ч. 10754 для отопления и 1010 – производства электроэнергии.
[2] В т.ч. 1890 – биогаз.
[3] В т.ч. 2059 для отопления и 695 – производства электроэнергии.
Источник: www.europe.eu.int/comm/energy

Однако пока все эти источники, взятые вместе, составляют в энергобалансе ЕС маргинальную 6%-ю величину, а намётки повышения этой доли, несмотря на поощрительную риторику, не выполняются. Например, при задании по доле биомассы в моторном топливе в 2% в 2005 году и в 5,75% к 2010 году эта доля составляет пока 1,4%. Биоэтанал заменил в моторном топливе всего 2% нефти. При задании довести в 2010 году производство электроэнергии из нетрадиционных источников до 21% её пока генерируется только около 12%. Вполне вероятно, что эти намётки не станут достоверными и к 2030 году, тем более что сами эксперты ЕС не в восторге от распылённости приоритетов, задаваемой рамочной программой техпрогрессу в ТЭК, и высказываются за выбор более ограниченного круга приоритетных направлений.

Таблица № 3

Прогноз структуры энергобаланса ЕС на 2030 г. (%)

Нефть	35	Нетрадиционные в т.ч.	9
Газ	32	биомасса	5
Уголь	12	ветер и солнце	2
Энергия	11	гидроэнергия	2

Источник: “European Voice”, 20—26.10.2005.

Специфическими направлениями техпрогресса в ЕС являются также создание производственно-транспортных комплексов по сжижению-разжижению природного газа (СПГ) и его дальнедистанционной морской транспортировке. В короткие сроки были созданы и освоены технические решения для соответствующих терминалов, создан флот газовых танкеров и наряду с такими общепризнанными техническими достижениями, как “аэробус” или система космической связи и навигации “Галилео”, освоение обращения с СПГ можно смело отнести к выдающемуся вкладу учёных и инженеров Евросоюза в мировой научно-технический прогресс. Более того, именно на базе СПГ сложится со временем, видимо, и подлинно мировой рынок газа, который пока раздроблен, в основном, на тандемы “поставщик—получатель” по различным концам отдельных газопроводов.

Менее успешно, однако, идут дела, несмотря на то же госсубсидирование, с сокращением выброса продуктов сжигания углеводородов в атмосферу. Намётки его снижения к 2010 году будут, скорее всего, выполнены едва наполовину, и в заслугу ЕС здесь можно поставить скорее не технический и организационный прогресс, а запуск механизма торговли квотами Киото. Не ясны также и перспективы дальнейших экологических усилий на второе десятилетие нашего века. Не распространяется пока это квотирование и на авиацию, которая загрязняет основную толщу атмосферы.

Нередко в сфере экономии энергии возникают и свои неувязки. В погоне за госсубсидиями ветряки монтируются там, где нет постоянного ветра, биомасса наращивается за счёт вырубки лесов, по “белым сертификатам” сложился вторичный спекулятивный рынок. По данным опроса организации “Евробарометр”, большинство граждан ЕС готово платить дороже за “зелёную энергию”, но не более чем на 5%, хотя пока эта энергия дороже в разы.

Особо нужно сказать о судьбах ядерной энергетики ЕС. В евросоюзе она формирует уже вполне сложившуюся подотрасль ТЭК*[1], однако находится под

[1] Так, во Франции работают 60 энергетических ядерных реакторов с установленной мощностью 60 тыс. мегаватт, которые производят 3/4 электроэнергии в стране, в Великобритании – 33 реактора (12 тыс. мегаватт) и 26% электроэнергии, в Бельгии – 60% электроэнергии и т. д.

непрекращающимися атаками "зеленых" и совсем недавно была объектом самого настоящего остракизма. Со ссылкой на недостаточную безопасность АЭС и захоронения их отходов Швеция решила загасить все свои реакторы, Германия – постепенно выводить их из эксплуатации, Великобритания – сократить к 2010 году число действующих реакторов до 13 с выводом из генерации мощностей на 7,8 тыс. мегаватт. Как условие вступления в ЕС завершается демонтаж реакторов советского производства в ЕС-10. В итоге, доля АЭС в производстве электроэнергии и в топливном балансе стала падать.

В самое последнее время положение, однако, начинает меняться. Физическая невозможность закрыть образовавшиеся "дыры" в спросе на энергию другими её видами, высокий уровень цен на топливо на фоне относительной дешевизны ядерной энергии, новые, более надёжные реакторы заставляют экспертов и политиков пересматривать свои прежние экстремальные намерения и планы. Германия и Великобритания, видимо, не будут торопиться с закрытием своих АЭС, страны Балтии выступают за строительство новой АЭС вместо демонтируемой Ингалины. Во Франции до 2015 года войдут в строй ещё шесть реакторов. Начала колебаться в своём остракизме и Бельгия. Наконец, первым по объёму финансирования в упоминавшейся выше VII рамочной программе станет проект термоядерного реактора ИТЕР. Кое-кто склонен даже относить ядерную энергетику за отсутствие вредных выбросов к "зелёной", и такой поворот событий можно назвать достаточно реалистическим. По крайней мере, ясно, что АЭС в Евросоюзе найдут своё место в неуглеводородной энергетике будущего. Ещё быстрее Брюсселя это поняли, кстати, КНР и Индия.

Диверсификация энергоснабжения

Такая диверсификация в ЕС целенаправленно идёт и внутри топливного баланса, и по линии импорта.

В топливном балансе Евросоюзом взят твёрдый курс на повышение доли газа, прежде всего для генерации электроэнергии (в том числе вместо угля) и использования его в качестве моторного топлива (вместо нефти). Учитывается и то, что газ загрязняет атмосферу на 23—30% меньше, чем нефть, и на 40—50% меньше, чем уголь[1]*. Поэтому за последние 30 лет потребление природного газа в ЕС выросло вчетверо (в мире в целом втрое), а к 2030 году прогнозируется новый рост спроса на него на 87%, причём 3/4 такого прироста пойдёт на генерирование электроэнергии, и, таким образом, газ уже к 2020 году станет главным видом топлива для электростанций Евросоюза.

В сфере моторного топлива (но не только здесь) путь к газификации прокладывает сжиженный природный газ (СПГ), который уже сейчас составляет 9% потребления всего газа в ЕС, а к 2020 году эта доля может достичь 20%. В 2005 году в странах Евросоюза функционировали уже 15 импортных терми-

[1] Конкретно, сжигание газа дает 56 кг выброса CO_2 на гигаджоуль производимой энергии, газойля – 73, мазута – 76, антрацита – 91 и лигнита – 102 кг.

налов по его разжижению после транспортировки в газовых танкерах (Испания – 4, Италия – 3, Франция и Турция – по 2 и по одному терминалу в Великобритании, Бельгии, Греции и Португалии) мощностью в 80 млрд $м^3$ в год и строятся еще 13 (Италия – 6, Великобритания – 3, Испания и Франция – по 2, Турция – 1) суммарной мощностью в 56 млрд $м^3$.

СПГ может использоваться не только как моторное топливо, но и как бытовое и химсырьё. Например, в Испании он покрывает уже 58% всего внутреннего потребления газа. На его поставки в ЕС уже заключены десятки контрактов на срок до 25 лет.

Однако в обоих случаях почти весь прирост потребления газа в ЕС (как и нефти) предстоит изыскивать по импорту (чистый импорт газа в ЕС составлял 198 млрд $м^3$ в 2002 году, а к 2030 году он может возрасти до 625млрд, в том числе 240 млрд $м^3$ в виде СПГ), а это ставит вопрос о поисках надёжных источников снабжения.

Пока львиную долю такого импорта газа покрывают Россия, Норвегия и Алжир, а нефти – Средний Восток и Северная Африка. Однако лидеры ЕС рассматривают это как "узкую зависимость" и предпочитают ей диверсификацию внешнего энергоснабжения. Поэтому растёт ввоз нефти из Латинской Америки и Африки южнее Сахары. Оправданной считается транспортировка газа в ЕС по газопроводам в радиусе 7—8 тыс. км, а в виде СПГ – практически из любых заморских месторождений. Поэтому в число поставщиков трубопроводного газа очень скоро могут войти также Иран, Ирак, Азербайджан и Ливия, а СПГ уже ввозится не только из Алжира, но и из Персидского залива (здесь традиционный экспорт в Азию всё более замещается ввозом в ЕС), Нигерии, Габона, Египта, Тринидада, Индонезии, Венесуэлы и т. д.

Идёт поиск путей вывода на рынок ЕС энергоносителей Средней Азии, в том числе в обход России (нефтепроводы Баку—Джейхан, Одесса—Броды и т. д.). Исходные нефть и газ постепенно замещаются нефтепродуктами и изделиями нефтехимии, ибо сейчас уже половина мощностей мировой нефтеперегонки расположена вне стран ОЭСР, включая ЕС.

Речь на трудных переговорах идёт в основном о торговых сделках по нефти, ибо страны-энергоэкспортёры вовсе не спешат вновь акционерно допускать к дележу своей добычи вытесненные нефтегазовые монополии ЕС, предпочитая сохранять позиции своих национальных, в том числе государственных компаний[1].

Основная часть энергоносителей поступает в ЕС по долгосрочным контрактам на поставку. Вместе с тем в дополнение к уже давно существующему нефтяному рынку в Роттердаме в последнее время в ЕС возникают и рынки разо-

[1] Там, где доходами от добычи энергоресурсов не принято (production sharing) делиться с инокапиталом, они растут особенно быстро. Только доходы стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки от добычи и экспорта нефти составили в 2004 году 296 млрд долл и прогнозируются в 323 млрд долл. в 2010 году и 551 млрд долл — в 2030 году.

вых (биржевых) газовых сделок, причём как по трубопроводному газу, так и особенно по СПГ, крупнейшим из которых является газовая биржа в Зеебрюгге (Бельгия). Однако до сих пор эти последние имеют вспомогательное значение и пока слабо влияют на ценообразование как ввиду господства на них спекулятивных сделок (а не продаж реального товара), так и из-за незначительности реально торгуемых объёмов продукта. В частности, по СПГ через эти разовые рынки проходит лишь от 15 до 30% его распределяемых объёмов, а по трубопроводному газу – не более 5%.

Естественно, при этом Евросоюз заботится и о безопасности своих артерий энергообеспечения, в том числе за рубежом. Кроме обычных мер безопасности, это ещё и явное или неявное нежелание большинства стран ЕС-15 вмешиваться в региональные конфликты в энергопроизводящих странах (Иран, Ирак, Ливия). Есть явный интерес и к международному сотрудничеству в борьбе с энерготерроризмом, в том числе и в преддверии заседания "энерговосьмёрки".

Наконец, орудием обеспечения энергетической безопасности для Евросоюза являются и стратегические запасы нефти (а теперь и газа), причём нормы их накопления для стран ЕС выше, чем устанавливаемые для тех же целей Международным энергетическим агентством. Всего в ЕС, таким образом, поддерживаются запасы нефти (на март 2006 г.) на 118 дней ее потребления. Сооружены 103 подземных хранилища на 64,7 млрд $м^3$ газа с мощностью по его выпуску 1,4 млрд $м^3$ в день, что равно 13% потребления газа в ЕС (по времени – 48 дней). Эти запасы также можно рассматривать как форму диверсификации снабжения, однако они пока пускаются в дело крайне редко (нефтяные – всего четыре раза с момента создания, газовые ещё ни разу). К тому же эти резервы остаются под национальным управлением отдельных стран и размещены крайне неравномерно (41 хранилище газа в ФРГ на 18,8 млрд $м^3$, 15 во Франции на 4 млрд $м^3$ и 10 в Италии на 12,7 млрд $м^3$). С 1993 года построено 15 новых хранилищ, но опять-таки в основном в ФРГ.

Диверсификация энергоснабжения всё более превращается в самостоятельный бизнес, особенно для транзитных стран. Например, Италия ежегодно импортирует 60 млн тонн нефти, 39 млн тнэ (тонн нефтяного эквивалента) газа и 4 млн тонн угля, но одновременно перекачивает через свою территорию транзитом 35 млрд $м^3$ газа из Алжира, 10 млрд $м^3$ – из Ливии и готовится к транзиту еще по 10 млрд $м^3$ из Ливии и Турции, а также эксплуатирует пять терминалов СПГ и три газохранилища на 10% его национального потребления. В транзитную державу всё более превращается и Турция, как энергомост между Средней Азией и Средним Востоком и Евросоюзом, причём ещё и потому, что соседние страны, в том числе Россия, заметно "перекормили" её своим газом далеко за пределы ограниченного внутритурецкого потребления.

Вместе с тем любые попытки привлечения внешних энергоресурсов наталкиваются ныне на острую международную конкуренцию. "Европа, – отмечалось в отчёте Ассоциации газовых компаний Европы "Еврогаз", – живет в мире энергетики не одна". Не говоря уже о США, Японии и Австралии в передел мировых энергоресурсов, особенно в Персидском заливе и в Африке, активно включились КНР и Индия. Россия открывает каналы своего энергоэкспорта

также и на Восток. Осложняет диверсификационные усилия Евросоюза и то, что подчас инфраструктура энергоснабжения создаётся им в неоптимизированном наборе, газонефтепроводы дублируют друг друга, ряд из них не обеспечен продукцией, и это особенно характерно для их сети, создаваемой в обход России, ибо не скрывается, что вся географическая диверсификация энергоимпорта ЕС во многом задумана именно за её счёт.

На удивление мало внимания, наконец, уделяется поставкам извне электроэнергии. Несмотря на все инициативы РАО "ЕЭС" и "Атомэнергоэкспорта", системы электроснабжения России и ЕС остаются несостыкованными и, похоже, Евросоюз намерен здесь скорее жечь российский газ для производства собственной электроэнергии, чем закупать её в России, особенно с наших АЭС. Поэтому основными экспортёрами электроэнергии в ЕС остаются ныне лишь Швейцария и Норвегия, но к ним (опять-таки за счёт сжигания нашего газа) может вскоре присоединиться и Турция.

Фетиш либерализации и его последствия

Хотя энергокризис явно стучится в двери ЕС, у этого блока, в отличие от других сфер хозяйства (наука, аграрный сектор, рыболовство, региональное развитие и т. д.) до сих пор нет какой-то общей энергетической политики. С попаданием в долгий ящик ратификации Конституционного акта ЕС неопределённой остаётся и судьба положений по энергетике, включённых в его текст. Поэтому, по сути, дебаты по выработке какой-то общей линии ЕС в этой области начались лишь весной 2006 года с выходом в свет соответствующей "Зёленой книги" комиссии "Европейская стратегия для устойчивого, конкурентоспособного и безопасного энергообеспечения".

Всё, что делалось в данной области до сих пор, состоит из отдельных директив и решений, касающихся регламентации внутреннего энергорынка ЕС, стимулирования освоения нетрадиционных источников энергии и охраны окружающей среды. При формулировании этих документов внутри комиссии отчетливо проявляется традиционное противостояние гендиректора КЕС по конкуренции, фетишизирующего её значение и вообще "либерализм" абсолютно во всём, и гендиректората по транспорту и энергетике, который пытается более реалистично и практически решать проблемы энергоснабжения Евросоюза с учётом конкретики отрасли. К сожалению, верх в этом противостоянии чаще берёт чисто идеологизированный "либеральный" подход.

Свидетельством этого является наиболее важный комплекс энергорегулирующих документов ЕС, а именно его директив о либерализации внутреннего рынка газа и электроэнергии Евросоюза. В их основе лежат три постулата:

— правовое и организационное отделение коммерческой деятельности по транспортировке энергии от деятельности по её распределению;

— обеспечение доступа конкурентов к системам транспортировки и распределения, принадлежащих другим компаниям;

— право выбора потребителем конкретного энергопоставщика.

Такой "подлинно конкурентный единый европейский рынок электроэнергии и газа, – по мысли авторов этих директив, – позволил бы снизить цены, улуч-

шить безопасность энергоснабжения и повысить в результате общую конкурентоспособность Европы".

Соответственно были реорганизованы структуры крупнейших европейских энергокомпаний, проведена их частичная приватизация, открыты для операций конкурентов ряд газопроводов и линий электропередачи, стимулируется создание бирж и рынков энергии в противовес долгосрочным контрактам на её поставку и т. д.

Однако, напоминавшая по скорости и масштабам ломки ТЭК ЕС деяния наших отечественных "рыночников", такая либерализация пока не достигла ни одной из поставленных перед ней целей. Энергия в ЕС отнюдь не подешевела, причём не только из-за роста мировых цен на неё[1]. Основная часть потребителей имеет до сих пор лишь право, а не реальную возможность выбора поставщиков. Главное же, направленная против огосударствления отрасли (а большинство электрогазовых компаний в ЕС были и остаются либо государственными, либо имеют госучастие), либерализация привела к вымыванию из ТЭК, напротив, многих частных энергетических компаний и грозит заменить бывшую госмонополию на энергию в Евросоюзе гораздо более худшей частной монополией на ту же энергию[2].

"Либерализация, – подытоживает все это газета "Юропиен войс", – оказалась медленным и болезненным процессом… даже сама Комиссия называет ситуацию с ней разочаровывающей". Кстати, там, где рынки были открыты, размеры ожидавшейся трансграничной конкуренции остаются сравнительно небольшими при доле реально конкурирующих поставщиков менее 20%.

Действительно, число электропередаточных компаний в ФРГ составляет ныне всего четыре, в Австрии – три, Великобритании, Дании и Люксембурге –

---

[1] Конкретно цены на электроэнергию выросли в ходе либерализации в 17 из 25 стран ЕС для промышленных потребителей и в 14 из 25 для домохозяйств с их пиками роста, соответственно, + 44% в Финляндии и + 41% в Венгрии. Цены на газ выросли повсеместно с аналогичными пиками в + 105% для промышленности и + 79% для быта в Венгрии.

[2] В Германии это дуополия "РВЕ" и "Е.ОН", во Франции – "ЕДФ" и "Газ де Франс", в Италии – "ЭНЕЛ", Нидерландах – "Газюни". Если испанская "Газ натураль" сможет поглотить конкурирующую "Эндеса", её монополия распространится на Испанию и Португалию. Идет франко-германская борьба за наследника "Бритиш газ" – компанию "Сентрика", "ЭНЕЛ" поглотила "Словения электрисити", 50% "дерегулированного" рынка Венгрии контролирует "Е.ОН". В целом сумма капитала, задействованная в поглощениях и слияниях в энергетике ЕС в период либерализации уже составила 14 млрд евро. Готовятся слияния ещё на 24 млрд евро, причём в большинстве "агрессивные" (hostile), и правительство Франции уже предотвратило поглощение "Газ де Франс" со стороны "ЭНЕЛ". Но при этом, слив его с "Сюэц", оно усилило эту последнюю монополию во Франции и Бельгии. Дело идёт к господству в ЕС триумвирата "Е.ОН", "ЭНЕЛ", "Сюэц", и "мелкие потребители уже не могут, – отмечал депутат Европарламента К. Тюрме, – доводить своё мнение до национальных регулирующих инстанций", хотя декларативно либерализация делалась именно для них.

по две и в остальных странах ЕС – по одной. Почти вся генерация электроэнергии в половине стран ЕС приходится на долю всего одного ведущего её производителя, трёх ведущих –2/3 в 19 странах и 90% еще в 5 странах. По газу число трансмиссионных компаний в ФРГ равно ныне 15, Австрии, Франции и Испании – 3, Италии – 2 и в остальных странах – по одной. "Там, где генерирующие мощности сосредоточены в руках немногих или даже одного производителя, – признают эксперты Комиссии ЕС, – вполне вероятно, что реальная возможность для потребителя переключиться с одного поставщика на другого будет ограниченной. На деле эффект от рынка здесь может быть обратным, так как компании смогут удерживать высокие цены, не опасаясь, что они начнут терять свою долю на этом рынке".

При "либерализации" были бездумно проигнорированы интересы внешних поставщиков, особенно России. "Газпром" и его партнёров заставили пересмотреть задним числом ряд положений их долгосрочных контрактов (хотя это повлияло на расчёты их конечной рентабельности), рекомендательные сроки заключения таких контрактов были сокращены с 25 до 10—15 лет. Не видно, чтобы кто-то ждал наших поставщиков и как претендентов на использование чужих газопроводов или на доступ к потребителям. Совершенно неясны и возможности доступа отечественной электроэнергии в ЕС.

Все вышесказанное пишется не ангажированно-критически, а только с тем, чтобы выяснить подлинные причины разочаровывающего эксперимента с либерализацией ТЭК в ЕС, и для того, чтобы этот негативный опыт некритически не подхватили наши собственные реформаторы. Конкретно, эти негативные моменты, по мнению автора, являются следующими:

1. Хотя ЕС испытывает физическую нехватку энергии, весь пафос либерализации был направлен не на выстраивание взаимовыгодных отношений с внешними поставщиками, а на перераспределение сокращающегося предложения энергии внутри этого блока. Между тем конкуренция, сколь бы она ни была важна сама по себе, никак не создаёт дополнительного количества распределяемого при её посредстве продукта. Это доказывает, например, упоминавшееся выше "усыхание" рынка энергии Великобритании, страны, которая является как раз пионером и опытным полигоном либерализации.

Между тем "ключевым здесь, – отмечают эксперты МЭА, – является ныне именно желание и готовность энергетически богатых стран за пределами ОЭСР (включая и ЕС. – Авт.) расширять предложение своего газа на экспорт... на рынки стран, которые в возрастающей степени зависят от такого экспорта, а это требует стабильного баланса интересов между экспортирующими и импортирующими газ странами". Но архитекторы либерализации меньше всего интересовались мнением экспортирующих стран и, как указывалось, наоборот, игнорировали их интересы. В итоге, "для производителей вне ЕС на мировом рынке газа, – считают эксперты "Еврогаз", – может возникнуть тенденция переместить свои поставки на более привлекательные рынки, например американский".

2. Либерализацию в Брюсселе начали и проводят не специалисты-энергетики, а ревнители "свободы рынка" любой ценой. Отсюда и такая типичная для всех "профессиональных реформаторов" неувязка, как отрыв их дейст-

вий от реального состояния отрасли. В данном случае к рыночно-конкурентному функционированию пока не готова сама существующая фрагментированная инфраструктура ТЭК ЕС. Она остаётся в основном национальной и не приспособленной к масштабным трансграничным перемещениям энергии, без чего невозможна и бессмысленна сама либерализация. Например, 19 стран из 25 до сих пор могут осваивать импортную электроэнергию в объёмах всего 10% потребностей их внутреннего рынка, 10–25% и лишь 4–50% и более. Около 2/3 транснациональных газовых передаточных узлов ЕС работают на пределе и с перегрузкой, и, чтобы "расшить" эти узкие места, потребуется осуществить свыше 100 проектов. Наконец, Ирландия, Мальта, Кипр, Греция вообще не имеют связи с энергетической инфраструктурой остального ЕС, а у Скандинавии эта связь крайне слаба.

При всей риторике о пользе биржевой торговли энергией (и недооценке долгосрочных контрактов) по территории ЕС свободно ходят пока только фьючерсы, а не реальный товар. Биржа обеспечивает электроэнергией всего 39% рынка ФРГ, в Скандинавии – 34, Польше и Италии – 15, Франции – 8, Австрии – 1%. По оценкам МЭА, для создания подлинно единой электрораспределительной сети ЕС в её развитие до 2030 года нужно вложить не менее 87 млрд долларов, причём пока неясно, где их взять.

То же справедливо и для газа (в том числе СПГ), ибо это не гомогенный по составу товар, есть национальные различия в стандартах его измерения, давления, качества, не всегда реверсивны насосные установки и т. д. Например, если "Интерконнектор" в состоянии перекачивать в континентальную Европу 20 млрд $м^3$ газа в год, то в реверсивном режиме на Великобританию он может пока пропускать лишь 8,5 млрд $м^3$. Промышленности нужен высококалорийный газ, домохозяйствам – низкокалорийный. В Бельгии, ФРГ и Франции тарифы за его прокачку зависят от расстояния; в Великобритании, Нидерландах, Ирландии, Италии – от места сброса газа; в Дании, Швеции, Испании и Люксембурге действуют свои системы и т. д.

3. Вне либерализации (кроме нефти и угля) остаётся ряд экономических факторов работы ТЭК ЕС и прежде всего налоги, которые, кстати, формируют в ряде стран около половины розничной стоимости топлива, так что более эффективной здесь была бы не либерализация, а налоговая реформа. Так, НДС на газ и электроэнергию превышает 10% в 21 стране ЕС и 20% – в 9 странах. В 12 странах взимается ещё и отдельный варьируемый налог на газ (в шести странах он составляет в пересчёте на электроэнергию менее 5 евро за тысячу мегаватт-часов, в двух – 5–15 евро, в трех – свыше 15 и в Австрии – 50 евро). В свою очередь, 18 стран взимают отдельный налог на электроэнергию, а доля отчислений в пользу государства с моторного топлива в среднем по ЕС приближается к половине. Возможно, по одним только этим причинам цены киловатта электроэнергии в ЕС-15, несмотря на либерализацию, колеблются от 8,77 до 15,9 центов, а это уже не единый рынок и не конкуренция.

Наконец, логика подсказывает, что единый рынок газа должен иметь и собственное ценообразование, отвязанное от нефтяного. Но и сейчас цена на газ в ЕС определяется на базе замены им конкурирующих энергоносителей, а это

коммерчески неудобно, например, для электрогенерации, основанной на долгосрочной, а не конъюнктурной оценке издержек.

Есть все основания говорить, что главная цель либерализации – обеспечение энергетической безопасности ЕС через развитие конкуренции на внутреннем рынке – имела с самого начала "сбитый прицел", а её итоги не удовлетворяют ни бизнес, ни общество. По признанию самих же экспертов Комиссии ЕС, в Эстонии, на Кипре, в Латвии, Венгрии, Люксембурге, Польше, Португалии, Швеции они недовольны высоким уровнем цен на энергию, в Эстонии, Греции, Испании, Латвии, Нидерландах, Австрии, Португалии, Финляндии, Швеции и на Кипре – недостаточной прозрачностью операций либерализированного рынка, в Испании, Нидерландах, Австрии, Португалии, Великобритании, Швеции, Финляндии – качеством оказываемых энергоуслуг, в Греции, Испании, Италии, Португалии, Швеции и на Кипре – условиями контрактов на энергоснабжение и т. д. По другим основаниям особенно часты такие жалобы в Австрии, Нидерландах, Испании, Бельгии.

Конкретно в промышленности, по оценке генерального менеджера нидерландской "Газюни" Р. Билба, "немедленными следствиями либерализации стали повсеместно отмечаемое сокращение инвестиций в ТЭК, упор лишь на краткосрочные задачи и цели, снижение интереса к новым технологиям" и даже "уменьшение карьерных возможностей для энергоменеджеров". Представитель "Доу кемикл" Т. Валси также отмечал, что в результате либерализации нефтехимия оказалась "зажатой по всей Европе между рисками нового законодательства и реформирования, что делает здесь энергоинтенсивные отрасли экономики неконкурентоспособными". Не случайно на трёх последних подряд годовых газовых конференциях "Еврогаз" компании настоятельно требовали от Комиссии ЕС воздержаться от дальнейшей реформаторской ломки отрасли.

Вполне объяснимо и то, что в этих условиях многие правительства становятся в позицию обороны от экспериментов "еврократов". Они сознательно нарушают сроки либерализации (в Бельгии, Германии, Греции, Латвии, Люксембурге и Испании дела по невыполнению директивы по электроэнергии переданы в Верховный суд ЕС), отказываются передавать Брюсселю управление запасами энергоносителей. Франция и Испания приняли законодательство против агрессивных поглощений, Франция, Италия, Испания, Нидерланды сохранили госконтроль над своей энергетикой. Обсуждаемая общая энергетическая политика ЕС видится большинству стран Евросоюза как входящая в компетенцию Совета ЕС (то есть стран-членов), а не Комиссии. Быстро наращивается организационно-правовой механизм регулирования энергетики на национальном уровне вплоть до того, что параллельно с либерализацией создаются запасные механизмы альтернативной, мобилизационной энергетики, что объяснимо, ибо анализируемые директивы умалчивают о том, что делать в ТЭК на случай возникновения чрезвычайных ситуаций. Ответственные за либерализацию непрофессионалы-еврократы таких ситуаций попросту не ожидали и не прогнозировали.

Возвращаясь к интересам России

Евросоюз является крупнейшим потребителем российских экспортных энергоносителей, закупая у России 18% необходимой ему нефти и 25% газа, причём наша доля в импорте газа в ЕС равна 50%, а ЕС в российском газовом импорте – 85%. Соответственно ЕС рассматривает Россию как своего стратегического партнёра в сфере энергетики, в том числе на будущее. Однако в такой позиции Брюсселя есть свои нюансы.

Во-первых, страны ЕС предпочитают импортировать из России первичные энергоносители, а не продукты их переработки или энергоёмкие товары. Наша электроэнергия в заметных масштабах идёт лишь в Финляндию, а на удобрения действуют антидемпинговые ограничения. Ряд технических стандартов ЕС сформулированы таким образом (например, на мазут), что наши нефтепродукты должны дополнительно перерабатываться в ЕС, то есть оставлять там часть стоимости, добавленной обработкой. После демонтажа атомных реакторов российского производства для нас существенно сжимаются рынки ядерного топлива и услуг в ЕС-10.

Во-вторых, немало политиков рассматривают ориентацию на российские энергоресурсы как нежелательную зависимость. "Ряд аналитиков полагают, – отмечает информагентство "Юрактив", – что налицо риск такой степени зависимости Евросоюза от поставок российских энергоносителей, что это ограничивает глав государств ЕС в их критике недостатков в развитии в России демократии, прав человека и свободы прессы". И хотя бизнес в массе своей не разделяет такого политиканства, упомянутая выше диверсификация энергоснабжения ЕС проводится по отношению к России в первую очередь.

В-третьих (и в главных), Брюссель делает всё, чтобы закупать российскую энергию на своих, навязываемых нам условиях. Вся либерализация рынка газа в ЕС была проведена явочным порядком без всяких консультаций с Россией или "Газпромом". Её положения были использованы при этом с обратной юридической силой для пересмотра долгосрочных контрактов, в том числе их реэкспортных оговорок, влияющих на конечную рентабельность этих договоров. И, наоборот, нормой стали попытки вмешательства во внутреннюю энергетическую политику нашей страны: требования о приравнивании внутренних цен на энергоносители к мировым как условии присоединения к ВТО (хотя устав ВТО этого не требует), о ратификации Договора к Энергохартии (хотя после нашего присоединения к ВТО это теряет смысл) и особенно транзитного протокола к нему (при том что ЕС объявил себя единой транзитной территорией, такой протокол действовал бы только в отношении наших внутренних энергокоммуникаций без встречных обязательств Брюсселя) и т. д. По принципу двойных стандартов Россия оказывается виноватой в любом энергетическом конфликте, будь то с Польшей или Украиной. Даже при расследовании негативных последствий концентрации в ТЭК ЕС находятся любители перевести при этом стрелку на "Газпром".

Наконец, до сих пор Россия осваивает свои ресурсы для поставок в ЕС газа либо за собственный счёт, либо за счёт дорогостоящих займов на денежных рын-

ках. Орган, осуществляющий льготное кредитование энергетики в самом ЕС, – Европейский инвестиционный банк – не принимает в этом никакого участия.

Короче, ряд "еврократов" ведёт себя так, как будто на рынке энергии ныне погоду делают не продавцы, а покупатели, хотя дело обстоит как раз наоборот. ЕС еще предстоит изыскать до 100 млрд м^3 газа, которые пока никак не законтрактованы.

Вместе с тем упрекать во всех этих грехах только и исключительно ЕС было бы также несправедливо. Серьезные претензии можно предъявить и к нашей собственной энергетической политике.

Так, России было бы давно пора диверсифицировать свой энергоэкспорт в восточном направлении, не концентрируя его сверх меры на Евросоюзе. Слышны среди нашей политической тусовки и призывы, в частности в преддверии "энерговосьмерки", к "спасению" мира от энергокризиса за счёт российских ресурсов, хотя здесь для страны уместен прежде всего национальный прагматизм. Именно наш Минатом многие годы фактически саботировал переговоры об открытии рынка ЕС для российского ядерного топлива, ибо министр Адамов считал более выгодным ввоз к нам на переработку чужих ядерных отходов.

Наконец, вот уже пять лет Россия и ЕС ведут между собой энергодиалог, который, однако, пока не сказался позитивно на нашей энергетике, и гораздо больший прогресс достигнут в двухсторонних отношениях России и отдельных стран ЕС. Причины – кадровая чехарда в Минэнерго, неумение чётко обозначить свои интересы. В итоге, недружественные акты ЕС в сфере энергетики оставались, как правило, вне этого диалога. Практически сняты с обсуждения такие первоначальные условия, как увеличение в российском экспорте, наряду с первичными энергоносителями, доли продуктов их переработки, электричества, ядерного топлива, энергоёмких товаров; расширение нашего энергоэкспорта в ЕС только параллельно с адекватным встречным притоком капиталов и технологий, а также гарантий свободы транзита. Вместо этого партнёры по диалогу советуют нам либерализовать российскую энергетику по евросоюзовскому образцу. На негосударственном уровне слабо слышен голос "Газпрома" в Мадридской группе (совещательный орган при ЕС по техническим вопросам газоснабжения).

Случается, что мы сначала занимаем на переговорах крайние позиции (и это подается как "твердость"), но в итоге (чаще всего руками либеральной фракции госаппарата) "сливаем" свои интересы, уступая партнёрам (и это называется "гибкостью"), полагая, что нам за это кто-то скажет спасибо или же нас начнут больше уважать.

Очевидно, наше ценнейшее энергетическое достояние заслуживает к себе более рачительного отношения и как невозобновимый природный ресурс, и в качестве одной из основ статуса Российской Федерации как мировой державы.

Сергей КАРАГАНОВ

ОБРАТНО К МИРНОМУ СОСУЩЕСТВОВАНИЮ?*

За последний год, особенно в прошедшие месяцы все люди, следящие за отношением на Западе к России, с тревогой, а кто-то, возможно, и с радостью, отмечали резкое усиление критики нашей страны и её руководства. Бóльшая часть статей о России носит негативный и очень редко – нейтральный характер. В США вышло два интересных доклада, посвящённых внешней политике. Первый из них – официальный доклад президента о национальной безопасности, его предшественник был выпущен в 2003 году. Второй доклад под звучным названием "Неверный путь России" был подготовлен под эгидой Совета по международным отношениям (СМО) – наиболее влиятельной организации американской элиты, занимающейся вопросами внешней и оборонной политики – группой известных американских экспертов и политиков из обеих партий.

Одна за другой проходят конференции по проблемам России, тон которых не может не настораживать. Нашу страну стало модно ругать и немодно защищать. Примолкли традиционные сторонники сближения с нашей страной, зато оживились постаревшие рыцари "холодной войны".

Вышло и несколько любопытных, странноватых статей, посвящённых России и её отношениям с Западом.

Демократическое мессианство и монополия на войны

Документы, естественно, разномасштабны, но крайне интересны для понимания того, куда уводит внешнеполитическая мысль США, куда ведёт Белый

---

* Отдельные разделы данной статьи публиковались весной 2006 года в журнале Russia in Global Affairs и в "Российской газете".

© ***Караганов Сергей Александрович*** – доктор исторических наук, заместитель директора Института Европы РАН, председатель президиума общественного совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала "Россия в глобальной политике".

дом и пытаются толкнуть политику США в отношении России разные группы политикообразующей элиты.

Первое, что бросается в глаза при прочтении этих документов, особенно послания президента, – усиление в американской политике мотива демократического мессианства. Слова "демократия", "свобода" повторяются в послании буквально на каждой странице и по нескольку раз. Их распространение провозглашается не только главной целью американской внешней политики, но и панацеей от всех бед современного мира – бедности, тирании, болезней, терроризма, а по сути, объявляется и главным инструментом обеспечения безопасности США. Нотки политического реализма, понимания, что не всегда Америка может руководствоваться в своей политике высокими идеалами, присутствуют, но они почти незаметны, находятся где-то на втором плане.

Можно, конечно, цинично усмехнуться и счесть, что призывы к распространению свободы, демократии и прав человека – предвыборная раскрутка темы, которая традиционно "принадлежала" демократам (республиканцы исторически были более прагматичными и больше апеллировали к реализму силы, чем к идеализму борьбы за свободу и демократию в мире). Можно (и нужно) с удивлением поднять брови, когда, описывая победный марш демократии в мире, доклад упоминает в качестве главных достижений "демократические" Афганистан, Грузию, Саудовскую Аравию, где на первых в истории выборах на муниципальном уровне победили сплошь одни исламские радикалы, а также становящуюся всё более нестабильной и криминальной Киргизию. При всём возможном постчеченском сочувствии к иракским мучениям США и трагедии иракцев, трудно вслед за американским президентом объявить объятый гражданской войной и терроризмом Ирак побеждающей демократией.

Вызывает удивление и то, что в список наиболее тиранических режимов, куда занесены Северная Корея, Иран, Сирия, Куба, Зимбабве, Беларусь, не попали некоторые режимы, в том числе и на территории бывшего СССР, где существуют режимы похлеще. Правда, в странах, где похлеще, как правило, добываются нефть и газ.

Но, даже не соглашаясь в силу российского политического опыта или цинизма, порождённых семью десятилетиями провалившегося коммунистического мессианизма, десятью годами полудемократического революционного хаоса и последними годами "управляемой демократии" без идей и идеалов, с американским президентом, нельзя не проникнуться уважением к лидеру нации, который старается вернуть в теряющий идеалы западный мир веру в них. Тем более, у меня почти не вызывает сомнения, что глубоко религиозный Дж. Буш чувствует себя демократическим мессией, он одержим теми идеями и лозунгами, которые он провозглашает. А правящая элита, кто веря, кто полуверя, кто даже не веря в эти идеалы, вынуждена подстраиваться под них. Претворяя в жизнь реальную политику, Дж. Буш и его окружение отходят от провозглашённых высоких целей или используют их во вполне практических целях продви-

жения интересов США. Но идеалы есть. И США даже иногда действуют в ущерб себе во имя них, критикуя своих "сукиных сыновей", отказывая им в поддержке. Влезают в войну, катастрофичность которой для прямых американских интересов предсказывали девять десятых специалистов. Где сейчас твердившие, что американцы пошли воевать в Ирак за нефтью? Что получили американцы, вторгнувшись в Ирак, кроме потери власти, престижа, денег? Пока выиграли другие, нефтепроизводящие страны, в первую голову Россия.

Не стоит недооценивать американский демократический идеализм, мерить американское руководство по себе, изверившимся. Можно сделать дорогостоящую ошибку.

Другой важнейшей темой послания, провозглашённой Бушем – по-моему, впервые, – является открытое объявление войны исламскому радикализму. Все правильные слова об уважении к великой и гордой цивилизации ислама сказаны. Но сказано и другое: "Борьба против воинствующего исламского радикализма является величайшим идеологическим конфликтом первых годов XXI века. И все великие державы вместе противостоят терроризму. Эта ситуация коренным образом отличается от XX века, когда великие державы были разделены идеологией и национальными интересами".

Буш сказал то, что думали, но не решались произнести многие. Нам в России теперь труднее будет не признавать эту реальность. Тем более что мы первые взялись за оружие и, заплатив ужасную цену, выиграли в Чечне битву, хотя ещё далеко не войну, против этого самого воинствующего исламского радикализма и терроризма.

Американцы своим ошибочным вторжением в Ирак сделали эту борьбу гораздо более трудной для всех.

Россию история и география, да и многие партнёры подталкивают на то, чтобы она превратилась в поле битвы этого нового противостояния. Перед нами стоит архитрудная задача – насколько это возможно избежать такой участи.

Предсказуемо главным врагом Америки назван Иран, объявленный воплощением всех зол – тирании, мусульманского радикализма, терроризма, распространения оружия массового уничтожения. Похоже, что США, по крайней мере на ближайшие года два, отказываются от попыток убедить Тегеран и будут пытаться принудить его. Вряд ли это испугает иранских радикалов, а вот иранцев, стремящихся к модернизации и переменам, загонит в угол. Было бы мудрее заняться не борьбой с руководством Ирана, а исключительно с возможными попытками Тегерана получить ядерную бомбу.

Элементом стратегии национальной безопасности, вызвавшим наиболее широкие и острые комментарии, явилось подтверждение того, что США оставляют за собой право на упреждающее применение военной силы любого уровня против режимов или сил, террористов, получивших или захвативших оружие массового уничтожения и угрожающих даже потенциально его применением. Меня удивила единодушно негативная реакция на это положение в западных

СМИ. Ещё больше изумила российская критика. Упреждение нападения является аксиомой военной теории и практики. Те, кто этой теории не следовал и строил линии Мажино, были неизменно жестоко наказаны. Тем более очевидна необходимость способности и готовности к упреждающим ударам в наш всё более опасный век.

Разве наша военная доктрина не предусматривает возможности таких ударов? Если это так, надо гнать наших стратегов. Но, насколько я понимаю, такие варианты предусматриваются и о них знают все те, кто может нам угрожать. Уверен, что Генштаб в этой сфере своё дело знает.

Другой вопрос – США пытаются оставить право на упреждающие удары только за собой, заявляя, что "никакая страна не должна ни при каких обстоятельствах использовать упреждающие удары в качестве предлога для агрессии". Но тут уж, извините. Если угроза жизненным интересам и безопасности страны будет очевидной, спрашивать Вашингтон не станут.

Послание выдвигает широкую и на 95% позитивную, с точки зрения России, программу борьбы с распространением оружия массового уничтожения. Россия, естественно, не может не быть заинтересована в ключевом участии в ней. Да без неё никакая программа в этой сфере просто не может состояться.

Снова мирное сосуществование?

Доклад президента предлагает видение России, которое Белый дом хочет транслировать Америке, миру и нам. Подтверждается нежелание возрождать соперничество между великими державами, важность России для США и мира, готовность тесно работать вместе там, где интересы совпадают, спокойно относиться к тем проблемам, где интересы различаются. Это – из прежнего позитивного лексикона. Появились и новые нотки. Заявляется, что "последние тенденции (в России), к сожалению, указывают на уменьшение приверженности демократическим свободам и институтам". Россию призывают двигаться вперёд, а не назад. В тексте послания содержится и скрытая угроза ухудшения отношений в случае, если Москва будет препятствовать демократическому развитию не только у себя дома, но и в близлежащих странах. Поворот в российско-американских отношениях не провозглашается, но на его возможность указывается.

Гораздо более ярко о возможности и даже желательности поворота в российско-американских отношениях говорится в докладе, подготовленном под эгидой Совета по международным отношениям.

Не буду рецензировать этот доклад из уважения к Совету, с которым меня связывает тридцать лет сотрудничества, к экспертам и политикам, участвовавшим в его подготовке, с большинством из которых я связан профессиональными и дружескими отношениями в течение десятилетий. Скажу только одно. Доклад ещё раз убеждает в необходимости глубокого и откровенного диалога между элитами, связанными с российско-американскими отношениями. Его сейчас почти нет. Меньше, чем в годы "холодной войны". Я не хочу допускать,

что множество вызывающих изумление оценок доклада вызваны идеологической предвзятостью. Видимо, налицо просто непонимание.

Изложу основные, с моей точки зрения, положения доклада.

Россия экономически развивается исключительно успешно. Приятно. Но многие в России не разделили бы такой степени оптимизма. Одновременно заявляется, что во внутриполитической сфере Россия отступает от демократических завоеваний прошлого по всем направлениям. Коррупция растёт. Сверхцентрализация власти за счёт развития современных государственных и общественных институтов достигает уровня, когда эффективность управления начинает падать.

В этих утверждениях есть значительная доля истины. Если бы доклад о развитии российской внутренней политики писал я, то добавил бы ещё пару серьёзных критических замечаний.

Но проблема с докладом заключается в том, что практически все аспекты внутренней политики России подаются исключительно в чёрном цвете. Из его чтения складывается впечатление, что 1990-е годы были расцветом демократии, а середина следующего десятилетия характеризуется её гибелью.

Авторы не хотят видеть, что Россия, которой никогда никто всерьёз не помогал в её трансформации, переживает естественный период контрреволюции, консервативной консолидации после хаоса 1990-х годов. И странно слышать критику от тех людей, которые публично одобряли расстрел из танков российского парламента в 1993 году. От тех, кто "продавливал" выборы Б.Н. Ельцина в 1996 году, когда он уже был почти недееспособен и когда государство разваливалось на глазах. От тех, кто в 1998 году выпрашивал кредиты для обанкротившегося правительства, поддерживавшие Кремль в 1999 году.

Я был с теми или на стороне тех, кто стрелял, кто продавливал. Но мне было стыдно не только за себя и свою страну, но и за лидеров демократического мира, в том числе за американского президента, которые открыто поддерживали расстрел, методы управления государством и политической борьбы тогдашнего руководства.

Скорбя по отступлению от некоторых демократических принципов и не поддерживая многие аспекты российской внутренней политики, выскажу еретическую мысль для человека демократических и либеральных убеждений. В совокупности Россия никогда не была более процветающей и свободной страной за всю свою историю, чем сейчас. Мы были лишь немногим более свободны в хаотические 90-е годы прошлого века, а нормально жила, тем более процветала лишь ничтожно малая группа населения.

В докладе в мрачных тонах утверждается, что будущее России малопредсказуемо. А когда оно было более предсказуемо? Вариант стагнационно-авторитарного развития возможен. Но столь же возможен и вариант возвращения через несколько лет к более современному и эффективному варианту развития. Зато мы практически прошли веймарский период нашей истории, откат к тоталитарному или к ультранационалистическому режиму маловероятен.

Ещё более странное впечатление производит описание российской внешней политики. Авторы доклада СМО считают, что эта политика, за исключением, пожалуй, взаимодействия по Ирану и в целом по нераспространению ядерного оружия, становится почти повсеместно враждебной американской.

Понятно, Россия чувствует себя более уверенно, может быть, даже излишне самоуверенно и защищает свои интересы, а не проводит более политику "чего изволите?" первой половины 1990-х годов, наверное ностальгически любезную американскому сердцу.

Но называть нынешнюю российскую политику враждебной американской?.. Перечислю некоторые проявления "враждебности", названные в докладе. Мы, оказывается, подталкиваем Китай к противостоянию с США, продавая ему оружие или проводя совместные военные учения. Мы поддерживаем антидемократические режимы в Центральной Азии и вытесняем США оттуда. Насчёт вытеснения скажу следующее. Американцы, по-моему, с большим удовольствием ушли из Узбекистана, возложив ответственность на наши плечи. Сохранение же американской и натовской базы в Киргизии российский президент поддержал. Чего от нас хотят? Чтобы мы валили плохие или очень плохие местные режимы и пролагали дорогу хаосу, радикальным исламистам или наркобаронам?

Нам ставят в вину диалог с "Хамасом". Я не считаю, что стране, столь сильно пострадавшей от чеченского терроризма, стоило спешить с переговорами с террористической организацией, даже легитимно пришедшей к власти. Но американский президент в своём послании обратился к "Хамасу" практически с теми же словами, что и российские власти: признайте за Израилем право на существование, проводите ответственную политику, и мы будем с вами работать.

Даже пока не очень эффективное, но по-прежнему позитивное сотрудничество в энергетической области называется в докладе антиамериканским. Даже задержка со строительством нефтепровода на Мурманск считается антиамериканским жестом.

Предполагается не расширение, а сужение и без того узкого сотрудничества.

И это самое странное. Сужение сфер и понижение уровня сотрудничества предполагается в ситуации, когда США из-за иракской проблемы сильно ослабели, а проблемы новой повестки дня – дестабилизация "расширенного Ближнего Востока", распространение оружия массового уничтожения, необходимость интеграции новых гигантов в мировую систему, обострение энергетического и других глобальных вызовов требуют как никогда тесного сотрудничества. США с этими проблемами явно в одиночку не справляются, а традиционные союзники уходят в себя и не хотят или не могут играть глобальной роли.

Самым же большим грехом российской внешней политики считается "политически мотивированный" энергетический шантаж Украины. Думаю, что некоторый политический элемент в повышении цен на газ был, но ещё больше политики худшего толка и коррупции было в том, что мы десятилетие продавали Украине газ по ценам ниже рыночных. В последние годы мы субсидировали

украинский правящий класс на четыре с лишнем миллиарда долларов в год. Раз в тридцать больше, чем помогала Киеву Америка. Так что, переход на рыночные цены, отказ от патернализма, отношение к Украине как к полностью суверенному государству – это тоже антиамериканская политика?

Бросается в глаза и то, что авторы не замечают ряда существенных сфер, где Россия и США тесно сотрудничают. Мы поддерживали и поддерживаем американскую операцию по умиротворению Афганистана, тесно сотрудничаем в решении северокорейской ядерной проблемы. Во время кризиса вокруг Ирака Россия не работала на подрыв позиций Вашингтона, как многие американские союзники. Москва заранее предупредила, что считает акцию неразумной, и была права. Вряд ли кто-то может назвать неконструктивной и нашу нынешнюю политику в отношении Ирака и США в Ираке.

Доклад не во всём негативен. Он призывает к конструктивному сотрудничеству в области нераспространения, в ряде других сфер, но в целом и тон, и рекомендации носят негативный характер.

Но, если с негативными оценками в докладе всё хорошо, то с рекомендациями получается скудно. Предлагается сотрудничать только в тех областях, где это выгодно Америке, в остальных – противодействовать. Рекомендуется также жёстко увязывать американскую политику в отношении нашей страны с уровнем развития в ней демократии. (Тут, правда, значительная часть республиканцев из авторской группы выразила несогласие. Они считают, что противодействовать нужно только антиамериканским шагам во внешней политике страны.)

При этом упоминается довольно любопытный набор инструментов давления на Россию. Первый. Понижение уровня сотрудничества в рамках Совета "Россия–НАТО". А мы-то думали, что сотрудничеством мы помогаем НАТО, предоставляя ей дополнительную легитимизацию.

Второй. Предлагается восстановить в рамках "большой восьмёрки" институт "семёрки" – предварительные консультации без России, несколько понижающий её статус. Ну что же, это психологически не очень приятная перспектива. Но Россия сейчас мало напоминает поздний горбачёвский СССР или себя во времена Б.Н. Ельцина. Москва больше уверена в себе и не так ценит знаки внешнего уважения. К тому же "восьмёрка" и так слабовата и не способна пока заполнить образовывающийся вакуум управляемости международными отношениями. На повестке дня остро стоит вопрос о расширении за счёт Индии, Китая, возможно, Бразилии. Так что угроза воссоздания "семёрки" в "восьмёрке" выглядит не очень убедительно. А "семёрка" в "десятке", которая неминуемо должна быть создана, будет смотреться совсем странно.

Так какие же выводы мы должны сделать из анализа этих двух докладов, дискуссии в США в целом?

Первое. Мы дошли до предела внутриполитической консервативной эволюции. Перейдя этот предел, мы дадим "рыцарям и пажам" "холодной войны" на Западе предлог для ухудшения отношений с Россией. Эти люди потеряны, не

могут жить без врага, признать прошлые ошибки. Они будут играть на руку нашим собственным "рыцарям и пажам", которые, из-за провинциальности мышления или повинуясь старым стереотипам, хотят побороться с Америкой, а не за Россию, и вогнать нас в губительную изоляцию.

Нельзя допустить создания "несвященного союза" наиболее отсталых элементов в наших политикообразующих классах. Они или их предшественники уже нанесли нам огромный ущерб, играя друг другу на руку в годы настоящей "холодной войны".

Второе. Не стоит излишне цинично относиться к демократической риторике Америки или Европы, как мы относимся, порой, к ней в нашей собственной стране. Многие люди, в том числе лидеры, верят в то, что они говорят. И если мы хотим быть с развитым и относительно свободным миром, мы должны начинать играть по общим правилам не только на словах, но и на деле.

И третье. Не надо слишком пугаться критики. Не стоит зазнаваться. Мы обретаем чувство родины и государства. К критике стоит прислушиваться, взгляды "рыцарей и пажей" надо учитывать, но идти стоит своим курсом, модернизируя, усиливая и демократизируя страну во имя нас самих и, значит, на пользу цивилизованному миру.

Наконец, последнее. Нас извне и изнутри призывают к возвращению в доисторическую эпоху "холодной войны" или "мирного сосуществования". Ни политически, ни интеллектуально мы не должны поддаваться. Мы прошли через трагедию противостояния. Незачем участвовать в постановке фарса, к которому нас подталкивают.

Школярство или провокации?

Однако, судя по недавно вышедшим публикациям, на Западе находится достаточно людей, которым неймётся "подраться" с Россией. В одном из последних номеров весьма уважаемого и самого широко читаемого в мире американского журнала по внешней и оборонной политике "Форин Афферз" опубликована статья двух молодых авторов: старшего преподавателя и доцента из приличных, но второстепенных американских университетов. Просмотрев статью, я усмехнулся и вспомнил свои молодые годы, когда во время "холодной войны" я больше десяти лет потратил или, вернее, растратил на изучение ядерной теологии, написал немало статей, записок, брошюр, посвящённых связанным с ней вопросам. Статья американских авторов произвела на меня впечатление двумя вещами.

Во-первых, крайним непрофессионализмом, дремучим незнанием предмета и даже терминологии – и это в стране, которая являлась в течение всего пятидесятилетия после Второй мировой войны лидером и законодателем мод в теории ядерного сдерживания и устрашения и породила ряд крупнейших специалистов в этой отрасли науки или теологии.

Во-вторых, своим основным тезисом: США якобы могут скоро получить способность к первому разоружающему удару по России и Китаю, то есть на-

нести ядерный удар и остаться безнаказанными, вырваться из сдерживающих рамок теории "взаимного гарантированного уничтожения", которая предотвращала применение ядерного оружия и побуждала к военно-политической осторожности во всех иных сферах.

Статья, которую я, будучи в числе прочего университетским профессором, не принял бы в качестве курсовой работы студента третьего курса и тем более бакалавра, получила, однако же, большой резонанс в российской прессе. Серьёзные газеты и маститые авторы посвятили ей объёмные статьи, доказывая неправомерность её тезисов. Главный из них основывается на том, что США, не увеличивая, но понемногу модернизируя свой ядерный потенциал, получают возможность выбить уменьшающийся и всё менее боеготовый российский ядерный потенциал первым ударом. Особый упор делается, естественно, на то, что российский ядерный стратегический потенциал уменьшается количественно и ухудшается качественно. При этом не обращается внимания на последние усилия по его модернизации. Заявляется, что даже относительно малоэффективная американская система ПРО может стать эффективной именно в ситуации, когда США получат потенциал первого обезоруживающего удара.

По сути же вопроса хочу сказать следующее. Давно доказано, что массированные ядерные удары приведут к тому, что тот, кто бьёт первым, просто погибает вторым только из-за экологических последствий таких ударов.

Ещё более понятно, что, конечно, никакой американский руководитель никогда не решится нанести первый удар, поскольку понимает, что всегда существует хотя бы теоретическая возможность прорыва нескольких ракет при ударе возмездия. Необходимо учитывать, что ракеты будут пущены по получении предупреждения о нападении. А ныне не очень надёжная российская система раннего предупреждения увеличивает вероятность такого удара, если мы опять вернёмся к состоянию ядерного противостояния. Поэтому в принципе, с точки зрения уже устоявшейся стратегической теории, подобного рода измышления – либо провокация, либо глупость очень старого и давно отвергнутого толка даже в США.

Что же касается американской системы ПРО, то, насколько я понимаю со слов российских и американских специалистов, а также из чтения соответствующей литературы, уже и наиболее отъявленные её адепты и сторонники убедились в том, что работать этот механизм не может и не будет даже в отношении нескольких отдельно летящих ракет, если они, конечно, оборудованы специальными системами прорыва ПРО. Потратив изрядное количество денег на систему ПРО и связанные с ней технологии, которые, наверное, дали толчок техническому развитию США, строительство самой системы фактически замораживается. И мы вряд ли в течение многих лет, а быть может, и никогда, не увидим что-нибудь похожее на воплощение тех сказок, которыми сначала нас потчевал Рональд Рейган, а потом республиканцы перед приходом к власти или в самом начале прихода к власти нынешней администрации. Наконец, любой мало-мальски знающий специалист понимает, что нанести ответный удар и во-

обще удар по территории "вероятного противника", можно, не поднимая ракеты со своей территории. Именно поэтому и для США, и для России, и для других стран столь страшна угроза так называемого ядерного терроризма. Если ядерные боеголовки "поплывут" по всему миру, то непоправимый ущерб может быть нанесён любой стране без всякого объявления войны. Это только один из десяти способов, которым можно предотвратить удар по своей собственной территории.

Я вспомнил свои молодые годы. Те годы, когда я писал книги, диссертации и был одним из немногих людей и, по-моему, единственным русским, который сидел в государственных архивах США и неделя за неделей читал рассекреченные документы Совета национальной безопасности США времён "холодной войны", касавшиеся стратегического планирования. Все соответствующие цитаты и сноски у меня до сих пор сохранились, и я с удовольствием достал из пыльных папок, выражаясь словами Маяковского, "старое доброе оружие". Из этих документов можно сделать совершенно однозначный вывод: для США с начала пятидесятых годов, даже прямо с пятидесятого года, когда американские стратеги сочли, что российские бомбардировщики при полёте в одну сторону могут донести хотя бы одну бомбу на территорию США, ядерная война стала неприемлемой. Риторика угроз продолжалась, но реальная стратегия быстро переориентировалась на предотвращение войны.

Об этом писали крупнейшие официальные американские стратеги, например, Пол Нитце, один из главных разработчиков стратегии ядерного сдерживания. Еще в 1950 году во время обсуждения очередной директивы Совета национальной безопасности под номером 5410, президент Эйзенхауэр сказал, что "он сомневается, что вообще какие-либо страны могут существовать в таком виде, в каком мы их знаем, после ядерной войны. Любое отдельно взятое государство, включая США, начав войну свободным, выйдет из неё диктатурой. Такой будет цена выживания". Это высказывание президента заслуживает особого внимания. Он имел в виду, что взрыв одного (по нынешним временам маломощного) атомного боезаряда на территории США будет означать крах американского образа жизни, социального строя той самой Америки, которую её руководители любили и хотели сохранить. Уже в директиве 5440 от 13 декабря 1954 года содержалось такое утверждение: "Развязывание США военной акции (для уменьшения мощи СССР) не может являться приоритетом для США и их союзников". Будучи знаком с этими и многими другими документами, я могу с абсолютной уверенностью утверждать, что США реально, на политическом уровне никогда не предполагали применения ядерного оружия, опасаясь удара возмездия по территории США, и даже для защиты своих союзников в Европе, если бы Советский Союз напал на них. (Другое дело – риторика и военные планы, которые предъявлялись союзникам, но которые верили в них всё меньше.)

Такое мнение вслед за Эйзенхауэром подтверждали президенты Кеннеди, Никсон. Думаю, что и все остальные президенты. Вообще вся стратегия так на-

зываемого расширенного сдерживания, то есть готовности США применить ядерное оружие в ответ на гипотетическую угрозу советского нападения на Западную Европу была блефом. Другое дело, что он работал. Как работал и советский блеф. В Москве, опасаясь применения Соединёнными Штатами ядерного оружия в Европе, первыми строили такие армии, чтобы они сразу могли перенести войну на территорию НАТО. У нас в результате было больше танков, чем у всего остального мира. Сейчас-то, разумеется, понятно, что с обеих сторон верили в этот фантасмагорический идиотизм и тратили сотни миллиардов долларов на блеф.

Удивило, что в серьёзном американском журнале появляются статьи по темам, которые давно уже преодолены политическим руководством обеих стран, что нас с США снова пытаются столкнуть лбами, сделать вновь "вероятными противниками". Пока существует ядерное оружие, сохраняется и сдерживание. Но его давным-давно отодвинули на далёкую периферию российско-американских отношений.

Возможно, преподаватели из двух американских университетов не знали о том, что сначала США и Советский Союз, а потом Россия и США заявили об отказе от нацеливания ядерных ракет друг на друга, пошли на беспрецедентные меры сотрудничества в ядерной области, стали, по сути, партнёрами. Хотя такую дремучую невежественность и представить трудно.

Чем же вызвана эта статья, её публикация? Возможно, обычным школярским энтузиазмом или необходимостью заполнить страницы журнала. Хотя в это верится с трудом. В "Форин Афферз" хотели бы публиковаться многие очень уважаемые специалисты и политики.

Второй гипотезой может являться то, что кто-то хочет спровоцировать Россию на жёсткую ответную политическую реакцию, ухудшить и без того становящиеся всё более хрупкими отношения двух стран. Напряжённость, похоже, нагнетается несколькими группами американского политического истеблишмента. Напомню читателям о недавно вышедшем докладе американского Совета по международным отношениям, который явно направлен на возрождение напряжённости. Расчёт, возможно, делается и на то, чтобы спровоцировать и усилить в России позиции антиамериканских, антизападных и изоляционистских группировок. Чтобы таким образом ослабить Россию, связать ей руки, остановить её внешнеполитическое продвижение, которое сейчас становится всё более очевидным.

Есть ещё третье возможное объяснение. Одной из главных функций гонки вооружений являлось экономическое изматывание противника. В этом в гораздо большей степени преуспели США, хотя иногда и Советский Союз запускал фальшивые системы, в ответ на которые американцы тратили в десятки раз больше денег, чем стоили сами эти системы. Одной из главных причин выдвижения теории "звёздных войн", курса на развитие ПРО был расчёт на то, что российский политический класс проглотит крючок и запустит свою контрсис-

тему, подрывая и без того слабую экономику. Что частично и произошло, хотя в гораздо меньшей степени, чем на это рассчитывали американцы.

Наконец, четвёртое, можно предположить, что сейчас некий круг людей в США толкает нас к тому, чтобы потратить нефтедоллары, средства стабфонда не на развитие технологий будущего, не на образование, не на создание многовекторной энергетической системы и на модернизацию страны, а на бессмысленную гонку вооружений.

Возможно, наконец, хотят запугать Китай, предотвратить естественное российско-китайское сближение указанием на то, что Россия – слабый союзник. Хотя ни Пекин, ни Москва пока и думать не думали о каком-нибудь военно-политическом союзе.

Я не готов настаивать ни на одной из этих гипотез, но если вторая, третья и четвёртая гипотезы являются правильными, то уж больно топорно всё было сделано.

Хотя совершенно очевидно, что модернизировать наш ядерный потенциал в нынешнем всё более непредсказуемом и опасном мире нам всё равно необходимо. Но делать это нужно экономно, разумно, согласно своим потребностям и возможностям, а не реагировать на блеф, не втягиваться в гонку вооружений.

Причины западной критики

Надо, правда, отметить, что западная, в частности американская критика, не идёт ни в какое сравнение с вызывающей невесёлое изумление руганью в адрес США и Запада, раздающейся с наших телеэкранов.

Но, как бы то ни было, в мире заговорили о кризисе в российско-американских отношениях и даже отношениях России с Западом в целом.

За прошедший месяц пришлось немало почитать, поездить, повстречаться со многими людьми, определяющими западное общественное мнение, политику в отношении нашей страны. Поделюсь своими, естественно, неполными выводами, не претендуя на истину в последней инстанции.

В США, наверное, важнейшей причиной критики является не положение в самой России или её внешняя политика, а стремление рвущихся к власти, но не имеющих пока больших шансов демократов, нанести максимальный ущерб президенту Бушу и его окружению. К атакующим “левым” демократам присоединилась часть “правых” республиканцев, начавших борьбу за его наследие.

Белый дом, несмотря на очевидные провалы в Ираке сделал немало пропагандистки умелых ходов. Во-первых, он провозгласил главной целью и инструментом своей внешней политики борьбу за демократию, права и свободы человека во всём мире. Полагаю, что мессиански настроенный американский президент свято верит в то, что говорит, хотя конкретная политика США в ряде случаев, мягко говоря, не соответствует провозглашённым идеалам, а курс на насильственную демократизацию отсталых стран просто конрпродуктивен. Но как бы то ни было, у демократов отобрали их главные традиционные лозунги, а

атаковать Буша за Ирак при провозглашённом им курсе на борьбу с исламским радикализмом и терроризмом, как главном конфликте современной эпохи, – политическое самоубийство.

В экономике же дела идут пока неплохо. Поэтому часть соперников нынешнего президента выбрали тактику бить Буша Россией. Суть её такова: Буш провозглашает курс на демократию во всём мире, а одна из крупнейших стран, возглавляемая к тому же его личным другом, "отступает от демократии по всем направлениям".

Но это "отступление" является не только дубиной, бьющей американского президента и его госсекретаря, которые, кстати, пока в целом ведут курс на продолжение конструктивного сотрудничества с Москвой. Политические изменения в России действительно беспокоят и раздражают американские и западные элиты. Они, во-первых, не понимают или не хотят понимать, что эти изменения являются объективной реакцией на полудемократический хаос 1990-х, который угрожал развалом страны. Налицо давно прогнозировавшаяся консервативная консолидация или контрреволюция, необходимая после любой революции, а также перераспределение собственности, практически неизбежное после того её распределения, которое было. Во-вторых, часть элит опасается воссоздания централизованного государства, которое будет, противостоять Западу, жёстко навязывать свою волю хотя уже не всему миру, но многим соседям. В-третьих, высказываются обратные опасения, что чрезмерная централизация власти увеличивает хрупкость Российского государства, что может привести его к кризису и новой угрозе развала, который является ещё большим кошмаром, чем раньше, для многих серьёзных стратегов на фоне дестабилизации и радикализации "расширенного Ближнего Востока" и Центральной Азии, резкого усиления Китая. К тому же никто не знает, где и когда закончится нынешняя постреволюционная реакция. Не знаем этого, впрочем, и мы. Наконец, отходя от некоторых правил и принципов, принятых, хотя бы внешне, в западном мире, допуская безудержную коррупцию, не вводя "диктатуру закона", мы понемногу снова становимся "чужими", которые всегда подозрительны. К тому же к России, как к любой крупной стране, всегда изначально относятся подозрительно.

Важной, хотя и не часто проговариваемой, причиной волны недовольства Россией является её новый уверенный (иногда даже самоуверенный) тон внешней политики, её заметная активизация. Государство уже почти не отступает и если не наступает, то пытается твёрдо отстаивать свои позиции. В западных столицах, привыкших за последние почти два десятилетия к бесконечным уступкам Москвы, это не может не вызывать ностальгии по "добрым" для этих столиц временам.

Соединяясь с критикой внутриполитических изменений в России эта причина недовольства привела к появлению просто недобросовестного тезиса о том, что Россия занялась "экспортом авторитаризма". Я не во всём согласен с нашей поддержкой статус-кво по всей периферии. (Беларуси давно можно и нужно было бы

навязывать реформы). Но требовать от России во имя демократии мазохистской линии на развал среднеазиатских республик по меньшей мере странно. И мы уже видим, к чему привела "тюльпановая" революция в Киргизстане – к дестабилизации и криминализации страны. Тем более Запад не очень критикует послушный, но сидящий на газе режим в Туркменистане или власти в Баку.

Тут речь идёт и просто об обычном, возвращающемся к нам из прошлых десятилетий и столетий геополитическом и геоэкономическом соперничестве. Важно не увлекаться им со старой страстью, которая порой доводила до глупейших войн. Надо спокойно, последовательно и твёрдо бороться за свои региональные интересы, но помнить, что с миром так называемых западных стран нас теперь объединяют интересы гораздо более высокого порядка, хотя бы предотвращение дальнейшего распространения оружия массового уничтожения, радикализма и терроризма в мировом сообществе.

Можно и нужно доказывать своё право на пояс дружественных нам, а не другим государствам, стран вокруг наших границ. И добиваться этого можно вполне цивилизованными методами – в первую очередь своим собственным успешным развитием. Если нужно, противодействовать, но лучше без показных и неэффективных акций, а тем более публицистических истерик.

Есть и другие, совсем конкретные причины роста критики и недовольства Россией. Одна из главных – удивительно провально с политико-пропагандистской точки зрения проведённая и проводимая операция по повышению цен на газ, продаваемый Украине. Мы буквально "вырвали поражение из рук победы". Этот эпизод заслуживает особого описания. Ограничусь короткими замечаниями. Имея полное моральное, политическое и экономическое право на повышение цен, мы не удосужились постоянно объяснять его остальному миру, как и вызывающе обструкционисткую тактику Киева на переговорах.

Вместо этого несколькими не всегда понятными заявлениями и картинками завинчивания задвижек на трубе мы позволили Киеву выставить себя в качестве невинной жертвы политического насилия. Нами же был создан (и сохраняется) образ ненадёжного поставщика, использующего газ для целей прямого политического давления, чего почти не было.

Я не сторонник внешнеполитического вегетарианства. Тем более в нашем всё более жёстком, теряющем законы и приличия мире. Каждая страна в конкурентной борьбе использует те активы, которые у неё есть. Но меч хорош в ножнах. Когда им размахивают, от него можно прикрыться щитом или даже его выбить. Мы же позволили создать почти единодушное впечатление, что мы им размахиваем.

Наконец, до сих пор тяжёлый систематический вред образу России, её международному капиталу и влиянию наносит закон о некоммерческих организациях. Никто не знает его содержания, но все уверены, что он направлен на удушение свободы и гражданского общества в России. Сквернее всего то, что в этом уверены миллионы и миллионы весьма влиятельных в мировых СМИ

представителей интеллигенции, которые и работают в этих самых НКО, не связанных, как известно, на 95% ни с какой политикой, тем более в отношении России. Но эти люди считают, что "наехали" на всех на них. Уверен, что подрывную политическую деятельность в России можно было бы ограничивать не менее эффективными, но гораздо менее политически затратными методами.

Политико-пропагандистское давление на Россию оказывается и во вполне конкретных практических целях, например, для удержания её в рамках общей политики в отношении Ирана, провоцируя её на ответную жёсткую риторику и ещё большее ухудшение её имиджа. А страна с плохим имиджем во влиятельной части мира имеет меньше возможностей для внешнеполитического манёвра. Например, если у нас ухудшаются отношения с Западом, слабеют наши позиции в отношениях с другими державами, в частности с Китаем. Точно так же, как плохие в прошлом отношения с тем же Китаем заметно подрывали международные позиции и возможности СССР.

Есть и мелкие, но существенные причины охлаждения. Круги, связанные с энергетикой, с одной стороны, обеспокоены недостаточностью вложений в разработку новых месторождений и считают, что Россия становится менее перспективным поставщиком. С другой стороны, есть и недовольство ограничением возможностей скупки российских энергетических активов. Думаю, что налицо и попытка сбить капитализацию ведущих российских энергетических компаний.

Вполне доброжелательно расположенные к нашей стране люди обеспокоены тем, что мы пока явно недостаточно вкладываем в будущее и можем вскоре покатиться вниз по обычному для богатых ресурсами стран "нигерийскому" пути.

Наконец, у нас практически отсутствует система информационно-пропагандистского сопровождения нашей политики, его планирования совместно с политикой. Тут, я думаю, мы вполне находимся на том самом пути. Не хочу, конечно, при этом умалить заслуги нескольких человек и организаций, пытающихся работать на этом направлении. Но без систематического обязательного планирования, без налаженного аппарата внутри страны и за рубежом это голоса "вопиющих в пустыне".

Критика, падение имиджевого политического рейтинга Москвы и России пока не являются трагедией. Нам не могут нанести осязаемого вреда, даже если за риторикой попытаются действительно перейти к жёсткой политике. Да это пока и маловероятно. Но уже через несколько лет наше положение может стать и, вероятно, станет, учитывая некоторые международные тенденции, гораздо более уязвимым. И тогда плохой имидж может стать опасным.

Евгений СИДОРОВ

КУЛЬТУРА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

I

Кажется, мало кто из серьёзных учёных (социологов, культурологов, историков) сомневается в том, что культура переживает сегодня серьёзный кризис, связанный с изменением парадигмы мирового общественного развития. Глобализация требует унификации; для культуры унификация чревата уничтожением или по крайней мере резким снижением уровня в сторону массовидности, стандартизации, упрощения смыслов. Эти процессы характерны и для Европы, где они особенно наглядны как раз в силу того, что им предшествовала динамичная, богатая, цветущая многовековая культура, имеющая источником древнегреческую и христиано-иудейскую традиции. Россия при всех своих восточных вкраплениях, безусловно, принадлежит к этой ветви интеллектуально-духовного развития человечества.

Широко известная дихотомия О. Шпенглера "культура – цивилизация" сегодня уже не работает и является чисто историческим переживанием. Цивилизация давно поглощает культуру, а вместе с ней и человека, носителя культурного кода, передаваемого из поколения в поколение. Экономический прагматизм, вытеснение гуманитарного начала из общественной жизни стали повседневной практикой и политикой. Я уже не говорю о военных конфликтах, терроризме, религиозной нетерпимости, криминализации жизни. Большая опасность исходит также от спекулятивного коммерческого приспособления культуры для огромных масс с помощью новых информационных технологий.

Бороться против этого процесса так же бессмысленно, как раньше было следовать луддитам в их борьбе с позднесредневековой модернизацией производства. Как показывает мировая практика, культурная политика может быть направлена лишь на оптимизацию и смягчение возможных негативных последствий, которые влекут за собой стандартизацию, разрушение наследия, сокраще-

© ***Сидоров Евгений Юрьевич*** – доктор культурологии, профессор Литературного института им. М. Горького, министр культуры РФ (1992–1997).

ние удельного веса классики в художественной жизни общества, угрозу инновационным процессам, рассчитанным на дальнюю перспективу и т.д.

Эпоха постмодерна, в которую вступило человеческое сообщество, вызвала невиданную прежде атаку визуальной культуры, которая занимает всё бóльшее место и вытесняет традиционные институты. Однако даже такие крупные представители постмодернистской культуры, как Умберто Эко, вовсе не склонны абсолютизировать эту глобальную тенденцию. Привлекательна его толерантность, когда речь идёт об истории культуры (этим он близок нашему Ю.М. Лотману). Культура – не соревнование, не отмена, а сложное сосуществование пластов, модернизация традиции прежде всего.

В ЮНЕСКО любят поговорить об Интернете, о том, как ликвидировать нищету и неграмотность с помощью новых информационных, цифровых технологий. Это напоминает камлание шаманов в эпоху дорелигиозного сознания. Ведь только 5% населения Земли имеют доступ к сетям, а неграмотных стало даже больше – почти каждый шестой не умеет читать и писать. Так вот: кино не отменяет театр, а ведь были пророчества о гибели театра в эпоху кинематографа (например, М. Ромм). Телевизор не отменил книгу. "Глобальная деревня" Маклюэна такой же миф, как и всемирное коммунистическое братство. Эко говорит: "Мы движемся к обществу с более значительным уровнем свободы. В нём свободное творчество будет сосуществовать с интерпретацией текстов. Я приветствую это. Но совершенно незачем вытеснять старое новым. У нас есть и то, и другое, слава Богу… Не надо противопоставлять визуальную и вербальную коммуникацию: надо совершенствовать и ту, и эту"[1].

Неотменимость слова, буквы (буквально по "Евангелию от Иоанна") есть мощный аргумент в защиту от дурной визуальности, которая претендует на глобальное первенство. Борхес есть Борхес. Эко есть Эко. Игра есть игра (привет Хейзинге!), и это очень серьёзная вещь. И только поверхностно мыслящие поглотители текстов не понимают, что и Борхес, и Эко хранят и по-новому развивают традиции, а не сбрасывают их с корабля современности.

Приведу ещё одно авторитетное мнение.

Итальянский профессор-социолог Джанкарло Паллавичини так формулирует мировую культурную ситуацию: "В отсутствие серьёзных стимулов, способных сориентировать на правильную оценку культуры прошлого и на движение вперёд, общество и его отдельные члены остаются во власти дальнейшего развития техницизма и глобального рынка, тесно связанных друг с другом, которые без воздействия со стороны культуры могут начать функционировать только в своих интересах, а не в интересах человека"[2].

Разве нечто подобное не происходит в России сегодня? Именно отсутствие внятных стратегических стимулов и критериев непосредственно искажает пра-

---

[1] Цит. по: "Литературная газета", № 12, 2002. С. 13.
[2] Там же. С. 13.

вильную оценку культуры прошлого. Современный человек загнан в глобальное технологическое гетто, где культура в лучшем случае – это музей подарков прошлого, почти не стимулирующий развитие, современность.

Но подобный процесс не может продолжаться до бесконечности. Душа будет проситься на свободу в самых неожиданных местах и проявлениях – протестуя, создавая сначала подпольную реальность, готовя культурный взрыв невиданной силы, объединяя людей в некое новое, гуманитарное единство. Возможно, в далёком будущем это приведёт и к единой религии – боюсь, к несчастью, через войны и техногенные катастрофы. Но сначала надо пройти до конца национальную стадию возрождения культуры в условиях постмодерна, ибо без сохранения и утверждения идентичности никакой дальнейший культурно-цивилизационный синтез невозможен.

II

Во всём мире общественное строительство и укрепление демократических ценностей показывает, что экономические и политические права не могут быть реализованы в отрыве от социальных и культурных прав. Мы имеем дело с неделимой совокупностью целей. Экономические и политические факторы определяют образ и уровень жизни, выбор экономических моделей определяет будущее. Но при этом, хотим мы это признать или нет, культурные факторы формируют восприятие обществом своего собственного будущего и определяют выбор средств для его строительства, в том числе выбор экономических и политических моделей поведения.

Культура формирует наше мышление, воображение, является источником знаний, осмысления себя в мире, признания и одновременно формирования системы ценностей. Культура выстраивает взаимопонимание и обеспечивает сосуществование народов. Культура формирует человека, а человек формирует мир, в котором живёт он сам и будут жить его дети.

В Европе идёт процесс переосмысления и перестройки тех взаимоотношений, которые долгое время воспринимались как непреложный жизненный факт. Человеку необходимо адаптироваться к этим изменениям.

Сегодня потребителю массовой культуры всё труднее отличать реальную жизнь от картины, рисуемой средствами массовой информации. Этот общий тезис в нашей стране имеет своё специфическое проявление. Мы всё ещё находимся на периферии постмодернистских тенденций. Здесь есть, как ни странно, свои плюсы, но и свои большие минусы. Главная проблема современной России в том, что огромные массы её населения совершенно не приспособлены к жизни в посткоммунистическом обществе, в народившемся рынке. Структурная реформа и антиинфляционная политика принесли с собой резкое снижение уровня и качества жизни большинства социальных слоёв. В этих условиях реформы воспринимаются не как вхождение в более цивилизованное общество, а как падение в неизвестность, которой эти массы либо опасаются, либо ей тайно про-

тиводействуют. Для осознания своего нового места в новых общественных отношениях, получения практических навыков жизни, опыта, каких ещё не было, они остро нуждаются в государственной поддержке.

Процесс вхождения людей в новое общество может быть относительно коротким, хотя и трудным, но может длиться и мучительные десятилетия. И это во многом зависит от адекватной государственной культурной политики. Государственная поддержка человека, его осовременивание – это функция культуры, которая должна быть катализатором процессов адаптации населения к новым условиям жизни. Таким образом государственная поддержка культуры есть важнейший элемент строительства нового общества.

Опустимся на землю и посмотрим конкретно, что происходит сегодня в нашей культуре.

Сначала о художественном наследии. Надо со всей ответственностью признать, что резко снизилось пополнение музейных собраний произведениями прошлых лет. Кроме того, заморожено создание новых экспозиций в федеральных музеях субъектов Российской Федерации. Вне государственного музейного фонда в ряде случаев уже навсегда остались бесценные шедевры русского искусства, приобрести которые не могли ни сами музеи, ни Министерство культуры. Среди них – последние произведения М. Врубеля, работы Ф. Рокотова, И. Репина, В. Тропинина, В. Боровиковского, В. Сурикова, В. Васнецова, В. Серова, И. Левитана, И. Айвазовского. Зато на известных мировых аукционах русское искусство пользуется традиционным спросом.

Сократились поступления в библиотеки иностранной научной и социально-значимой литературы. Даже в Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке по сравнению с 1995 годом они уменьшились почти в два раза, что наносит прямой ущерб национальной безопасности страны, поскольку скудное получение современной научной литературы усугубляет отставание России в освоении новейших научно-технических достижений и технологий, порождает информационный дефицит в науке, образовании и экономике.

Грустным явлением стала эмиграция лучших представителей российской культуры, утрата её бесценного творческого потенциала. Покидают Россию художники и поэты, вокалисты и танцовщики, а также педагоги вместе со своими учениками, музыканты мирового класса (Губайдулина, Рождественский, Кремер, Крайнев, Хворостовский), новое поколение российских звёзд (Венгеров, Кисин, Репин). Сегодня практически нет оркестра в мире, в составе которого не было бы наших соотечественников.

Лишь минимальной осталась государственная "подпитка" гастрольной деятельности; уменьшилось (а в ряде областей и просто прекратилось) культурное обслуживание населения депрессивных и отдалённых районов, сёл и деревень. Вообще налицо признаки спада культурной активности населения: только за последние годы почти на 60% снизилась посещаемость концертов, на 38% – театров, на 27% – музеев; посещаемость театров и концертов филармонической

музыки оказалась ниже уровня конца 40-х годов прошлого столетия. Вместе с тем остатки культурной активности населения резко переключились на поглощение телевизионных сериалов и посещение всякого рода концертной "попсы", отнюдь не способствующих социально-культурному развитию России.

Согласно адептам радикал-либерального крыла экономической мысли культурный сектор в бывших социалистических странах был "гипертрофированно развит" и при становлении рынка должен быть существенно сокращён (Friedman V. Four Steps to Freedom. "National review", 1990, May 14). С лёгкостью восприняв подобные взгляды, такой же позиции стали придерживаться представители отечественных финансовых ведомств – постоянные критики поддержки культуры, рассматривающие её лишь как ненужную нагрузку на государственный бюджет. В этой связи кризис 1995–1996 годов наглядно продемонстрировал "новую стратегию", связанную с сознательным неисполнением государственного бюджета, с сокращением де-факто государственной поддержки культуры.

Наивно думать, что можно попробовать и посмотреть: выживет ли культура в таких условиях или нет, а потом уже, если потребуется, исправить положение дел. Не потребуется! Исправлять будет нечего. Эта точка зрения убедительно подтверждена, к примеру, известным специалистом из Колумбийского университета профессором Робертом Фитцпатриком, который выступал на состоявшейся в январе 1997 года в Будапеште Международной конференции по проблемам государственной поддержки культуры в странах Центральной и Восточной Европы.

Демонстрируя известное небрежение к доставшимся в наследство сокровищам отечественной культуры (нельзя считать правилом редкие международные амбициозные проекты типа "Russia!" в нью-йоркском музее Гугенхайма за счёт некоторых русских олигархов), к признанным во всём мире создателям культурных ценностей, к народу – носителю замечательных культурных традиций, сегодняшняя Россия отстаёт от большинства развитых стран, давно осознавших роль государственной поддержки культуры. Статистика свидетельствует о глобальных различиях в финансировании культуры в России и в западных странах. Так, доля затрат на культуру в государственных расходах составляет 4,8% – в Швеции; 4,65% – в Исландии; 3,9% – в Дании; 3,58% – в Норвегии и Финляндии; 3,16% – во Франции; 2,52% – в Бельгии; 2,51% – в Германии. В России же этот показатель никогда не превышал одного процента.

Разумеется, мы толкуем здесь лишь о количественной, а не о качественной стороне дела. Наша страна по-прежнему остаётся одной из авторитетных культурных держав мира, особенно в области музыкального, театрального и художественного творчества.

Существующий же миф о России как о стране высокой материальной культурной обеспеченности не соответствует действительности. Именно в РФ, например, один из самых низких уровней обеспеченности населения театрами – 3,2 театра (в расчёте на 1 млн жителей). В Австрии же этот показатель равен 24;

в Швеции – 13,6; во Франции – 9,6; в Великобритании – 8,9; в Японии – 8,7; в Италии – 5,9. При этом не учитываются театральные труппы, регулярно дающие представления, но не имеющие собственного помещения; во Франции, например, действует около 500 подобных театральных объединений. Очень похожа ситуация с обеспеченностью музеями: 35 музеев (в расчёте на 1 млн жителей) – в Нидерландах; 34,1 – в Швеции; 33,6 – в Чехии; 25,1 – в Германии; 29 – во Франции; 20 – в Италии; 15 – в Японии и лишь 11,6 – в России. Даже по такой традиционно российской характеристике, как обеспеченность библиотеками, наша страна оказалась далеко не лидирующей в табели о культурных рангах: в России этот показатель в расчёте на 1 млн жителей равен 368, в Хорватии – 586; в Чехии – 708; в Финляндии же, некогда входившей в состав Российской империи, он достиг уровня 2 500.

Даже в Москве обеспеченность музеями, театрами, концертными залами, галереями, библиотеками существенно ниже, чем в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и т.д. Так, в Москве на 1 млн жителей приходится 8 музеев, в Риме – 36, в Париже – 39, в Лондоне – 41[1].

В такой ситуации вряд ли можно говорить о гипертрофированной развитости культурного сектора России. Думать же о его сокращении просто непростительно. Нужно признать и явную ошибочность нынешней финансовой парадигмы. Российская культура, безусловно, находится в критическом положении и нуждается в немедленном восстановлении полноценной государственной поддержки.

С финансовой точки зрения, сфера культуры является единственной сферой социального блока (включающего также образование, здравоохранение, спорт, социальное обеспечение), где происходит хранение и накопление, производство весьма значительных материальных ценностей, составляющих национальное достояние. По своей реальной стоимости эта часть национального богатства превосходит стоимость основных фондов многих отраслей хозяйства и уникальна тем, что не подвержена инфляции и может быть реальным средством накопления. Материальные ценности культуры являются реальным политическим и финансовым ресурсом государства. Задача активной финансовой политики состоит в том, чтобы превратить этот ресурс в активно работающий капитал, построить адекватные финансовые технологии и механизмы, обеспечивающие стабильное и эффективное воспроизводство культурной среды.

Основное условие превращения культуры в объект активной финансовой политики – адекватное структурирование её сферы. Превалирующим принципом такого структурирования может стать выделение блоков, допускающих применение однотипных финансовых технологий и механизмов. Например, в первый блок могут быть сведены объекты культуры особо важного национального значения, во второй – музеи-заповедники, в третий – объекты культуры

[1] Статистические данные взяты автором из официальных документов Министерства культуры РФ за период с 1992 по 1997 годы.

регионального значения, в четвёртый – деятельность по созданию культурных ценностей, в пятый – деятельность по реализации массовых культурных программ, мероприятий и акций, в шестой – деятельность по подготовке кадров нового типа для сферы культуры, в седьмой – деятельность по социальной поддержке деятелей культуры.

В дополнение к государственной поддержке культуры следует определить и принципиальные шаги, преследующие в качестве цели привлечение внебюджетных средств. Подчеркнём, что речь идёт только о дополнительных средствах, не заменяющих бюджетное финансирование культуры.

Вовлечение наследия в активную культурную жизнь – одна из наиболее существенных возможностей укрепления финансового потенциала культуры. Опыт других стран свидетельствует, что полную "музеефикацию" на государственном уровне следует проводить лишь применительно к уникальному культурному наследию, имеющему мировое, национальное, а для России и межнациональное значение. Бóльшая же часть памятников отечественной истории и культуры должна быть включена в экономическую жизнь, способствуя этим повышению культурной активности населения и обеспечивая немалые дополнительные доходы. Реализация данной стратегии требует решения уже давно назревшей проблемы приватизации в сфере культуры, где самая живучая государственная монополия по-прежнему препятствует осуществлению экономически осмысленных мер.

Обратим в этой связи внимание на такую форму приватизации, как превращение государственных и муниципальных учреждений культуры в независимые некоммерческие организации ("некоммерческая приватизация"). В этой связи следует подчеркнуть, что разгосударствление не предполагает снижения объёмов бюджетного финансирования культуры, однако оно может существенно повысить эффективность использования выделенных государственных средств. Большое значение для сферы культуры имеет также возможность непосредственной передачи государственного имущества некоммерческим организациям.

Государство в этом случае выполняет лишь контрольно-надзорные функции, обеспечивающие сохранение объектов культурного наследия, а также функции одного из главных инвесторов реставрационных и восстановительных работ. В дополнение к этому государство обеспечивает и обязательную реализацию правил сервитута, то есть тот или иной протекционизм в отношении юридических и физических лиц, инвестирующих средства в восстановление, реставрацию, содержание, изучение памятников истории и культуры, в другие мероприятия, способствующие сохранению и рациональному использованию объектов наследия.

Введение специальных налогов – традиционное направление пополнения "культурного бюджета". Опыт других государств, обладающих зрелым рыночным хозяйством, и стран с транзитной экономикой свидетельствует об эффектив-

ности подобных мер. Учитывая специфику российской экономической жизни, можно предложить следующие виды специальных налогов в пользу культуры.

Налог "культурная рента" устанавливается в виде определённого процента с доходов: от объёма реализации товаров и услуг, продажа которых осуществляется на территории культурных центров, памятников культуры, музеев, заповедников, а также в помещениях организаций культуры; от объёма реализации чистых аудио- и видеокассет; от объёма реализации туристических услуг; от коммерческой рекламы в средствах массовой информации; от проведения национальных лотерей. Плательщиками данного налога являются все юридические лица, не принадлежащие к числу некоммерческих организаций культуры. Собранные средства от "культурной ренты" зачисляются в фонд поддержки искусства.

Налог на "культурную недвижимость" устанавливается в виде определённого процента с доходов от коммерческого использования (включая сдачу в аренду) нежилых помещений организаций культуры. Плательщиками настоящего налога являются все юридические лица, не принадлежащие к числу некоммерческих организаций культуры, а также физические лица, использующие (на правах собственника или арендатора) в коммерческих целях нежилые помещения памятников культуры или учреждений культуры. Собранные в соответствии с этим налогом средства зачисляются в фонд поддержки культурного наследия.

Налог на строительство устанавливается в виде определённого процента от стоимости строительства и перечисляется в фонд поддержки культурного наследия для осуществления реставрационных и других восстановительных работ недвижимых памятников культуры. Плательщиками настоящего налога являются все юридические и физические лица.

Отечественная культура обладает тремя уникальными ресурсами – творческим потенциалом её создателей, накопленным веками и развиваемым из поколения в поколение; культурным наследием, являющимся результатом многовекового труда творцов; культурными традициями, материализованными в интересе населения к ценностям культуры. Это стратегические ресурсы России, которые, однако, могут быть утрачены за время жизни всего нескольких поколений.

III

До сих пор мы говорили в основном о кризисе и о технологии культурного возрождения России. Теперь же необходимо остановиться на философии этого процесса, на проблеме вхождения многонациональной России в общекультурную европейскую семью.

Либерализация культурной политики последних лет, легализация и нарастание плюрализма во многом изменили ситуацию, однако возникли новые противоречия и несоответствия. Если при всех издержках удалось сохранить бóльшую часть наследия, систему образования в творческих школах, студиях и вузах, то коммерциализация культурной жизни привела к массовому распространению культурного ширпотреба, и в первую очередь западного производства, к

унификации обычаев, традиций и образа жизни городского населения по зарубежным образцам; в то время как маленькие города и населённые пункты по укладу жизни остаются весьма и весьма традиционными.

Культурный корабль России вплывает в мировое сообщество, неся на себе груз не только тоталитарного, советского прошлого, но и отголоски почти двухвековой и до сих пор не разрешённой полемики между, условно говоря, "западниками" и "славянофилами". Я предельно схематизирую ситуацию в целях типологии, а не тщательного исторического исследования. Факты, приведённые мною, свидетельствуют о материальных утратах, о разрухе российской культуры в экономическом секторе; но это вовсе не означает поражения той или иной концептуальной идеи о будущем её духовного и социального потенциала.

Видимо, надо согласиться с философом и культурологом Борисом Дубиным, что для среднего россиянина мир и сегодня разделён на "нас" и на "них". Правда, такое отношение исследователь связывает уже не столько с ушедшими в историю спорами российских славянофилов, западников и почвенников, сколько с имперской доктриной сталинизма[1].

Репрезентативные опросы населения, проводимые, в частности, Левада-центром, показывают, что примерно половина населения России не чувствует себя европейцами и предпочитает "особый путь" развития. К этому, в сущности, склоняется и наша государственная политика. При этом остаётся совершенно неясным, в чём же он заключается. Мы подмечаем недостатки западного пути, но столь же неуверены в своём завтрашнем дне, не зная или не умея определять твёрдые ориентиры собственного развития.

Вот почему в условиях (надеюсь, временной) утраты национальной и государственной идентичности стоит уповать на бесспорные, веками проверенные ценности нашей отечественной культуры и в этой перспективе прокладывать пути инновационным процессам, созвучным лучшим образцам мирового и, прежде всего, европейского культурно-художественного опыта.

Почти забыт поэт Николай Степанович Гумилёв, зато посмертно прославлен его сын, Лев Николаевич Гумилёв – талантливый географ и историк, тоже человек трагической судьбы, который своей теорией "пассионарности" и евразийской утопией способен увлечь не только невежд, но и достаточно зрелые образованные российские умы.

Не дай бог подобных пророчеств и прозрений! Начиная с эпохи Екатерины II русское общество не мыслило себя вне культуры Европы. Русский путь при всех (естественных) восточноазиатских вкраплениях был и остаётся частью европейской истории. Убедительно писал об этом Н.А. Бердяев. Его давние споры с евразийством, которое нередко принимает у нас формы антизападного национализма, чрезвычайно актуальны и по сей день.

---

[1] Борис Дубин. Россия и другие. "Знамя", № 4, 2006. С. 156.

Евразийская культурная утопия особенно опасна на фоне происходящих демографических процессов в нашей стране (уменьшение европейского русского населения за счёт людского наплыва с юго-востока) и в атмосфере тревожного обеднения лексического запаса русского языка. По наблюдению М. Эпштейна, "во всех словарях русского языка советской эпохи, изданных на протяжении 70 лет, в общей сложности приводится около 125 тысяч слов. Это очень мало для развитого языка с великим литературным прошлым… Для сравнения: в Словаре В. Даля – 200 тыс. слов"[1]. Сходна тревога А.И. Солженицына, который пишет о вымирании русского народа и безоглядном засорении русского языка[2].

У евразийцев, как замечает Ю. Каграманов, главные приоритеты – сильная центральная власть, коллективная воля (схожая с "народным единодушием" сталинского режима), могучее в международном плане государство[3]. Мы что, хотим этого, мы жаждем изоляции, возрождения "холодной войны", скифства и варварства под флагом самобытности? Тогда вперёд, по евразийской стезе, отвергая (внутренне, конечно, а не на словах) естественный синтез русско-европейского культурного опыта. Да и, к слову сказать, "русское" исторически никогда не означало "кровное", чисто национальное, а включало в себя представление о многонациональном народе, о культуре обширного государства, скреплённого русским языком, культурной почвой нашего Отечества.

Распад СССР в этом смысле можно смело назвать лингвистической катастрофой. Вот что пишет один из авторитетнейших общественных деятелей Востока, поэт и посол Казахстана в ЮНЕСКО Олжас Сулейменов: "Мы должны разрушить заборы между некогда братскими народами, заборы, которые нас разделяют. С ними может справиться лишь живая стихия русского языка. Новые поколения в некоторых республиках СНГ уже не изучают русский язык. Этим они наказывают сами себя, поскольку утрачивают очень важное средство межнационального общения.

…Через русский язык в республики приходила мировая культура и наука. Потеряв его, мы придадим нашим культурам островной характер. Островные цивилизации, населённые одним этносом, высокомерным носителем единственного языка, неминуемо столкнутся, что приведёт к глобальному конфликту"[4].

Определить состояние так называемого "русскоязычного" творческого человека, проживающего в странах СНГ и Балтии, можно достаточно обобщённо и кратко: тоска по России. Второе чувство: обида (заброшенность). Лишь очень

---

[1] Михаил Эпштейн. Русский язык в свете творческой филологии. "Знамя", 2006, № 1. С. 193.

[2] "Московские новости" № 15, 28 апреля – 04 мая 2006. С. 23.

[3] "Рубежи", Научно-философский и общественно-политический журнал конгресса интеллигенции РФ, №№ 8–9, 1997. С. 115.

[4] Олжас Сулейменов. "Не стать островом". Из выступления на Конгрессе творческой и научной интеллигенции стран СНГ. Москва, 14 апреля 2006 г.

немногие свободны (или делают вид) от этих двух психологических состояний. Исходя из этого, должна строиться и "концепция" (слово, которое я очень не люблю со времён правительственных макроэкономических и среднесрочных прогнозов).

Действительно обида, что брошены. Несмотря на все демагогические заверения "метрополии" в обратном. Нет реальной стратегической правительственной программы ("руссофонии" подобно "франкофонии"), обеспеченной солидными бюджетными ассигнованиями. МИД и Росзарубежцентр стараются что-то делать, но эти старания определяются не столько целеустремлённой политикой, сколько персональными усилиями энтузиастов. Так нельзя. Любая держава, которая уважает себя, должна с уважением относиться и к своим зарубежным соотечественникам, не бросая их на произвол судьбы.

Тем более это необходимо на территории бывшего СССР. Мы за последние годы потеряли в государственном авторитете столько, что требуется кардинально новая политика, и прежде всего в области культуры, образования и науки, ибо это единственная зона, способная нас вновь объединить и выручить из глобальной национальной катастрофы. Русский язык здесь главное средство не просто межнационального общения, но культурного дыхания и выживания миллионов людей. Ставить вопрос иначе не просто легкомысленно, но и исторически преступно.

Следующий важный момент: организационная раздробленность русских землячеств, споры за первенство представлять Россию пред лицом нового государства, часто не воспринимаемого как своё. Задача конференций и конгрессов соотечественников (и, конечно, посольств на местах) постепенно способствовать сплочению диаспоры и в организационном, и в идейном плане. Здесь огромную роль призваны сыграть русскоязычные средства массовой информации. Вот звено, ухватившись за которое можно решить многие из накопившихся проблем.

Три года назад, будучи Представителем России при ЮНЕСКО, автор обратился к Президенту Российской Федерации со следующими предложениями.

Первое касается защиты культурной идентичности русской диаспоры, её научного, архивного, художественного достояния. Признáем, что в настоящее время довольно редко удаётся возвратить на Родину произведения искусства или документы отечественной истории.

Причины – как в юридических правилах, так и в пожеланиях владельцев. К глубочайшему сожалению, этот культурный материк с естественной сменой поколений всё дальше удаляется от России. Последние красноречивые примеры только во Франции: архив Добужинских, художественное наследие Серебряковой, дом Тургенева в Буживале, выставленный муниципалитетом на торги.

А надо ли всякий раз добиваться возвращения культурных ценностей в Россию? Может быть, стоит попытаться сделать их предметом собирания, охраны и научной обработки в месте пребывания? И, конечно, доступными для россий-

ской и зарубежной публики (сказанное, разумеется, не означает, что процесс возвращения культурного наследия на Родину тем самым приостанавливается).

Делу мог бы помочь Фонд (Центр) Российского культурно-исторического наследия за рубежом, который стал бы заниматься исследовательской, собирательской, музейной, выставочной и просветительской деятельностью.

Такой Центр (Фонд) под патронатом Президента России и, скажем, Президента Франции (г-н Ширак, как известно, изучал русский язык и даже пытался переводить Пушкина) можно основать в Париже или его окрестностях.

Именно Франция, где сконцентрированы большие духовные и материальные российские ценности, где диаспора продолжает в меру своих сил хранить и язык, и традиции, больше всего подходит для осуществления подобного проекта.

Известно, что наш Национальный резервный банк купил здание и парк близ Ле Бурже для создания делового российского центра (с весьма туманной пока программой). Так что возможности приобретения собственности во Франции для благих российский целей имеются. Важно политическое решение, и тогда можно начать серьёзную проработку всего плана. Это, конечно, должна быть именно президентская программа, дабы привлечь к проекту российских и зарубежных спонсоров. Несомненно, подобная программа будет работать на упрочение позитивного облика нашего государства.

Вторым, весьма важным и перспективным проектом является создание "Русской европейской газеты". Конечно, здесь требуется серьёзная подготовка, мониторинг, бизнес-разведка и т.п. Но дело явно стоящее и вполне реальное. Московская акционерная финансовая компания "Система" недаром делает попытки в этом направлении, но попытки эти достаточно локальны, лишены размаха и глобальной стратегии (к примеру, выпуск в Лондоне небольшой русскоязычной газетки, покупка гибнущей парижской "Русской мысли" и т.п.). Между тем большую газету для соотечественников надо создавать не на развалинах эмигрантского антисоветизма, а на совершенно новой основе, например, в Германии, во Франкфурте-на-Майне или в Берлине, где меньше издательские издержки. Причём, это должно быть свободное, порой нелицеприятное и очень профессиональное издание, не несущее на себе печать явно пропрезидентского или какого-либо иного партийного влияния. Русскоязычная читательская аудитория при умелом и талантливом подходе к делу будет достаточно репрезентативной как качественно, так и количественно. Пока ещё есть русскоговорящая Восточная Европа, Балтия, эмигранты в Германии и Франции, осуществление этого проекта может иметь успех. Да и в СНГ газета (скажем, под старинным карамзинским названием "Русский европеец"), если её правильно поставить, найдёт своих читателей, а стало быть, будет объединять и готовить друзей русского слова и государства.

Откуда взять средства? Да всё оттуда же. Наши Алекперовы, Фридманы, Потанины, Дерипаски, Евтушенковы, Абрамовичи. Как утверждают квалифицированные эксперты, если вложить примерно 100 млн долларов в рекламу по-

ложительного образа России, то капитализация бизнеса спонсора может возрасти на миллиард, не меньше.

К сожалению, президентская администрация хранит по этому поводу многозначительное молчание. Хотя моё открытое письмо В.В. Путину по поводу необходимости формирования образа России на Западе было опубликовано в печати[1]. Оно и понятно, слова "культура" и "соотечественники" в президентских посланиях парламенту вообще не упоминаются, а если и упоминаются, то только в связи с очередным награждением в Георгиевском зале или на редких весьма формальных конгрессах диаспоры, после которых ничего к лучшему не меняется.

IV

Итак, национальной культуре очень трудно в новых условиях сохранить своё неповторимое лицо. Тут не поможет, к примеру, французский опыт законодательного ограничения англо-саксонского нашествия – в кино, в быту, в макдоналдсах и, самое главное, в языке, в речи, как в обыденной, так и в изысканно-литературной. Изоляция и запреты – не путь, а тупик. Видимо, надо беречь и создавать свою культуру – французскую, русскую, итальянскую – только лучше. Только в напряжённом порыве национального гения, учитывающего высшие достижения всей мировой культуры, можно добиться свободы и победить! Вот почему необходим строгий отбор – как внутренний, в душе творца, так и в публике. Истинное искусство не может быть разменной монетой популизма. Не к народу спускается оно, а народ, духовно взрослея, должен дотянуться и вкусить его духовные плоды. Если, конечно, будет на то народная воля.

Заметно усложнились взаимоотношения художника и публики. В принципе, такой конфликт существовал всегда, но сегодня в переходную эпоху постмодерна возникает ситуация, когда литературный текст часто не находит своего адресата, и к нему мало кто прислушивается. Причём публики стало в целом больше, чем в прошлом веке. Она пересаживается в другие кресла и уходит в Интернет или в бульварно-развлекательное чтиво. Кому что нравится. И художники, и писатели, и режиссёры, особенно молодые, как уже говорилось, начинают работать на экономику, на рынок, а не на культуру. Они пассивно переносят на бумагу некоторые черты общества, причём без особого разбора, без серьёзной творческой обработки. Этот процесс тесно связан с падением языковой культуры, стиля, который часто теряет национальную и индивидуальную неповторимость.

Тут нельзя сдаваться обстоятельствам. Следует регулировать процессы распространения массовой культуры, которая есть живая и неотменимая реальность. Здесь необходимы разумные усилия государства и с трудом нарождающегося у нас гражданского общества. Не отрицать на корню, а поддерживать лучшие творческие образцы коммерческих форм шоу- и арт-бизнеса – то есть

[1] "Московский комсомолец", 22 июля 2005 года.

той зоны, которая покамест абсолютно не контролируется ни вкусом, ни здравым смыслом, ни воспитательными целями.

Особо надо сказать о постмодернистском натиске в нашей современной литературе и изобразительном искусстве.

Весьма интересно судит о постмодернизме известный немецкий богослов и писатель, доктор Ханс Кюнг: "Не следует идти на поводу у модных тенденций; решающим является даже не слово "постмодернизм", часто приобретающее весьма туманное, эссеистски расплывчатое истолкование, а сама суть дела, сам факт глобального перелома эпох. Слово "постмодернизм" следует использовать не столько в литературоведческом или искусствоведческом плане, связывая его с явлениями литературы и искусства, сколько во всемирно-историческом плане... В 1974 году А. Тойнби употребляет его для определения современной эпохи западной культуры, появление которой он относит к периоду ещё до начала Первой мировой войны. У Тойнби это понятие заимствуют американские литературоведы, вкладывая в него теперь совершенно новый, гораздо более узкий смысл...

Дело не в узко-эстетическом понимании этого термина, используемого для обозначения весьма недолговечного художественного стиля в литературе, дело в необходимости трезвого анализа эпохи, смены времени, перелома эпох, в условиях которых мы сейчас, по всей видимости, живём. Короче говоря, речь идёт об эпохальной смене парадигм"[1].

Не будем сейчас останавливаться на глобальных проблемах смены модернистской парадигмы развития человеческого общества на постмодернистскую. Это не входит в нашу задачу. Остановимся на чисто культурологических аспектах темы.

Прежде всего, необходимо конвенциональное урегулирование терминов, самого языка критики, литературоведения в применении, скажем, к метаметафоризму, концептуализму (в отличие от искусствоведения, где хотя бы договорились о том, что такое поп-арт (соц-арт) и т.п.). Само понятие отечественного постмодернизма, его конститутивные признаки, его генезис, его связи и отталкивания в отношениях с западным постмодернизмом – всё это пока не очерчено с достаточно научной определённостью и затрудняет серьёзный, доказательный разговор.

Разумеется, постмодернизм не может отменить реализм, классическую традицию в искусстве. Поминки по соцреализму – это одно, а по реализму – это совсем другое. Представим на мгновение широкую тысячелетнюю типологию мирового искусства, где, условно говоря, в одной эпохе и стране поэт Андрей Белый будет находиться в художественно-мировоззренческой оппозиции к поэту Ивану Бунину, а в другой – живописец Босх к живописцу Мемлингу. Ну и что из этого? Происходит не простая смена направлений и стилей, а их борьба, в результате кото-

[1] Ханс Кюнг. Религия и перелом эпох. "Иностранная литература", № 11, 1990. С. 225.

рой рождается новый синтез, новый взгляд на человека, обогащается язык культуры. Кроме того, не забудем, что в направления и стаи чаще всего сбиваются только слабые и начинающие. Пастернаку, Цветаевой или, допустим, Бродскому в такой литературоведческой типологии, в сущности, делать нечего.

Пока основной пафос нашего молодого постмодернизма – разрушение всех и всяческих табу. Сам процесс этого отрицания, освобождения слова и кисти от идеологии можно в принципе приветствовать. Но он, этот процесс, быстро рождает новые условности, новый этикет и достаточно сектантское неприятие эстетического инакомыслия, то есть новые табу. При этом некоторые из новых авторов обнаружили такие старые и такие резвые способности к саморекламе и проникновению на отечественные и западные художественные и книжные рынки, что всякие разговоры о служении чистому искусству, о культуре, сами становятся по меньшей мере "штампами" или "концептами", немедленно требующими нового пародийного обыгрывания. Вместе с "перестройкой" доверчивые западные университеты нередко и весьма охотно впускали в свои аудитории молодых и средних лет новых русских "гениев", в сущности, весьма сомнительной художественной репутации.

И уж, конечно, неприлично забывать о предтечах. То ли по старинной русской привычке самозабвенно изобретать велосипед, то ли по здравому пионерскому умыслу, но их имена и опыт несправедливо затушёвываются нынешними молодыми лидерами. Между тем в русской поэзии, к примеру, были обэреуты, а, скажем, в Европе и США до сих пор существует большая традиция западной постмодернистской культуры. Подобная "забывчивость" сразу выводит наше отечественное явление из мирового культурного контекста, обрекая его на провинциализм.

И, наконец, не обойтись без одного тревожного вопроса. Речь идёт об идеальном начале в структуре постмодернистского художественного сознания. Здесь, как мне старомодно кажется, проходит тайная, незримая граница, которая отделяет текст от текста, отправляя один в кратковременную, пусть и шумную рекламную "тусовку", а другой – в литературу, а то и сразу в историю, как случилось с замечательной поэмой в прозе Венедикта Ерофеева "Москва–Петушки".

Сколько бы мне ни объясняли, что искусство, культура не имеют никакого отношения к морали и нравственности, я никак не пойму, что же делать с традиционным русским культурным сознанием, с его стремлением отдать больше, чем взять, восторгом перед жизнью ("прежде её смысла", по слову Достоевского) и осознанием любви как опоры подлинного творчества?

"Будущее культуры – в её арьергарде", – сказал поэт, и, по-существу, он, конечно же, прав. Потому что нет ничего в мире более консервативного и устойчивого, нежели подлинная национальная культура, пронизывающая всё человеческое существо от быта до художественных вкусов. Формально-смысловая ак-

туализация необходима, но органичная, естественная, а не натужно-революционная.

Нелепо думать, что в России в тоталитарные времена не было прекрасной поэзии, основанной, в частности, на классической, пушкинско-ахматовской прививке. Она есть и сейчас и плодоносит – и внутри страны, и в русской диаспоре по миру. Другое дело, что в условиях нынешней рыночной России хорошим стихам как бы и не время, публике не до них. Но, кажется, поэзия вновь воскресает, судя по многочисленным премиальным сюжетам, растущим, как грибы после дождя.

Постмодернистская культура принципиально аналитична. Она трясёт дерево и срывает с плодов застывшую плёнку обыденности. При этом корни и ядро смысла остаются живыми и способными к новому плодоношению, вовсе не по проекту ниспровергающей иронии и культурного шока. Например, у наших писателей, причисляющих себя к этому модному направлению, явно внутри ощущается некая тоска по глубине и ответному отклику. Эха хочется, а где эхо – там и синтез, там человек и его душа, там космос дышит из распада, из развала, из разрухи. Там путь возвращения великой культуры к глубине и высоте. Вместе с критиком и культурологом Ириной Роднянской я мечтаю о таком европейском (и российском в том числе) возрождении: "Постмодернистский отказ от поисков абсолюта, идея культурного коктейля, всё пародирующего и всё снижающего, бесконечная цитатность и ирония не могут быть положены в основу большого творчества… Это переходный период, накопление эстетических сил и приёмов, артистическая игра-разминка перед выходом на сцену в трагической (а стало быть, подлинной) роли"[1].

Русская культура сегодня на большом распутье. Не следует впадать в апокалиптические настроения, но и бить в литавры ещё менее уместно. Её судьба зависит от многих факторов, среди которых первостепенное место занимает осознанная, продуманная государственная политика и активная работа гражданского общества по защите и развитию её лучших образцов и традиций.

---

[1] "Новый мир", 2001, № 10. С. 212.

Игорь МАКСИМЫЧЕВ

АВСТРИЯ: ОПЫТ НЕЙТРАЛИТЕТА

Если есть в Европе страна, у которой нет явных врагов, то это Австрия. Она пользуется в сегодняшнем мире таким букетом симпатий, какому может позавидовать каждый. Перечень её достоинств поистине бесконечен. Это современное развитое европейское государство с высоким уровнем жизни, с сохранённой средой обитания, с производством на базе применения высоких технологий, с работящим населением, которому чужды и железная немецкая дисциплина, и легковесная французская беззаботность. Это страна богатейшей истории искусств и выдающегося вклада во все сферы европейской культуры. Это поразительной красоты природа, величественная система водных путей, живописная долина Дуная и заснеженные вершины Альп, притягивающие посетителей со всех четырёх сторон света. Австрия неразрывно ассоциируется с бессмертным именем Вольфганга Амадея Моцарта, 250-летие со дня рождения которого мир празднует в 2006 году, и городом-табакеркой Зальцбургом, где родился гениальный композитор. С её именем навечно связана музыка "короля вальсов" Иоганна Штрауса, память о котором бережно хранит богемная красавица Вена и имя которого чтут в самых отдалённых уголках планеты. Австрия, конечно, не рай на земле, но по многим параметрам довольно близка к тому, что обычно обозначается этим понятием.

Имперское прошлое

Под впечатлением тёплых чувств, которые окружающий мир испытывает ныне к Австрии, может сложиться впечатление, будто она всегда была этаким альпийским цветком, белоснежным горным эдельвейсом, страной без тёмных страниц в своей истории. Кто будет вспоминать сегодня, что по историческим меркам не так уж давно Австрия (а затем Австро-Венгрия) была империалистической державой, которая рвала на части славянское пространство Юго-Восточной

© ***Игорь Фёдорович Максимычев*** – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, посланник в отставке.

Европы и всеми способами удерживала в повиновении народы, имевшие несчастье угодить в сферу её владычества? Что она насильно добивалась обращения в католичество православного населения Словении, Хорватии, Галиции, создавая ситуацию, которая обернулась неисчислимыми бедами для народов Югославии и Украины в годы Второй мировой войны и в последнее десятилетие прошлого века? Что вплоть до 1806 года, до разгрома войсками Наполеона, австрийские Габсбурги стояли во главе так называемой Священной Римской империи германской нации, добивавшейся главенства в Европе? Что австрийская экспансия на Балканах послужила непосредственным поводом для возникновения Первой мировой войны с её катастрофическими последствиями для всего континента? Что в австрийском городке Браунау родился и вырос политик, который в качестве "фюрера" всех немцев (австрийцев тогда не только он считал немцами) больше чем на десять лет вверг континентальную Европу в мракобесие, какого не знало даже Средневековье?

Эти сумрачные тени австрийского прошлого забыты нашими современниками. В последние десятилетия в государствах-наследниках Габсбургской империи возникло даже что-то вроде ностальгии по временам Австро-Венгрии. В ней подчас видят прообраз интегрированного сообщества Юго-Восточной Европы, которого так не хватает нынешнему европейскому континенту. В исторической ретроспективе имперское былое представляется по большей части в розовом свете – не чёрной эпохой невзгод, несчастий и потерь, не реальной драмой народов, попавших в когти венского имперского орла, а развесёлой опереткой в штраусианском духе. Для Западной Европы саркастическое восприятие Австрии давно стало традиционным. Направление австро-венгерской экспансии на восток и юго-восток не очень беспокоило Запад. Для отношения западноевропейцев к Дунайской монархии типична шутка Анатоля Франса, который как-то утверждал, что Всемогущий, снабдив сотворённую им Австрию армией, спохватился: ведь если армия существует, она должна кого-то побеждать, и для исправления положения создал итальянскую армию. Для славянского востока Европы подобная буффонада была бы немыслимой. Для него причины крутого поворота к доброжелательной оценке сегодняшней Австрии лежат исключительно в недавнем австрийском прошлом, причём одним из основных факторов такой метаморфозы стало завершение разграничения понятий "Австрия" и "Германия".

Сегодня уже редко приходится сталкиваться с мнением, будто австрийцы "по существу те же немцы". В основе подобного заблуждения лежит невнимательное прочтение европейской истории последних двухсот лет. Уже упразднение Священной Римской империи германской нации, которое оставило Габсбургам только титул императора Австрии, означало начало расхождения германского и австрийского развития. Символом этого нового этапа стало возвышение Пруссии, которая захватила ведущие позиции среди германских государств. Почти полтора века назад прусский "железный канцлер" Отто фон Бисмарк совсем вычеркнул Австрию из немецкой истории. Вычеркнул штыком, в

результате военного столкновения. Прежде чем разделаться с "наследственным врагом" – Францией, Пруссия разгромила в 1866 году Австрию, которая была исключена из созданного в 1871 году Германского рейха.

В конце XIX – начале XX века роль Австро-Венгрии свелась к тому, чтобы быть тюремщиком славянских народов Юго-Восточной Европы. Вильгельм II и его окружение считали, что тем самым она выполняет "германскую миссию" в "вековечной борьбе со славянами", и в 1914 году воспользовались поддержкой Россией сербов в австро-сербском конфликте, чтобы объявлением войны России начать Первую мировую войну. Немцам пришлось неоднократно выручать австрийские войска, терпевшие на Восточном фронте одно поражение за другим. Мобилизованные в австрийскую армию славянские подданные Австро-Венгрии в своей массе не хотели воевать против русских войск; исключение и тогда составляли лишь фанатики из Галиции (Западной Украины). Однако революции 1917 года в России, развал деморализованной царской армии и решение большевиков о выходе из войны привели к тому, что Австрия оказалась в ходе сепаратных мирных переговоров в Бресте на стороне победителей, получив при заключении грабительского мира в марте 1918 года территориальные приращения и право на гигантскую контрибуцию с России.

Германия не сумела использовать временный успех на востоке. Война на два фронта продолжалась слишком долго, и силы рейха оказались на исходе. Германская капитуляция на Западном фронте в ноябре 1918 года означала капитуляцию и Австро-Венгрии. Но если в Германии дело ограничилось отречением Гогенцоллернов и провозглашением республики, то Австро-Венгрия взорвалась изнутри, перестав существовать как единое государство. Габсбургская империя развалилась. Вместо неё на политической карте Европы появились самостоятельные Венгрия, Чехословакия, Югославия. Парламент оставшейся в одиночестве коренной части страны объявил её Немецкой Австрией и постановил присоединиться к урезанному Версальским мирным договором, но сохранившему своё единство Германскому рейху. Именно в этот момент впервые появился политический термин "аншлюс", означавший включение Австрии в состав Германии. Англо-франко-американские победители запретили его, постановив называть Австрию просто Австрией и рассматривать её самостоятельность в качестве одной из основ мирного порядка в Европе.

По Сен-Жерменскому мирному договору 1919 года победители гарантировали независимость Австрии и довольно долго следили за тем, чтобы Германия и Австрия не обходили запрещение "аншлюса", в том числе путём заключения двусторонних экономических союзов. Однако, когда в январе 1933 года канцлером рейха стал Адольф Гитлер, оказалось, что на деле вступиться за самостоятельность Альпийской республики готова только фашистская Италия. Бенито Муссолини опасался, что нацистское "собирание германских земель" не ограничится присоединением Австрии к Германии, а поставит под вопрос принадлежность Италии Южного Тироля, отторгнутого у Австрии после Первой мировой войны по стратегическим соображениям. В ответ на организованный на-

цистами в июле 1934 года путч Муссолини демонстративно двинул войска на итало-австрийскую границу. Путч не получил достаточной поддержки со стороны населения. Гитлер дезавуировал свою австрийскую агентуру.

Этот эпизод показал, что настроения в австрийском обществе значительно изменились. Оно постепенно приходило к выводу, что независимость и самостоятельность отвечают интересам прежде всего самой Австрии. Убеждены в этом были прежде всего влиятельные консервативные и католические круги, которые занимали центристскую позицию в политическом спектре страны. После прихода Гитлера к власти в Германии суверенитет Австрии получил поддержку и со стороны левых сил.

Аншлюс и возрождение Австрии

Практически уже в 1930-е годы положение Австрии в Европе по своим основным характеристикам отвечало статусу нейтралитета. Она не участвовала ни в каких объединениях, накладывающих военные обязательства (кроме весьма расплывчатых обязательств по Статуту Лиги наций), и не вмешивалась ни в какие конфликты. В то же время нацистская Германия не отказалась от планов захвата стратегически важного австрийского плацдарма. Удобный случай представился в марте 1938 года, когда потребовалось предотвратить проведение референдума по вопросу о сохранении австрийской независимости, который мог принести нежелательные для нацистов результаты. Режиссура вторжения германских войск была впечатляющей. Под аплодисменты и клики восторга толп на улицах осыпаемый цветами вермахт прошёл торжественным маршем до Вены, которая стала отныне центром провинции Остмарк, разделённой на семь "имперских округов". Из политической реальности оказалось вычеркнутым само имя Австрия. Но ненадолго – до весны 1945 года.

Аншлюс стал важным этапом демонтажа Версальского мирного порядка и подготовки войны за передел мира. Гитлер обещал "дуче" вечную дружбу за невмешательство. Это укрепило ось Берлин–Рим, оформившую союз агрессоров. Европейские демократии немного попротестовали и успокоились в надежде, что Гитлер на какое-то время угомонится. Но, вступив в права австрийского наследства, "фюрер" немедленно потребовал расчленения Чехословакии и передачи Германии районов с преимущественно германоязычным населением, отошедших от Австрии в 1919 году. По Мюнхенскому соглашению в сентябре 1938 года Англия и Франция выполнили все требования Гитлера в надежде, что он наконец "займётся делом" и приступит к походу на восток. Однако Запад лишь проторил дорогу ко Второй мировой войне.

Введение германских войск в Австрию против воли её правительства создало предпосылки для того, чтобы отнестись к ней после войны иначе, чем к собственно Германии. Конечно, оставалось фактом, что множество австрийцев воевали в рядах гитлеровской армии, служили в СС и охране концлагерей, были осуждены судами союзных стран как военные преступники. Но победители видели в Австрии не только участницу германской агрессии, но и первую жертву

нацистской экспансии. После того как Австрию восстановили в довоенных границах, в ней так же, как в Германии, осуществлялись программы денацификации, демократизации и децентрализации. Она также была разделена на четыре зоны оккупации и выплачивала репарации. Однако в отличие от Германии, с её решающим геостратегическим положением в Центральной Европе, существование оккупационных зон в Австрии не привело к разрушению экономического и политического единства страны, хотя подспудно такая возможность сохранялась в течение всего периода оккупации.

Восстановление независимости страны было провозглашено временным правительством Австрии во главе с социал-демократом Карлом Реннером 27 апреля 1945 года. В отличие от межвоенного периода после Второй мировой войны ни одна политическая сила в Австрии не ставила перед собой цели предпочтительного сближения с северным соседом. С одной стороны, солидарность с разгромленной Германией не сулила ничего, кроме ослабления стартовых позиций в послевоенном мире. К тому же довольно скоро выяснилось, что единой Германии не стало. С другой стороны, тяжесть нацистских преступлений вызывала ужас и отвращение у подавляющего большинства австрийцев, что невольно сказывалось на их отношении к Германии и немцам вообще.

В этой обстановке значительно ускорился процесс "национального размежевания". Австрийцы всё прочнее осознавали себя как близкую к немцам, связанную с ними историческими узами, но самостоятельную, существенно отличную от них нацию. Оставалась область языкового общения, в котором с XIX века используется литературный немецкий язык, единый для всего немецкоговорящего пространства Европы. Но и здесь на первый план вышли местные диалекты, особенности австрийского говора, которые в прошлом зачислялись в разряд региональных наречий. Теперь они стали отличительными признаками языка, на котором говорят австрийцы. До самостоятельной разновидности обыденного устного языка (как в немецкой части Швейцарии, где господствует Schwitzerdütsch) дело в Австрии пока не дошло. Действуют общепринятые языковые нормы. Основой литературного языка в любом случае остается нововерхнегерманский. Однако довольно много употребляющихся в современной австрийской речи терминов и идиоматических выражений уже непонятны для немцев ФРГ без дополнительных разъяснений.

"Холодная война" поставила австрийских политиков перед дилеммой: либо следовать примеру западных зон Германии, то есть идти на раскол страны и включение её большей части в военный блок Запада, либо искать свой путь с целью сохранения национального единства вопреки продолжающейся конфронтации двух общественно-политических систем. Не без некоторых колебаний австрийцы избрали внеблоковый путь. История доказала правильность принятого ими решения. Австрия сумела воспользоваться возможностями, которые после 1953 года создал поворот внешней политики СССР к международной разрядке.

Непосредственная инициатива к восстановлению австрийского суверенитета исходила от федерального канцлера Австрии Юлиуса Рааба (народная партия), который предложил придать самостоятельному австрийскому государству нейтральный статус. Вариант "суверенитет в обмен на нейтралитет" был закреплён в советско-австрийском меморандуме, подписанном в Москве в апреле 1955 года. Концепция Рааба отвечала представлениям советской внешней политики, для руководителей которой важны были также моменты, не имевшие прямого отношения к австрийской проблематике. Москва всё ещё не утратила надежды добиться такого восстановления единства Германии, которое обеспечило бы её неучастие в противостоянии союзников времён Второй мировой войны. Считалось, что компромиссное урегулирование австрийской ситуации, внешне весьма похожей на германскую, могло бы при определённых обстоятельствах послужить образцом для решения германского вопроса на условиях, приемлемых для СССР. К тому же выдвинутая Раабом юридическая формула учитывала советские интересы, поскольку вывод советских войск из Австрии не вёл к нарушению существовавшего в Европе равновесия сил. В конечном счёте такое урегулирование устроило обе конфронтирующие стороны. Впервые после начала "холодной войны" Запад и Восток смогли договориться по одной из важных международных проблем.

15 мая 1955 года в Вене представителями четырёх держав и австрийского правительства был подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. Оккупация австрийской территории прекращалась, и четыре державы обязались уважать её независимость и территориальную целостность. Договор запрещал "аншлюс" и действия, которые могли быть расценены как обход этого запрета, в частности шаги, прямо или косвенно способствующие экономическому союзу с Германией. Австрии не разрешалось производить или приобретать военные материалы и технику германского образца. Ей также запрещалось производить и иметь на вооружении атомное, ракетное и химическое оружие. Предусматривались обязательства Австрии не допускать фашистской и милитаристской деятельности на своей территории, а также обеспечивать демократические права австрийским гражданам. Статьи о нейтралитете Австрии в Государственном договоре не было. Хотя апрельский меморандум упоминался в одном из приложений к его тексту, имеющем одинаковую силу с договором, четыре державы по просьбе австрийской стороны предоставили самим австрийцам возможность взять на себя обязательство соблюдать нейтралитет, чтобы это решение не выглядело как навязанное извне. Действительно, австрийский парламент самостоятельно принял 7 июня того же года декларацию о постоянном нейтралитете страны.

Государственный договор вступил в силу 27 июля. 25 октября был завершён вывод иностранных войск с австрийской территории. Солдаты западных союзников были перемещены в соответствующие зоны оккупации Германии, советские солдаты – в Венгрию. На следующий день, 26 октября 1955 года, австрийский парламент принял федеральный конституционный закон о постоянном

нейтралитете. В его первой статье указывалось, что страна "в будущем не будет вступать ни в какие военные союзы и не будет допускать создания военных опорных пунктов чужих государств на своей территории". В результате Австрия окончательно покинула германский фарватер и вышла в самостоятельное, независимое и внеблоковое плавание в открытом море международной политики. Это укрепило национальную самобытность и суверенитет страны, а также стало весомым вкладом в нормализацию международных отношений. Австрийский нейтралитет стал первым конкретным шагом к преодолению духа и нравов "холодной войны" в мировом и общеевропейском плане. Оказалось на деле опровергнутым утверждение противников СССР, будто он никогда не отступит с тех рубежей, на которые вышли его войска на заключительном этапе Второй мировой войны, даже если будет гарантировано соблюдение его интересов.

В то же время расчёты советской дипломатии оправдались не полностью. В частности, австрийская модель не стала прообразом решения германской проблемы. Немцам пришлось ждать объединения Германии еще 35 лет. Тем не менее "австрийский вариант" послужил укреплению взаимного доверия в международных отношениях, показал, что стороны выполняют взятые на себя договорные обязательства, облегчил достижение разрядки на европейском континенте. Дальнейшее развитие доказало не только реальность эффективной политики нейтралитета в современном мире, но и её важность для нахождения развязок по важнейшим проблемам международной жизни. И в этом заключается непреходящее значение урегулирования австрийского вопроса на базе нейтралитета Австрии.

Большинство австрийцев восприняло решение о нейтралитете как своё собственное, выстраданное ими самими, причём не только в военном, но и в идеологическом плане. Австрия видела свою международную миссию не столько в том, чтобы держаться в стороне от военных блоков, сколько в выполнении роли честного посредника между "реальносоциалистическим" Востоком и "либеральным" Западом. Вместе с тремя другими европейскими нейтралами – Финляндией, Швецией и Ирландией (к ним иногда присоединялась и Мальта) – австрийцы взяли на себя сложную задачу поиска компромиссных решений по проблемам континента, по которым мнения Востока и Запада серьёзно расходились. В частности, исключительно велика была роль нейтралов, в том числе Австрии, в деле подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки), в разработке текста его Заключительного акта, в становлении СБСЕ как общеевропейской организации. И в дальнейшем Австрия не раз играла роль связующего моста между Востоком и Западом. В Вене разместили свои штаб-квартиры или отделения ООН, ОБСЕ, ОПЕК и МАГАТЭ.

Австрийский нейтралитет принёс огромную пользу и самой Австрии, и остальной Европе в период выхода из острой фазы конфронтации. Нападки некоторых американских и западногерманских "холодных воителей" на политику нейтралитета не могли перечеркнуть весомого вклада нейтралов, включая авст-

рийцев, в преодоление конфронтации в Европе и в мире. Уместно говорить о том, что их роль в завершающий период конфронтации была сопоставима с ролью лидеров противостоящих блоков. Может быть, на фоне тектонических сдвигов 1990 – 1991 годов кропотливая работа нейтралов внешне выглядела не столь впечатляющей, однако её никак нельзя сбрасывать со счетов при рассмотрении завершающей стадии "холодной войны". Конфронтацию преодолевали всем миром.

По окончании конфронтации

Постконфронтационная фаза привнесла много изменений в привычный облик Европы. Многие считали, например, что придётся пересматривать всю политическую топонимику прошлого. Однако на Западе после распада Варшавского пакта и дезинтеграции СССР началось необъяснимое воскрешение теней прошлого. НАТО отказалась последовать восточному примеру, и западная часть континента оказалась охваченной милитаристским поветрием. Альянс вопреки всякой логике взял курс на расширение. Отныне стратегия блока была нацелена на то, чтобы включить в сферу своей "компетенции" весь континент за исключением России. Альянс потянуло не только на восток, но и на запад – в нейтральные Швецию, Финляндию и Австрию. В связи с намерением НАТО обеспечить себе "консолидированный европейский тыл", что в условиях прекращения конфронтации было по меньшей мере странной затеей, в нейтральных странах объявились политики, провозгласившие нейтралитет анахронизмом и потребовавшие отказа от него. В Австрии также всерьёз заговорили о возможности упразднения нейтрального статута и подключения страны к функционированию НАТО. Этот феномен смущения умов легко вписался в общую картину европейской сумятицы той поры.

Однако убедить население нейтральных стран в целесообразности их "натоизации" не удалось. Большинство австрийцев недвусмысленно высказалось против смены оправдавшего себя внешнеполитического курса. Сегодня идею членства Австрии в НАТО можно считать снятой с повестки дня. В августе 2005 года австрийский министр обороны публично заявил, что "этот вопрос остался в прошлом" – сотрудничество с альянсом происходит лишь в рамках программы "Партнёрство ради мира", как это делают также нейтральные Швеция и даже Швейцария.

В контексте размышлений на тему о пересмотре отношений Австрии с НАТО обострилась проблема толкования австрийского нейтралитета. Неожиданными оказались последствия того факта, что обязательство соблюдать нейтралитет не было включено в текст Государственного договора с Австрией. На этом основании был сформулирован тезис о том, что давать толкование понятия "австрийский нейтралитет" может только сама Австрия. Тем самым она уравняла себя в правах с другими европейскими нейтралами, которые действительно самостоятельно и добровольно провозгласили свой нейтралитет и тем самым сохранили за собой возможность интерпретировать своё решение так, как это

им в данный момент заблагорассудится. Австрийская интерпретация не всегда вызывала всеобщее одобрение. Во всяком случае, поведение Австрии (в связке с вновь объединённой Германией) в начальный период острейшего балканского кризиса 1990-х годов обоснованно подвергалось критике. Поощрение с её стороны одномоментного развала бывшей Югославии не могло не способствовать развязыванию на Балканах тяжелейшей гражданской войны, с последствиями которой Запад не справился до сих пор. Позицию Австрии по отношению к соседней Югославии нельзя было квалифицировать как полностью нейтральную.

Сторонники "денейтрализации" Австрии не смирились с крахом планов вступления в НАТО. Теперь они возлагают надежды на решения о военном строительстве, принятые и подтверждённые Евросоюзом. С 1995 года Австрия является членом ЕС, и поэтому решения о создании собственных вооружённых сил Союза распространяются и на неё. Противники австрийского нейтралитета рассчитывают на то, что милитаризация Евросоюза должна сблизить в конечном счёте Австрию с Североатлантическим альянсом, тесную связь с которым в военной области ЕС провозглашает при каждом удобном случае. По их логике, формально нейтральный статус страны спокойно может оставаться в силе, но полномасштабное участие в военном строительстве Евросоюза с течением времени сделает своё дело. Эти политики уповают на то, что страна не сможет долго быть одновременно нейтральной и не совсем нейтральной и, дескать, поэтому Австрии придётся в один прекрасный день распроститься со своим нейтральным статусом на практике. "Максимально широкое" толкование обязательства соблюдать нейтралитет кое-кто в Австрии считает наиболее верным путём к тому, чтобы данное понятие вскоре вообще оказалось забытым.

Действительно, решение Австрии присоединиться к процессу западноевропейской интеграции (вместе с двумя остальными нейтралами – Финляндией и Швецией; Ирландия стала членом ЕС в 1973 году) означало в какой-то степени отход от классического нейтралитета швейцарского типа. На практике этот шаг означал не только запрещённый Австрии в международно-правовом порядке экономический союз с Германией, но и подчинение решениям, которые уже приняты или будут приняты в дальнейшем руководящими органами Евросоюза, отнюдь не относящегося к нейтральным в политическом смысле организациям. Это обстоятельство обусловило необходимость официально видоизменить обязательства Вены по сохраняющемуся нейтральному статусу государства.

Россия как правопреемница страны-сигнатария Государственного договора 1955 года первоначально заявила сомнения в данной связи, но довольно скоро от них отказалась. Москва встала на ту точку зрения, что сохранение нейтрального статуса Австрии в полном объёме было бы предпочтительнее для всех, но окончательное решение этой проблемы в руках самих австрийцев. Впрочем, дискуссии по этому вопросу среди российских юристов, историков и политологов не затихают и по сей день. Выдвигаются весьма убедительные аргументы в пользу того, что обязательство Австрии в отношении её нейтралитета носит международно-правовой характер и не может быть изменено её односторонним

решением. Однако официальная позиция России остаётся однозначной и пока не меняется.

Смягчение российских возражений против членства Австрии в ЕС сняло главное внешнее препятствие для модификации практических последствий, проистекающих из статуса постоянного нейтралитета. Завязавшиеся было в Австрии дискуссии о том, не является ли вступление в Евросоюз нарушением конституционного закона 1955 года, потеряли остроту. В конечном счёте присоединение к Евросоюзу было объявлено совместимым с нейтралитетом. Сомнения экономического характера были развеяны с помощью довода, что единое экономическое пространство Евросоюза нельзя отождествлять с установлением преференциальных отношений с Германией. В военной области Австрии пришлось изменить свою конституцию путём принятия ещё одного специального конституционного закона, в котором, в частности, говорилось: "Австрия участвует в совместной внешней политике и политике безопасности Европейского союза на основании раздела V Договора о Европейском союзе. Это включает в себя участие в мерах, с помощью которых прерываются, ограничиваются или полностью прекращаются экономические отношения с одной или несколькими третьими странами".

В последующем данное положение закона стало интерпретироваться Австрией более широко, чем это позволяет предполагать его точный текст. Во-первых, "совместная внешняя политика и политика безопасности" были признаны предварительным этапом "совместной политики безопасности и обороны", в рамках которой Австрия готова "солидарно и равноправно" принимать участие во вновь создаваемых военных структурах Евросоюза. Во-вторых, Вена считает, что принимаемые в рамках "совместной внешней политики и политики безопасности" Евросоюза решения имеют преимущество по отношению к положениям закона о нейтралитете. В-третьих, предписано исходить из того, что закон о нейтралитете не содержит ограничений для участия австрийской армии в боевых действиях, например, для навязывания мира воюющим сторонам в любом конфликте за пределами Евросоюза.

На практике это означало не только более или менее автоматическое подключение Австрии к экономическим санкциям, на которые Евросоюз становится всё более щедрым в последнее время. Это привело также к австрийскому участию в создании войск быстрого реагирования, которые формируются в Евросоюзе с декабря 2003 года. Такие войска состоят из отдельных воинских частей на базе национальных контингентов. Австрия выделила 1500 солдат для формирования, в котором будут служить также немцы и чехи. Создаются объединённые полицейские силы Евросоюза, в распоряжение которых Австрия направила 110 полицейских. Если войска Евросоюза – пока музыка будущего, то его полиция уже действует, например, в Боснии, куда командированы и австрийские полицейские.

Нейтралитет не отменяется

Запланированная и уже осуществляющаяся милитаризация Евросоюза не упраздняет автоматически нейтральный статус Австрии, равно как и её партнёров по группе европейских нейтралов. Так далеко дело ещё не зашло. Нейтралитет продолжает пользоваться поддержкой подавляющего большинства австрийцев, а также граждан трёх других нейтральных членов Евросоюза. "Законодателем мод" в этой группе остаются шведы, которые после 1991 года облекли изменения в толковании своего нейтрального статуса в следующую формулу: вместо "свободы от военных союзов в мирное время с целью неучастия в войне" они провозгласили цель "свободы от военных союзов в мирное время с целью сохранения возможности оставаться нейтральными в случае войны в ближайшем окружении ЕС". Невооруженным глазом можно рассмотреть сужение новой шведской формулой круга обязательств, налагаемых нейтральным статусом, но основы нейтралитета, выражающиеся в неучастии в военных альянсах, ею в целом не затрагиваются.

Интерпретация австрийцами статуса Австрии на данном этапе близка к шведской. Веной оговаривается ряд ограничителей для автоматического распространения на неё принимаемых в Евросоюзе решений о применении силы. Главным из них является наличие соответствующего решения Совета Безопасности ООН. Кроме того, австрийцы специально подчёркивают сохранение принятого в Евросоюзе принципа единогласия, в соответствии с которым Австрия в каждом отдельном случае самостоятельно решает, будет ли она принимать участие в той или иной силовой акции Евросоюза. Однако в этой сфере ещё много неопределённостей. Условия участия в крупных операциях Евросоюза будут каждый раз обсуждаться совместно Австрией, Швецией, Финляндией и Ирландией для определения, совместимы ли они с принципами их нейтралитета. Считается, что безусловная совместимость будет налицо, если есть мандат ООН или Евросоюза. Австрия готова признавать также мандат ОБСЕ. Однако для окончательного решения важны детали намеченных операций. В частности, преследуют ли они цель "поддержания мира" (то есть могут обойтись без активных военных действий, вовлекающих направленные войска в прямое участие в конфликте в стране пребывания) или "установления мира" (то есть с активными военными действиями). Во втором случае принятие положительного решения считается делом значительно более трудным.

Однако считать, что существующие предохранители навсегда останутся надёжной гарантией сохранения Австрией статуса нейтральной страны, было бы преждевременно. Член Европейского парламента от Великобритании Дениел Хэннан отмечал недавно, что в Евросоюзе действуют мощные силы, навязывающие населению входящих в него стран решения, противоречащие мнению большинства. В подтверждение Хэннан привёл пример проекта Европейской конституции, отвергнутой на референдумах во Франции и Нидерландах. Он

указывал, что "развитие Евросоюза никогда не зашло бы столь далеко, если бы каждый отдельный акт передачи компетенций Брюсселю зависел от одобрения избирателей в каждой стране. Напротив, ЕС последовательно набирал силу благодаря тихому и бесшумному включению в своё ведение всё большего числа сфер политики, ставя граждан отдельных стран перед свершившимися фактами. Поэтому "реалисты", в число которых входит большинство национальных правительств и европейские бюрократы с их трезвым подходом к делу, просто продолжают начатое, как если бы французы и голландцы в действительности проголосовали за конституцию".

"Я опасаюсь, – продолжал Хэннан, – что в течение предстоящих двух лет будет реализовано 90% содержания проекта конституции. А остающиеся несколько пунктов – например, изменение соотношения сил между отдельными странами в Европейском парламенте – смогут быть приняты на очередном правительственном мини-саммите. Никто уже не будет считать эти изменения настолько важными, чтобы выносить их на народный референдум". К "реалистам" Хэннан относит и Вольфганга Шюсселя, канцлера Австрии, которая с 1 января 2006 года осуществляет в течение шести месяцев функции председателя Европейского совета. В качестве доказательства он процитировал недавнее высказывание Шюсселя: "Конституция не умерла". Действительно, в своём новогоднем послании австрийский канцлер включил в число первоочередных задач австрийского председательствования определение плана дальнейших действий Евросоюза после референдумов во Франции и в Нидерландах.

Опасения, аналогичные высказанным Хэннаном, могут относиться и к дальнейшей судьбе австрийского нейтрального статуса, только с обратным знаком. Если Европейская конституция будет претворяться в жизнь "через чёрный ход", то нейтральный статус рискует таким же порядком оказаться лишённым реального содержания. Конечно, население Австрии (по опросам общественного мнения, более 70% граждан) остаётся верным принятому на себя в 1955 году обязательству о постоянном нейтралитете. Однако ведущаяся в стране настойчивая пропагандистская кампания в пользу внешнеполитической ориентации, которая противоречила бы ему на деле, показывает, что планы изменить основу австрийской политики не оставлены.

На данный момент принадлежность Австрии к группе европейских нейтралов сомнению не подвергается. Она прилагает усилия к тому, чтобы избежать упрёков в пристрастности. В недавнем российско-украинском споре о цене на газ Вена заняла разумную позицию равноотстраненности и в качестве председателя Евросоюза способствовала охлаждению голов политиков ряда стран–членов организации, готовых поддержать любую авантюру, лишь бы она носила антирусский характер. Как показывает практика последних лет, при каждом обострении международной обстановки интерес австрийцев к сохранению нейтралитета возрастает. Так было во время бомбардировок Югославии, после террористических актов в США и других странах, в результате конфлик-

та вокруг Ирака. В последнем случае Австрия, как и Швейцария, запретила пролёт направляющихся в Ирак военных самолетов США, причём австрийцы ещё пригрозили, что в случае неуважения этого запрета будут сбивать нарушителей. Такая позиция вызвала широкое одобрение внутри страны и понятное раздражение американцев.

Мир ещё очень далёк от того, чтобы стать уютным и стабильным, поэтому можно рассчитывать, что процесс выхолащивания австрийского нейтралитета не выйдет за определённые рамки. Политический класс Австрии, включая высшее руководящее звено, в своём большинстве справедливо продолжает видеть в конституционном законе 1955 года благо для страны и считает необходимым укреплять испытанную временем традиционную политику, подчёркивающую собственный австрийский профиль в европейских и мировых делах. По мнению здравомыслящих австрийцев, это позволит укрепить безопасность Австрии, усилить её международную роль и авторитет, разнообразить внешнеполитические возможности Евросоюза, а главное – гарантировать, что и в дальнейшем никто не будет путать Австрию с какими-нибудь другими странами. Статус нейтральной страны может содействовать ослаблению всё ещё имеющейся напряжённости вокруг Южного Тироля, бургомистры городов которого обратились к Вене в январе 2006 года с просьбой включить в австрийскую конституцию пункт об особой ответственности Австрии за защиту прав южнотирольского населения.

Австрийцы не без основания пользуются в мире репутацией уравновешенных и невозмутимых людей. К ним очень подходит народное выражение “крестьянская мудрость”, включающее в себя способность принимать правильные решения, руководствуясь не только рассудком, но и интуицией, опирающейся на многовековой опыт. Спокойствие и всеобщее уважение к Австрии пришли вместе с нейтралитетом. Полвека назад она продемонстрировала способность предпринимать шаги, отвечающие коренным интересам своего населения, а также общим интересам Европы и человечества. С тех пор Австрия внесла заметный вклад в преодоление конфликтов на континенте, в поиски приемлемых для всех решений. Остаётся надеяться, что за истекшие полвека рассудительность и политические таланты австрийской элиты не оказались утраченными.

Алла ЯЗЬКОВА

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ДОЛГАЯ ДОРОГА К ЕВРОИНТЕГРАЦИИ*

В числе наиболее существенных факторов, формирующих вектор международной политики бывших социалистических стран Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) – их неубывающее стремление добиться членства в организациях европейского и евро-атлантического сотрудничества: ЕС и НАТО. И хотя государства балканского региона, в отличие от своих бывших союзников по социалистическому содружеству – Чехии, Словакии, Венгрии, Польши и даже бывшей республики СФРЮ Словении, не попали в "первую волну" расширения этих организаций, они тем не менее не утратили намерения продвигаться по этому пути, несмотря на явное несоответствие экономического и политического развития стандартам НАТО и особенно Евросоюза.

Что влечёт руководителей постсоциалистических государств в НАТО и ЕС? Политическая конъюнктура или более глубокие причины? Какие возможности открывает для них такая перспектива и не порождает ли она новые, непредвиденные проблемы? Наконец, почему лидеры этих интеграционных союзов согласились начать переговорный процесс со странами Юго-Восточной Европы?

"Назад, в Европу…"

Этот призыв, сформулированный тогдашним президентом Чехословакии Вацлавом Гавелом, уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов определил устремление большинства стран ЦВЕ и Балканского региона к "возврату в Европу". Такой призыв, конечно, трудно назвать политической коньюнктурой, скорее он напоминает классическое "отрицание отрицания". Не только лидеры этих стран, но и большинство населения, связывали с "возвратом в Европу" надежды на лучшую жизнь и искоренение негативных черт авторитарных и тоталитарных режимов. В условиях нестабильности СССР и его последующего распада росло и желание добиться получения "защитного зонтика" НАТО.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ
(дополнительный конкурс 2006 г. 06-01-02104а).

© ***Языкова Алла Алексеевна*** – доктор исторических наук, руководитель Центра Средиземноморье-Черноморье Института Европы РАН.

Балканские кризисы и конфликты 1990-х годов подталкивали к тому, что лучший вариант реализации этих намерений виделся во вхождении в зону ответственности НАТО посредством интеграции в альянс либо получения его защиты на основе решений и под эгидой ООН. Не менее привлекательной представлялась и возможность финансовой поддержки ЕС как основы урегулирования или хотя бы смягчения затяжного экономического кризиса. Большинство стран Восточной Европы выбрали для себя путь поэтапной интеграции в ЕС через посредство малых интеграционных группировок (ЦЕИ, ЦЕФТА и др.), для некоторых наиболее депрессивных государств поддержка ЕС стала единственно возможным путём предотвращения тотального коллапса. Сами же евроатлантические интеграционные группировки НАТО и ЕС, рассматривая перспективу расширения, учитывали прежде всего возрастающий масштаб опасности, которую представляет для Европы эскалация вооруженных конфликтов и разрастание кризисных явлений в балканском регионе.

Вслед за государствами ЦВЕ – Чехией, Венгрией и Польшей – и совместно со Словенией и Словакией первыми из стран Юго-Восточной Европы в НАТО в мае 2004 года были приняты Болгария и Румыния как наиболее "созревшие" для вступления, что стало итогом пройденного ими длительного пути.

Парламент Болгарии еще в декабре 1993 года после двухлетних дискуссий принял декларацию, подтверждавшую готовность страны присоединиться к НАТО. В декабре 1995 года болгарское правительство подало официальную заявку, повторенную в феврале 1997-го, несмотря на то что это совпало с началом кризиса вокруг Косова и на тот факт, что 2/3 болгар, согласно опросам общественного мнения, негативно относились в это время к любым формам сотрудничества с альянсом в случае вооружённого конфликта на Балканах. Но, по оценкам западных экспертов, принципиальное решение НАТО о приёме Болгарии было, в конечном счёте, обусловлено её геостратегической важностью как связующего звена между Центральной Европой и Турцией[1].

При определении позиции Румынии известную роль сыграл фактор "исторической памяти". Не случайно, что именно в дни августовского путча 1991 года в Москве министр иностранных дел Румынии был срочно направлен в Брюссель с целью проведения консультаций по поводу возможных негативных последствий событий в Москве для пограничных с СССР стран. И уже 10 октября 1991 года президент Румынии представил Генеральному секретарю НАТО заявление о решимости укреплять связи с НАТО и добиваться последующей интеграции в альянс[2].

Впоследствии этой цели были подчинены все основные стратегические решения и действия румынских властей: в сентябре 1993 года была подана официальная заявка на членство в НАТО, спустя год, в сентябре 1994 года, Румыния стала одним из первых участников принятой на Брюссельском саммите НАТО

[1] Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Balkan Crisis Report # 384. London, November 2002.

[2] MFA. White Book on Romania and NATO. Bucharest 1997. P. 23.

программы "Партнерство во имя мира" (ПИМ). Характерно, что, согласно данным Европейской комиссии, о своём намерении поддержать немедленное вступление страны в НАТО заявили в марте 1996 года 95% опрошенных граждан Румынии (для сравнения: в Польше этот процент составлял 92, в Словении – 71, в Словакии – 63, а в Чехии и Венгрии – менее 60%)[1].

По имеющимся оценкам, свыше 70% румын выступали за интеграцию в НАТО не по причинам военно-политического порядка. "Скорее, румыны знают, что в НАТО нет бедных стран, и надеются, что, вступив в НАТО, тоже избавятся от бедности", – замечал известный румынский политолог Сильвиу Брукан[2]. А поскольку ни состояние экономики, ни уровень демократии не позволяли Румынии рассчитывать на быструю интеграцию в западный мир, она хотела использовать имеющийся у неё козырь – стратегические позиции страны на Чёрном море, близость к конфликтным регионам Ближнего и Среднего Востока и Кавказа.

Вооружённые конфликты первой половины 1990-х годов на территории экс-Югославии в той или иной мере затронули все страны Юго-Восточной Европы, превратив большинство из них в "прифронтовые государства". Во времена воздушного вторжения в Югославию Болгария и Румыния попытались доказать свою "нужность" НАТО тем, что предоставили воздушное пространство и аэродромы для транзитного пролёта самолётов (добавим: Албания предоставила инфраструктуру для размещения наземных и морских вооружённых сил НАТО). Однако ожидаемого результата не последовало. Итоги Мадридского саммита НАТО (июль 1997 года), где на вступление в альянс были номинированы только Польша, Венгрия и Чехия, по признанию ряда экспертов и политиков из стран Юго-Восточной Европы, явились для них горьким разочарованием. Одновременно стали очевидными и достаточно сложные условия, предъявляемые к новым членам.

Мало хотеть – нужно соответствовать

Печатный орган альянса "*NATO-review*", касаясь этого вопроса, указывал, что со вступлением в НАТО связан ряд обязательств и наличие объективных реалий, в числе которых – функционирующие демократические системы; соответствующая требованиям ОБСЕ политика в отношении национальных меньшинств и урегулирование территориальных споров с соседями; реальный гражданский контроль над вооружёнными силами и готовность внести вклад в вооружённые операции НАТО. Но даже в том случае, если новичкам удастся преодолеть все эти барьеры, НАТО – уже не та организация, в которую они хотели вступить в 1990-е годы, подчёркивалось в издании. Она должна трансформироваться в альянс, готовый принять вызовы безопасности XXI века, и проявить готовность участвовать в операциях за пределами евро-атлантического пространства[3].

Эти и другие задачи, обозначенные в официальных документах НАТО в ка-

[1] Ibid. P.51.
[2] Пульс планеты, 10 апреля 2002 года.
[3] IWPR. Balkan Crisis Report # 384, November 2002.

честве обязательных условий приёма, и сегодня трудновыполнимы для стран Юго-Восточной Европы, пока ещё не преодолевших экономической отсталости и не создавших соответствующих европейским стандартам политических и правовых норм. А в кризисных условиях 1990-х годов они казались практически неразрешимыми. Характерно, что в год повторного обращения по поводу членства в НАТО (1997) ВВП Болгарии сократился на 7%, безработица составила 17% . В том же году ВВП Румынии уменьшился на 6,1%, а уровень инфляции во второй половине 1990-х годов достиг 66,2%[1].

В отличие от экономики позитивные перемены обозначились в национальной политике и межгосударственных отношениях ряда стран ЮВЕ, в чём, несомненно, стала проявляться стабилизирующая роль НАТО. Ведь до последнего времени Юго-Восточная Европа была буквально "нашпигована" межэтническими конфликтами, территориальными спорами с другими государствами. И ими не без пользы для себя манипулировали авторитарные и тоталитарные режимы – достаточно вспомнить казавшиеся неразрешимыми противоречия между Румынией и Венгрией, Болгарией и Югославией, Албанией и Югославией, Грецией и Албанией, Болгарией и Турцией и ряд других.

Одним из первых шагов на пути разрешения такого рода конфликтов стало заключение в декабре 1996 года базового Договора о взаимопонимании, сотрудничестве и добрососедстве между Румынией и Венгерской Республикой, который впоследствии был дополнен подписанной в декабре 2002 года Декларацией о венгеро-румынском стратегическом партнёрстве. Достигнутые договорённости, разумеется, не могли полностью разрешить доставшийся в наследство от истории сложный комплекс национально-территориальных проблем между Венгрией и Румынией, а также между Венгрией и Словакией, Венгрией и Югославией, где, как и в Румынии, проживает значительное венгерское меньшинство. Важно, однако, что Венгрия как член НАТО и претендовавшие на членство Словакия и Румыния попытались решить возникающие проблемы в рамках международного права.

Подобные соглашения были подписаны Румынией также с Болгарией, Союзной Республикой Югославией и Хорватией, велись переговоры о подписании соответствующих документов с Украиной и Молдовой. В частности, в правительственной программе отношений с Молдовой было указано на историческую, культурную и лингвистическую общность двух стран, но при этом на перспективу выдвигалась лишь задача "создания общего культурного и экономического пространства с целью интеграции обоих государств в европейские структуры"[2].

В начале 1990-х годов с инициативой заключения двусторонних соглашений, которые должны были продемонстрировать намерение развивать добрососедские отношения на Балканах, выступила Болгария, заключившая в октябре 1991 года с Грецией Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве сро-

[1] Through the Looking Glass 2000-2001. A Handbook for Investors in CEI Region. New York and Geneva, 2000. P.41, 81.
[2] White Book on Romania and NATO. P. 29.

ком на 20 лет. Несколько позднее (декабрь 1991 года) был подписан "Софийский документ" о мерах по обеспечению доверия, безопасности и военных контактах между Болгарией и Турцией, дополненный заключённым в мае 1992 года Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Позднее аналогичные договоры были заключены с Румынией и Албанией. Вопреки сложному историческому наследию Болгария стала также первым государством, признавшим в декабре 1992 года независимость Македонии[1].

Одновременно страны Балканского региона, особенно его восточной части, попытались с выгодой для себя использовать возросшую в последние годы значимость своего географического положения, на что им прямо указывали американские эксперты и политики, акцентируя роль геостратегического фактора в процессе расширения НАТО. Так, по мнению ведущего сотрудника вашингтонского Института национальных стратегических исследований Джеффри Саймона, особое значение имела геостратегическая роль потенциальных кандидатов: Словакия и Словения являются "мостом" к Венгрии, Румыния и Болгария "сдерживают" Сербию и "стабилизируют" Македонию, одновременно "связывая" Венгрию с Грецией и Турцией. По его оценке, включение стран Юго-Восточной Европы в НАТО имеет также неоценимое значение как в контексте возможного балканского кризиса, так и в плане продвижения интересов альянса к Каспийскому бассейну с его энергоресурсами и далее на Ближний и Средний Восток[2].

Идеи, прозвучавшие из Вашингтона, были подхвачены политиками стран ЮВЕ, при этом лидирующую роль в их реализации взяла на себя Румыния. Выступая в июне 2002 года на встрече глав дипломатических миссий Румынии в регионах Чёрного моря, Кавказа и Средней Азии, тогдашний министр иностранных дел М. Джоане выразил убеждённость, что Румыния приобретает роль "важного якоря" в зоне с многосторонним стратегическим значением. "В предстоящие годы Румыния будет призвана играть роль не только в Юго-Восточной Европе, как это было в последний период, но и, очевидным образом, опорную роль в регионе Чёрного моря и по направлению к Кавказу и Средней Азии, – указывал он. – Надеемся, что по мере того, как нам удастся урегулировать свои отношения с Россией... мы сможем играть роль стратегического вектора и якоря к Востоку"[3].

Эти заявления были вскоре подкреплены конкретными шагами. В период вооружённого конфликта в Ираке американским вооружённым силам была предоставлена возможность базирования и пролёта самолетов, организована подготовка специальных подразделений для международных миротворческих миссий и антитеррористических акций в горах, 500 румынских военнослужащих, обученных английскому языку, были направлены в Афганистан, наконец, Румыния была первой страной, подписавшей соглашение о невыдаче американских военнослужащих Международному уголовному суду и заявившей о предоставлении

---

[1] Балканите пред избор. Мир или война, европеизация или ребалканизация. София 1993. С. 24–25.

[2] Romanian Journal of International Affairs, vol.VII, # 1-2/2001. P. 209.

[3] Пульс планеты, 4 июня 2002.

Вашингтону военной помощи в случае войны против Ирана[1]. В декабре 2005 года она дала согласие на создание на румынском побережье Чёрного моря американских военно-морских баз.

В общем, стремление "соответствовать" стандартам НАТО некоторые страны ЮВЕ проявляли в полной мере.

Стратегическая концепция НАТО и Балканы

Особое значение для государств Юго-Восточной Европы имело принятие одобренной юбилейным саммитом НАТО в Вашингтоне "Стратегической концепции" (апрель 1999 года), где по понятным причинам (саммит проходил в самый разгар натовских бомбардировок СРЮ) основное внимание было уделено положению дел в Балканском регионе. В ней были обозначены стоящие перед альянсом новые сложные задачи, намечена, по существу, его трансформация применительно к этому региону, а также существенно расширено само понятие ***безопасности*** для Европы. Указывалось, в частности, на появление в последнее десятилетие "новых сложных факторов риска для мира и стабильности в Евро-Атлантическом регионе, таких, как притеснение, межэтнические конфликты, экономические неурядицы, крах политического строя и распространение оружия массового уничтожения"[2].

Непосредственно для стран ЮВЕ значение стратегической концепции заключалось в том, что в ней, как и в других документах Вашингтонского саммита, были обозначены перспективы и возможности интеграции большинства стран Юго-Восточной Европы в Североатлантический союз: равные для всех условия начала переговоров о членстве в НАТО, урегулирование международных споров мирными средствами; разрешение межэтнических и территориальных конфликтов с соседями; демонстрация приверженности верховенству закона и защите прав человека, отказ от угрозы применения силы и создание системы демократического и гражданского контроля над вооружёнными силами; предоставление информации о состоянии экономики и принципах экономической политики[3].

Преодолеть поставленную Альянсом планку, хотя и весьма условно, смогли лишь Румыния и Болгария. Что же касается интеграционных перспектив государств западной части Балкан, то в дополнение к реализации программ военных реформ Босния и Герцеговина "должна продемонстрировать, что она активно сотрудничает с Международным уголовным судом по бывшей Югославии в Гааге, и только тогда она сможет стать участницей "Партнерства ради мира", – утверждал Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер, распространяя эти условия также на Сербию и Черногорию[4]. Очевидно, что в русле движения

---

[1] IWPR, Balkan Crisis Report, # 384, November 2002.

[2] Стратегическая концепция Североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. – Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне. С. 47–62.

[3] Стратегическая концепция Североатлантического союза. С.74–75.

[4] Вестник НАТО. Историческая перемена на Балканах. Брюссель, 2005. С.7.

к интеграции лежит и подписанное в июле 2005 года соглашение о транзите спецподразделений НАТО через территорию Сербии и Черногории для проведения миротворческих операций на Балканах.

В случае выполнения всех предварительных условий государства Западных Балкан могут, по оценке западных политологов, претендовать на вступление в Альянс до 2008 года[1]. В действительности это, однако, представляется маловероятным, поскольку процессы трансформации НАТО в регионе Юго-Восточной Европы проходят достаточно сложно, и балканские кризисы лишь с большой долей условности можно назвать "фактором ускорения модернизации альянса", как это утверждалось в стратегической концепции. Не случайно поэтому стала необходимой активизация сотрудничества НАТО и ЕС в этом сложном и взрывоопасном регионе, что выразилось в поиске их согласованных подходов к решению проблем Западных Балкан.

Балканские страны в контексте партнёрства НАТО – ЕС

Вскоре после установления официальных отношений между ЕС и НАТО (январь 2001 года) и принятия в декабре 2002 года Декларации ЕС – НАТО об общеевропейской политике в области безопасности и обороны Балканский регион оказался в поле зрения этого тандема. А принятые ими совместно некоторые документы, в частности о сотрудничестве в сфере кризисного урегулирования (пакет "Берлин-плюс"), позволили, например, Евросоюзу принять на себя в апреле 2003 года ответственность за миротворчество в Македонии[2].

Следующим шагом взаимодействия стало принятие Стамбульским саммитом Североатлантического союза (июнь 2004 года) решения о стратегическом партнёрстве НАТО и ЕС в отношениях со странами Балканского региона и предотвращении расширения конфликтных зон. Тогда же было заявлено о прекращении операции НАТО и передаче Евросоюзу оперативных функций по стабилизации положения в Боснии и Герцеговине. Но сохраняющаяся в регионе Западных Балкан напряжённость говорит о том, что деятельность ЕС как миротворца сегодня и на обозримую перспективу возможна лишь в тесном взаимодействии со штаб-квартирой НАТО, которая взяла на себя планирование и обеспечение поддержки операции ЕС в Македонии (а затем и в Боснии) на основе специального соглашения между двумя организациями[3]. Сотрудничество НАТО и ЕС необходимо также и для предотвращения неизбежных обострений ситуации в Косове и вокруг него в случае предоставления краю независимости.

Понятно, что без поддержки европейских и евро-атлантических структур государствам западной части Балкан (Сербии и Черногории, Боснии и Герцеговине) угрожают не только межэтнические конфликты, но и экономическая и политическая нестабильность, опасность надолго задержаться "на обочине Европы". Меж-

---

[1] Atlantis/Atlantic Council of Serbia and Montenegro, 2006, # 3. P.25.
[2] НАТО. Кризисное урегулирование. Брифинг, октябрь 2003. С. 5.
[3] А.В. Загорский. НАТО: трансформация или агония? – Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Вып. 13, сентябрь 2004. С. 6.

ду тем Евросоюз, несмотря на неоднократные обещания, оказывает им меньшую поддержку, чем относительно более благополучным государствам восточной части Балкан. При сравнительно равной численности населения этих двух частей полуострова ориентировочная сумма поддержки (в 2004–2006 годах) С проведению реформ в Румынии и Болгарии – 1,5 млрд евро (2,6% их суммарного ВВП), а государствам Западных Балкан – 500 млн евро (1% их ВВП)[1].

Детальный анализ ситуации в западно-балканском субрегионе, сложившейся в последние годы, содержался в подготовленном в рамках Европейской стабилизационной инициативы (ESI) докладе "Западные Балканы 2004. Содействие, объединение и новые границы". Европа должна предложить Западным Балканам больше, чем руку помощи, считают авторы доклада, с тем чтобы этот регион не остался островом нестабильности в сердце Европы. Необходима подготовка многолетних программ развития на основе реального партнёрства между ЕС, национальными правительствами, местными властями и гражданскими обществами с выдвижением приоритетов развития и мониторингом реализации программ.

По мнению авторов доклада, необходимо включение Западных Балкан в процессы общеевропейского экономического и политического сотрудничества и создание финансовой основы для поддержки этого субрегиона, учитывая, что весьма вероятные кризисы и конфликты будут стоить ещё дороже[2].

Собственно, началом такого включения можно считать процесс стабилизации и ассоциации, стартовавший в 1999 году. Он основывался на новом типе контрактных отношений между ЕС и западной частью Балканского региона. Программа финансовой помощи ЕС на период до 2006 года предполагала использование 4,65 млрд евро для пяти стран. Но, подчёркивали европейские эксперты, возможности их интеграции в Евросоюз будут зависеть не только от их – пока ещё сомнительной – готовности к членству, но и от готовности ЕС к их приёму. Пока же многие вопросы остаются открытыми[3].

Основные условия для начала переговоров со странами "советского блока", в том числе и Балканского региона, были сформулированы ещё в декабре 1989 года на саммите ЕС в Страсбурге. Несмотря на очевидное несоответствие выдвинутым критериям (проведение свободных и демократических выборов; уважение к главенству закона; соблюдение прав человека, в частности, прав национальных меньшинств; проведение экономических реформ, ведущих к созданию рыночной экономики), Болгария и Румыния уже в начале 1990-х годов предприняли первоначальные шаги по сближению с ЕС. В марте 1991 года обе страны подписали соглашения о торговле и сотрудничестве и были включены в принятую в 1989 году программу ФАРЕ (PHARE – Poland and Hungary Assistance for the Restructuring of the Economy), которая позднее была распространена на 12 стран

---

[1] http://www.esiweb.org/ The road to Saloniki. Cohesion and the Western Balkans. Berlin, 12.03.2003.

[2] Там же.

[3] M.Uvalic. Economic Transition in Southeastern Europe. – Southeast European and Black Sea Studies. Vol.3, #1, Jan.2003, p.77.

ЦВЕ и ЮВЕ. В 1993 году Евросоюз заключил с Болгарией и Румынией соглашения об Ассоциации, предусматривавшие создание в перспективе зон свободной торговли посредством постепенного снижения таможенных тарифов.

О значении этих соглашений говорит тот факт, что в результате их применения объём торговли между Румынией и ЕС увеличился с 3,6 млрд долл. в 1993 году до 10,6 млрд. долл. в 1996-м, а доля ЕС во внешнеторговом обороте страны возросла до 54,1%, благодаря чему Еврооюз уже в середине 1990-х годов стал главным внешнеэкономическим партнёром Румынии[1].

Румыния и Болгария приняли также ряд мер для выполнения соответствующих условий по совершенствованию экономических и политических структур, что должно было ускорить их интеграцию в ЕС. Весной 1995 года была разработана национальная стратегия подготовки Румынии к вступлению в Евросоюз, одобренная парламентом и всеми политическими партиями[2]. В ответ на обнародованную Европейской комиссией "Белую книгу" об условиях интеграции новых государств болгарское правительство приняло в 1995 году "Стратегию о применении Белой книги", содержащую обзор болгарского законодательства в свете выдвинутых требований[3].

В июне 1995 года Румыния, а в декабре того же года Болгария представили в руководящие органы ЕС официальные заявления. Но недостаточно активный ход экономических реформ и сохранявшаяся социально-политическая нестабильность в обеих странах, в сочетании с расширившимся в середине 1990-х годов списком более сильных претендентов на вступление в ЕС[4], привели к тому, что они были отодвинуты на второй план и в дальнейшем стали рассматриваться в группе "других балканских стран"[5]. Об уровне их социально-экономического развития, действительно ставившем их в этот ряд, свидетельствуют данные о душевом объёме ВВП в 1997 году (в долларовом исчислении): Румыния – 1 500, Болгария – 1 200, СРЮ – 1 500, Македония – 1 900, в то время как Чехия – 5 050, Венгрия – 4 400, Польша – 3 540, а Словения – 9 500[6].

Европейская комиссия, несмотря даже на победы на президентских выборах в ноябре 1996 года правых кандидатов (Э. Константинеску в Румынии и П. Стоянова в Болгарии), внушившие Западу надежды, всё-таки приняла решение о переносе рассмотрения их заявок на 2000-е годы и их включении во "вторую волну" расширения, тогда как Эстонии и Словении было предложено присоединиться к лидерам процесса – Чехии, Венгрии и Польше. Македония была включена в

---

[1] В. Шандру. Румыния и Европейский Союз. – В кн: Европа и Россия. Проблемы южного направления. М.1999. С. 158.

[2] Там же.

[3] А. Недялкова. Болгария на пути в Европейский Союз. – В кн. Европа и Россия: проблемы южного направления. С. 172.

[4] В 1995-м – начале 1996 года, помимо Венгрии, Польши и Чехии, заявления были поданы Словакией, Латвией, Эстонией, Литвой.

[5] D. Papadimitriou. The EU's Strategy in the Post-Communist Balkans. – Journal of Southeast European and Black Sea Studies. Vol.1, number 3. September 2001. P. 73.

[6] Transitions. Vol 5, #/4, April 1998. P. 72.

программу ФАРЕ в июле 1993 года, в декабре 1995 года она установила дипломатические отношения с ЕС, а в апреле 1997 года подписала с ним Соглашение о торговле и сотрудничестве[1].

Конкретные сроки вступления в ЕС не были тогда обозначены для Албании, хотя она присоединилась к программе ФАРЕ в декабре 1991 года, а в феврале 1992 года подписала с ЕС Соглашение о торговле и сотрудничестве. В 1990-е годы отношения Албании с ЕС строились преимущественно в рамках региональных программ помощи ЕС балканским странам.

Республики распавшейся СФРЮ (СРЮ, Хорватия, Босния и Герцеговина) были включены в программу "Региональный подход для Балкан" (The Regional Approach for the Balkans), одобренную в феврале 1996 года и выдвигавшую в качестве основных целей успешную реализацию дейтонских договорённостей; создание условий политической и экономической стабилизации на основе упрочения законности и формирования гражданского общества; продвижение экономических реформ[2].

В итоге к концу 1990-х годов отношения ЕС со странами Юго-Восточной Европы характеризовались, по оценке Димитриоса Пападимитриу[3], "удивительным разнообразием". В регионе присутствовали: полный член ЕС (Греция), включенная в "первую волну" расширения Словения, два кандидата "второй волны" расширения (Болгария и Румыния), подавшая заявку на вступление в ЕС Турция, а также Албания, Македония, Босния и Герцеговина, Хорватия и СРЮ, включённые в дополнительные программы Евросоюза. Вся эта сложная система подверглась серьёзному испытанию в дни вооружённого вторжения НАТО в Союзную Республику Югославию. Связанная с этим реальная перспектива регионального экономического обвала, гуманитарной и экологической катастрофы на Балканах заставила Евросоюз обсуждать и принимать экстренные меры.

Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы

В середине мая 1999 года, в самый разгар авиаударов по СРЮ, от которых пострадали также и сопредельные, "прифронтовые" государства, Европейская экономическая комиссия ООН выступила в поддержку некоего варианта "плана Маршалла" для Балкан. В распространённом в Женеве коммюнике секретариат ЕЭК заявил о необходимости экономического содействия Югославии и её соседям после завершения военных действий. Речь шла о программе помощи, которая обеспечила бы странам Юго-Восточной Европы стабильность и развитие и позволила бы им "в будущем реинтегрироваться в широкую европейскую экономику".

Конкретным шагом на этом пути стало принятие 10 июня 1999 года Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы на встрече в Кёльне министров иностранных дел государств ЕС, США и России, представителей группы балканских

---

[1] D. Papadimitriou. EU's Strategy in the Post-Communist Balkans. P. 73.
[2] Ibid. P. 91.
[3] Специалист в области европейских и балканских исследований, профессор Университета в Брэдфорде (Великобритания).

стран (кроме СРЮ), а также ряда европейских и международных организаций, в их числе Совета Европы, ОБСЕ, ООН, МВФ и Мирового банка. В документе содержался ряд принципов, в соответствии с которыми, по мнению его разработчиков, должна была быть достигнута стабилизация положения в регионе на основе демократизации, ускорения экономических преобразований и борьбы с организованной преступностью. Особо подчёркивалась необходимость предотвращения "массовых насильственных переселений" и "безопасного и свободного возвращения всех беженцев и перемещённых лиц в места их проживания"[1].

О подвергшейся авиаударам Союзной Республике Югославии в документе было сказано, что она может стать "полным и равноправным участником Пакта стабильности, если будет следовать по пути политического разрешения косовского кризиса в соответствии с принципами, согласованными министрами иностранных дел группы G8". Пока же право присоединения к Пакту было предоставлено лишь Черногории как составной части СРЮ[2].

Итоги последующих неоднократных встреч в рамках Пакта стабильности выявили заколдованный круг: политическая стабильность в Юго-Восточной Европе невозможна без прогресса в экономике, а он, в свою очередь, тормозится отсутствием политической стабильности. Неоднократно высказывавшиеся декларативные пожелания с рекомендациями о понижении таможенных барьеров, постепенном введении в обращение евро, создании на Балканах зоны свободной торговли и т.д. без практических шагов не решают множества сложнейших экономических проблем, не ведут к устранению межэтнических и территориальных противоречий. Поэтому до окончательного формирования в регионе структур открытого, демократического общества предстоит пройти ещё длительный путь.

Принципиальное решение о начале переговоров ЕС с государствами западной части Балкан, в их числе и СРЮ (Сербии–Черногории), было принято на саммите в Салониках (2003 год), но у Евросоюза оставалось ещё немало конкретных вопросов, тормозивших их начало. К тому же процесс застопорился после провала референдума о принятии европейской Конституции (2005 год), что ещё более усилило сомнения политиков и экспертов в необходимости форсировать процесс расширения Евросоюза[3]. Но в любом случае к этому времени был отвергнут сценарий одновременного начала переговоров с Албанией, Боснией и Герцеговиной, Сербией и Черногорией, Хорватией и Македонией, и в последующем они велись с каждой страной отдельно.

Так, после выполнения условий Гаагского трибунала были сняты препятствия для начала диалога с Хорватией, но, как при этом подчеркнул уполномоченный ЕС по проблеме расширения Олли Рэн, переговорный процесс с ней должен проходить "на общих для всех условиях".

Несмотря на позитивную оценку процессов реформирования в Сербии и

[1] Stability Pact for South Eastern Europe. Cologne, 10 June 1999. – Romanian Journal of International Affairs. Volume V. Bucharest, 4/1999. P.261–262.
[2] Ibidem.
[3] IWPR, Balkan Crisis Report #560, 17.06.2005.

Черногории, европейские эксперты указывают на то, что будущее югославской федерации пока не определилось, неясным остаётся и статус Косова, и оба этих конфликтных очага могут затормозить не только экономическое возрождение всего региона, но и перспективы интеграции Сербии и Черногории в ЕС[1]. Тем более что политические критерии при принятии решений Евросоюза не менее значимы, чем экономические[2].

Пока что остаются неопределёнными и перспективы начала переговоров ЕС с Боснией и Герцеговиной. Ведущие эксперты ESI утверждают, что переговоры с ней станут возможными лишь после того, как будет упразднён пост Верховного представителя, и страна станет *de facto* и *de jure* независимой. Необходимая для перехода в новое состояние реформа сил внутренней безопасности (полиции), которую Евросоюз рассматривает в качестве основного условия для начала переговоров, тормозится правительством Республики Сербской[3].

Что же касается Албании, то в феврале 2006 года с ней было подписано соглашение о стабилизации и ассоциации, хотя годом ранее по её поводу было заявлено, что "в Брюсселе не ощущают определённого межпартийного консенсуса по поводу вступления в ЕС. Нет также и чёткого намерения Тираны проводить необходимые реформы"[4].

В иной плоскости рассматривалась проблема интеграции в ЕС Македонии, которая, несмотря на очевидные экономические затруднения, была поставлена в один переговорный ряд с Хорватией при условии продолжения деятельности межэтничного коалиционного правительства. В числе причин такого решения Комиссия ЕС указала на то, что уже в течение ряда лет правительство Македонии соблюдает подписанные в 2002 году в Охриде соглашения, благодаря которым удалось предотвратить сползание к масштабному балканскому конфликту[5]. Примечательно также, что руководство Македонии параллельно обратилось за поддержкой к США в деле урегулирования её спора с Грецией по поводу названия страны, без чего невозможно окончательное решение вопроса о её членстве в ЕС[6].

Очевидно, таким образом, что европейские структуры ищут пути реализации положений Пакта в отношении государств западной части Балкан, хотя речь ещё не скоро пойдёт о вступлении Албании, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории в ЕС даже при соблюдении поставленных перед ними условий: проведения свободных и демократических выборов; уважения к главенству закона; соблюдения прав человека, в частности, прав национальных меньшинств; проведения экономических реформ, ведущих к созданию рыночной экономики.

Более близки к вступлению в ЕС Румыния и Болгария. Оно намечено на 1 января 2007 года. Соглашение с Болгарией было подписано в июне 2004 года, и в

---

[1] P. Papadimitriou. EU Strategy in the Post-Communist Balkans. P. 87.
[2] Atlantis/Atlantic Council of Serbia and Montenegro. 2006, # 3. P.24.
[3] IWPR. Balkan Crisis Report, # 560, 17.06.2005.
[4] IWPR, Balkan Crisis Report, # 550, 06.04.2005.
[5] BYRN Balkan Investigative Reporting Network.16.12.2005. M.Sahin. The EU should seize the opportunity and accept Macedonia as a candidate for membership.
[6] IWPR, Balkan Crisis Report, # 581. 28.10.2005.

соответствии с ним она получила оценку "реально функционирующей рыночной экономики"[1]. В апреле 2005 года было заключено аналогичное соглашение с Румынией, хотя в отличие от Болгарии она подтвердила наличие меньшего числа "критериев соответствия". В частности, было указано, что одним из главных препятствий на пути в ЕС остаётся недостаточная открытость румынской экономики и неразвитость политических структур.

Состоявшийся в октябре 2003 года референдум об изменении ряда положений Конституции Румынии в соответствии с требованиями ЕС проходил с большим трудом, поскольку вводимые с целью соответствия стандартам ЕС меры пока лишь понизили жизненный уровень большинства населения, а внесённые в Конституцию поправки соответствуют интересам незначительных по численности слоёв[2]. Наиболее существенным препятствием на пути в ЕС как Румынии, так и Болгарии остаётся коррупция, которая, по определению Европейской комиссии, "представляет собой широкую и системную проблему, подрывающую правосудие, экономику и веру граждан в государство".

Как показывает опыт, для многих стран-претендентов политические условия интеграции в ЕС трудновыполнимы. Но не меньшей тяжестью для них могут стать долгосрочные экономические последствия поспешно проводимых реформ, а в дальнейшем и условия взаимодействия с развитыми европейскими странами, особенно в аграрной сфере, во что они, конечно, не хотели бы верить или пока попросту закрывают глаза на такую перспективу. И делают это напрасно.

"Режим свободной торговли может принести странам региона больше вреда, чем пользы, особенно в сельскохозяйственном секторе", – к такому неутешительному выводу пришла корреспондент лондонского Института репортажей о войне и мире, работающая в Приштине, Скопье, Тиране и Загребе[3]. По её оценке, свободный доступ продукции из балканских стран не играет сколько-нибудь значимой роли для Европы, поскольку её объём составляет всего 0,5% от импорта ЕС. В то же время Евросоюз ввёл квоты на экспорт сельскохозяйственной продукции: например, Македония может вывозить в страны ЕС только 1/5 производимых в стране вин. Однако взамен квот Евросоюз не предложил Западным Балканам доступа к европейским программам развития сельского хозяйства.

Свои негативные стороны для стран-кандидатов в Евросоюз имеют и попытки ускоренного обуздания коррупции и теневой экономики. В странах ЮВЕ и без того высок официально заявленный уровень безработицы, а поспешная ликвидация теневых структур может его значительно повысить[4]. По оценке российских авторов недавно опубликованной коллективной монографии, сложными, несовпадающими представляются интересы стран "новой" и "старой" Европы также и по ряду других проблем, в их числе регулирование миграции рабочей силы, присоединение к валютному союзу[5].

---

[1] FOCUS Europa. IDM, Wien, #6/2004, S.9.
[2] IWPR, Balcan Crisis Report # 464, 16.10.2003.
[3] IWPR, Balkan Crisis Report # 535, 07.01 2005.
[4] IWPR, Balkan Crisis Report # 573, 02.09.2005.
[5] Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М. 2002. С. 201.

* * *

Пока не найдены сколько-нибудь убедительные ответы на вопросы: будет ли в обозримом будущем продолжаться расширение Евросоюза за счёт стран Юго-Восточной Европы, на каких условиях и с какой скоростью. И будет ли по этому поводу достигнут консенсус нынешних 25 полноправных членов ЕС. В этой связи обсуждается вопрос о необходимости новой "стратегии расширения", при которой интеграция в ЕС Западных Балкан и Турции рассматривалась бы как единый процесс, который мог бы быть завершён в течение десяти лет. По мнению известного европейского политика, члена Международной комиссии по Балканам Карла Бильдта, это был бы хороший повод, чтобы в июне 2014 года отметить окончание трагического периода балканской истории, начало которого было положено убийством эрц-герцога Франца Фердинанда в Сараево, послужившим прологом к Первой мировой войне[1].

Однако на состоявшемся в марте 2006 года заседании Совета министров иностранных дел Евросоюза было принято решение заморозить дальнейшее расширение по крайней мере до тех пор, пока не будет принята единая Конституция или иной договорный документ, определяющий понятие внешних границ ЕС. Совет министров подтвердил, что обязательства о приёме Румынии и Болгарии будут выполнены в 2007 или 2008 годах, вопрос о присоединении Турции пока не нашёл однозначного ответа, другим же странам может быть предложен иной формат взаимоотношений – "тесное партнёрство".

В целом можно утверждать, что, несмотря на все возможные негативные последствия, процессы сотрудничества стран Юго-Восточной Европы с европейскими и евро-атлантическими структурами будут развиваться. Стремление к "возврату в Европу" останется доминирующей чертой политики стран бывшего "социалистического содружества". И никакая "неволя" в виде проблем, неизбежно возникающих (или искусственно создаваемых) на этом пути, не остановит их, пусть и долгого, движения к интеграции. Однако ясно и другое. Приближение желанного момента во многом будет зависеть от того, насколько успешно они будут преодолевать экономические и социальные барьеры между Востоком и Западом Европы и одновременно налаживать – уже на новой основе – конструктивное сотрудничество между собой и своими традиционными партнёрами на постсоветском пространстве, прежде всего с Россией.

---

[1] Карл Бильдт. Между интеграцией и дезинтеграцией. – Вестник НАТО. Историческая перемена на Балканах. С. 13.

Ирина БУКИНА

ЕВРОПА: ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАЛОГОМ НА ПРИБЫЛЬ

Роль государственного влияния на современную экономику невозможно игнорировать. Уже с конца 1940-х годов наблюдается тенденция повышения доли государственных доходов в общем объёме совокупного продукта и национального дохода. Если накануне Первой мировой войны государства аккумулировали около 15% национального дохода, то в 1980-х годах – уже более 40%[1].

Соответственно увеличивается и налоговая нагрузка на экономику, поскольку основным источником государственных бюджетов всех стран на настоящий момент являются налоговые платежи населения и фирм. Так, статистика ОЭСР показывает, что доля налоговых доходов в ВВП этих стран неуклонно росла: в 1970 году она составляла 29%, в 1980-м – 33%, в 1990-м – 36%, а в 2000-м уже 38%. При этом в таких странах, как Швеция, Дания, Финляндия, Бельгия, Франция, Люксембург, этот показатель составляет более 45%[2].

Налог на прибыль, как один из наиболее значимых для предприятия платежей в бюджет, имеет если не определяющее, то, во всяком случае, существенное значение для обеспечения государства финансовыми ресурсами. По данным Международного валютного фонда (МВФ), доля налога на прибыль организаций в бюджетных доходах развитых стран в среднем составляет около 10%[3].

Кроме того, налог на прибыль используется в качестве инструмента регулирования и стимулирования деловой активности организаций. С помощью различных условий подоходного налогообложения, таких, как величина дохода,

[1] *Перов А.В., Толкушкин А.В.* Налоги и налогообложение: Учебное пособие. М.: Юрайт-Издат, 2003. С.23.

[2] *Deprez J.* International tax policy: recent changes and dynamics under globalization// Journal of Post Keynesian economics. – N. Y., 2003, Vol. 25, № 3. P. 377

[3] Рассчитано по данным Government finance statistics yearbook/IMF.– Wash.: IMF, 2001, vol. 25. P. 4.

© ***Букина Ирина Сергеевна*** – аспирант Института экономики РАН.

остающаяся в распоряжении компании, политика амортизационных отчислений, система различных льгот и санкций, государство может воздействовать на поведение экономических субъектов и на развитие экономики в целом. Именно поэтому налогообложению прибыли уделяется столь серьёзное внимание при проведении очередных налоговых реформ.

Налог на прибыль компаний, известный в зарубежном налоговом праве как корпорационный налог (corporation tax), существует в развитых странах на постоянной основе с начала Второй мировой войны. Как правило, под обложение им подпадают только доходы корпораций, а прибыль, получаемая некорпоративным бизнесом (частными предприятиями, не имеющими статуса корпорации: индивидуальными предпринимателями, партнёрствами, специалистами, ведущими частную практику, и т.п.) облагается в соответствии с законодательством о подоходном налоге физических лиц (individual/personal income tax).

Система налогообложения прибыли построена в целом по единой схеме:

a) прибыль организаций облагается как центральным правительством, так и местными органами власти;

b) объектом обложения выступает чистая прибыль, остающаяся после вычета из выручки всех экономически обоснованных расходов, разрешённых вычетов и налоговых льгот;

c) ставки налога, как правило, устанавливаются пропорционально или имеют незначительную прогрессию.

Конечно, в нынешнем виде эта схема появилась не сразу, а прошла определённый путь становления вместе с развитием экономики и налоговой политикой государства по отношению к хозяйствующим субъектам. Естественно, что в разных странах этот процесс шёл по-разному, поэтому, говоря формально, трудно (с одинаковых позиций) обобщать опыт налогового реформирования различных стран, даже рассматривая схожие по уровню экономического развития государства. Ведь сложившиеся у каждого из них налоговые системы имеют свои особенности и связаны с разнообразием решаемых государствами экономических проблем. Тем не менее это становится возможным, поскольку ясно прослеживается общая направленность реформ налоговых систем в индустриально развитых странах. Это, по нашему мнению, обуславливается, прежде всего, господством определённых теоретических концепций[1] в области государст-

[1] В классической теории политэкономии экономическая природа налога рассматривалась с присущей ему двойственностью. Так, знаменитый английский экономист А. Смит, считал, с одной стороны, что государственные расходы носят непроизводительный характер. С другой стороны, А. Смит признавал налог справедливой ценой за оплату услуг государства. Тем не менее он активно поддерживал постулат о "невидимой руке" рынка, то есть о полном невмешательстве государства в экономику, которое заключалось и в том, что налоговое бремя должно быть минимальным, чтобы не вызывать серьёзных искажений рыночного механизма.

Другой видный представитель классической школы, Д. Рикардо, непосредственно исследовавший экономическую природу налогов, на простых примерах показал, каким

венного регулирования экономики. В наши дни доминируют два основных теоретических направления: неоклассическое и кейнсианское.

Теория и практика

До Великой депрессии (1929–1933), охватившей мировую экономику и перевернувшей представления о роли государства в экономической политике, налоговым изъятиям отводилась исключительно фискальная роль. Неоклассическая теория, исходя из постулата о "невидимой руке" рынка, рассматривала налоги как препятствие к развитию фирмы, производства и экономики в целом, поэтому налоговое бремя было невелико (порядка 5–15%).

С ростом популярности кейнсианских идей[1] после Второй мировой войны подход к роли налоговой системы резко изменился. Необходимость государственного регулирования экономики с помощью бюджетно-налоговых инструментов стала основным аргументом при проведении экономических реформ в большинстве развитых стран в 1950–1960 годах.

Рост государственных расходов, превышающий по темпам увеличение налоговых поступлений, согласно кейнсианской концепции, должен был стимулировать совокупный спрос, тем самым способствуя росту производства и занятости.

Поскольку преимущественная роль в воздействии на экономику отводилась государственным расходам, кейнсианский период налоговой политики характе-

---

образом налоги влияют на цены, капитал и в конечном счёте ведут к ухудшению торгового баланса страны.

В дальнейшем в рамках маржиналистской теории (теории предельной полезности) не уделялось большого внимания налогообложению, а макроэкономическое воздействие налогов практически не исследовалось.

[1] Согласно кейнсианской теории, ставка процента является лишь одним из факторов, влияющих на принятие инвестиционных решений. Не менее важно учитывать также норму прибыли от вложений капитала (предельную эффективность капитала), которая в значительной степени зависит от уровня налогообложения.

Кейнс исходил из того, что рыночное равновесие неустойчиво, совокупный спрос нестабилен, следовательно, государство должно воздействовать на экономику путём проведения активной фискальной и кредитно-денежной политики. Причём основной упор должен делаться на манипулирование ставками налогов и уровнем государственных расходов. Кейнс предложил стимулировать совокупный спрос во время экономических кризисов снижением налогов и увеличением государственных расходов, сознательно идя на дефицит бюджета. Механизм воздействия данной меры заключается в том, что государство, предъявляя спрос на дополнительные финансовые средства (помимо налоговых поступлений), аккумулирует часть валовых сбережений, превращая их в добавочный спрос на инвестиционные и потребительские товары.

Действительно, снижение налоговых ставок, особенно на доходы, побуждает людей увеличивать свои расходы, а следовательно, стимулирует общее производство в стране, способствует росту занятости и доходов.

Относительно налога на прибыль очевидно, что снижение ставки приводит к тому, что у предприятий при прочих равных условиях остаётся больше прибыли, которую они смогут направить на инвестиционные цели.

ризовался высокими ставками корпорационного налогообложения (верхняя, предельная ставка налога в развитых странах колебалась в пределах 50%) при большом разнообразии налоговых льгот, направленных на стимулирование тех или иных сфер национального хозяйства.

Традиционно кейнсианская концепция экономической политики не придавала большого значения инфляции, поскольку в 1950–1960-е годы её темпы были незначительными. Такой подход, при акценте на рост государственных расходов и несбалансированность государственного бюджета, по сути дела, сам способствовал развитию инфляции. Если в 1960-е годы бюджетные дефициты были редкостью, то после 1970-х они приняли уже устойчивый характер.

Мировые кризисы 1970–1980-х годов обнаружили неспособность кейнсианской политики справиться с растущей инфляцией и бюджетным дефицитом. А падение реальных доходов населения вследствие "нефтяных шоков" вкупе с инфляцией и дефицитным стимулированием экономики поставили правительства развитых стран перед проблемой очередного реформирования налоговых систем в рамках задачи оздоровления государственных финансов и повышения уровня жизни населения. В первую очередь это касалось налогов на доходы.

В связи с кризисом кейнсианства на вооружение были приняты ставшие популярными рекомендации монетаристов в области государственного регулирования экономики, которые сводятся к либерализации методов бюджетно-налогового воздействия и смещению приоритета в пользу стимулирования инвестиций. В связи с чем с середины 1980-х годов прослеживается общая тенденция реформирования налогообложения прибыли в виде снижения ставки налога при расширении налогооблагаемой базы.

В начале XXI века налоговая политика развитых стран в основном опирается на выводы современных течений неоклассической теории[1], которые выступают за либерализацию экономики, снижение налогового пресса и сокращение

[1] Основным направлением экономической политики, по мнению монетаристов (основы которой были заложены нобелевским лауреатом по экономике М. Фридменом), должна быть жёсткая денежно-кредитная политика, направленная на сдерживание инфляции. В области фискальной политики необходимо лишь предпринимать меры по устранению бюджетного дефицита.

По отношению к налогообложению прибыли монетаристы занимают следующую позицию. Считая, что налоги непосредственно влияют на экономическую активность субъектов, эффективнее снижать предельные ставки (marginal tax rates), а не средние. Аргументация состоит в том, что снижение налоговых ставок будет отчасти самопрофинансировано увеличением налоговых поступлений в результате стимулирования инвестиций и создания новых рабочих мест, что скажется на росте налогооблагаемых доходов. Например, если ставка налога 25%, а национальный доход составляет 1000 у.е., то снижение ставки до 20% при неизменном доходе снизит налоговые поступления с 250 до 200 у.е. Однако, с точки зрения монетаристов, более низкая ставка будет стимулировать рост деловой активности. Если в результате национальный доход вырастет до 1100 у.е., то налоговые отчисления составят 220 у.е. вместо ожидаемых 200. Таким образом, потери бюджета от проведенного мероприятия на 20 у.е. будут профинансированы за счёт самого снижения налоговой ставки.

государственных расходов при одновременном ужесточении налогового администрирования.

До начала волны реформ конца прошлого – начала нынешнего века объём поступлений от налога на прибыль в развитых странах находился приблизительно на одном уровне. Наиболее заметные изменения произошли только в Великобритании, где доходы от налога на прибыль увеличились с 1975 по 1997 год почти в два раза. В среднем по странам ЕС поступления от налога на прибыль до 2000 года также повышались (см. таблицу 1).

Таблица 1

Место налога на прибыль в экономике развитых стран[1]

(а) отношение поступлений от налога на прибыль к ВВП, %

	США[2]	Германия	Франция	Великобритания	Дания	Нидерланды	ЕС
1975	3,1	1,6	1,9	2,2	1,3	3,3	1,9
1985	2,3	2,3	2	4,6	2,4	3,1	2,7
1997	2,9	1,5	2,6	4,3	2,6	4,4	3,0
2000[3]	2,6	1,8	3,2	3,7	2,4	4,2	3,4
2002[4]	1,8	1,0	2,9	2,9	2,9	3,5	3,3

(б) доля поступлений от налога на прибыль в налоговых доходах государственного бюджета, %

	США	Германия	Франция	Великобритания	Дания	Нидерланды	ЕС
1975	15,2	4,4	5,2	6,2	3,1	7,7	5,4
1985	11,7	6,1	4,5	12,3	4,9	7	6,8
1997	13,3	4	5,8	12,1	5,2	10,5	7,4
2000	11,6	4,8	7,0	9,8	4,9	10,1	8,9
2002	9,3	2,9	6,6	8,1	5,8	8,8	8,6

Однако к 2002 году, как показывают статистические данные, в большинстве стран доходы государственного бюджета от налога на прибыль заметно сократились. Такая ситуация вызвана прежде всего повсеместным проведением в 1980–1990-е годы налоговых реформ, в ходе которых были заметно снижены налоговые ставки:

---

[1] Значения по ЕС рассчитаны как средневзвешенные по 15 странам ЕС для 1996 года, по 14 странам для 1975 и 1985 годов (исключая Португалию, по которой не было данных по статистике поступлений налога на прибыль). Источник: Revenue Statistics 1965–1997, OECD (1999).

[2] Данные по США рассчитаны на основе Economic Report of the President, 2005. – http//www.gpoaccess.gov/eop.

[3] Источник: OECD in figures: statistics of member countries, 2000–2005. – http//www.oecd.org.

[4] Там же.

– в Великобритании (1983–1986) – с 52% до 35%, а затем до 30%;

– во Франции: ставка была снижена с 50% до 33,3% в период с 1985 до 1993 года, хотя эффект от данного снижения был впоследствии практически элиминирован введением дополнительных сборов в 1995 и 1997 годах;

– в Германии: снижение ставки федерального налога на нераспределённую прибыль с 56% до 50% в 1990 году и с 50% до 45% в 1994 году (также была снижена федеральная ставка налога на распределяемую прибыль с 36% до 30%). С 2001 года введена единая ставка налога на прибыль в 25%;

– в США (1986) – с 46% до 34%.

Не успели страны ОЭСР прийти в себя от реформ конца прошлого века, как с 2000 года прослеживается новая волна изменений в налоговой сфере. Только за период с 2000 по 2003 год в среднем по этим странам налог на прибыль снизился с 33,6% до 30,8%[1] соответственно. Наиболее существенные сокращения ставок в данный период произошли в Германии (с 40 до 25% для нераспределённой прибыли), Люксембурге (с 30 до 22%), Ирландии (с 24 до 12,5%), Бельгии (с 39 до 33%), Исландии (с 24 до 18%).

Важным направлением неолиберального реформирования в области корпоративного налогообложения с 1980-х годов стали изменения в законодательстве, касающиеся обложения дивидендов. Дело в том, что с процессом перехода к преимущественно корпоративной организации бизнеса, при которой собственники предприятия всё чаще перестают принимать участие в непосредственном управлении компанией[2], возникает проблема двойного налогообложения прибыли: на уровне компании (в виде прибыли от основной деятельности и других операций) и на уровне индивидов (в виде получаемых дивидендов).

В связи с этим уже с середины прошлого века в теоретических и практических работах по налогообложению обсуждается вопрос об интеграции корпоративного и личного подоходного налога[3]. Такой подход связан с тем, что налогообложение доходов в конечном счёте сводится к изъятию части дохода индивида или семьи (в зависимости от действующего в данной стране законодательства). Теоретические выкладки специалистов берутся на вооружение законодателями, в результате чего в практике налоговых систем развитых стран можно выделить следующие схемы налогообложения дивидендов.

---

[1] Источник: Recent tax policy trends and reforms in OECD countries// OECD tax policy studies, 2004, №9. - http//www.oecd.org.

[2] Очевидно, что в крупных акционерных обществах, акциями (а следовательно, и правами на имущество) которых владеют сотни и даже многие тысячи человек, оперативное управление осуществляется наёмными менеджерами, а собственники (в зависимости от своей доли участия) принимают решения лишь по отдельным стратегическим вопросам.

[3] См., например: *Bond S., Channells L.* Corporate income taxes and investment: a comparative study./ The Institute for fiscal studies. - London, 2000; *Messere K.C.* Tax policy in OECD countries: choices and conflicts. – IBFD Publications BV, Amsterdam, 1993.

При "классической системе" возникает проблема двойного налогообложения дивидендов: в первый раз они облагаются на уровне корпорации по ставке налога на прибыль, а затем подлежат налогообложению в составе дохода, полученного индивидом. Как отмечают критики данной системы, при этом нарушается принцип полного подоходного налога (comprehensive income tax principle).

Например, по "классической" схеме, применяемой в Австрии, Нидерландах, США, прибыль, полученная компанией, облагается по ставке корпоративного налога. Распределяемая в виде дивидендов прибыль снова облагается подоходным налогом уже на уровне акционеров. При этом не предполагается никаких налоговых вычетов в части уплаченного корпорацией налога. Поскольку в таком случае ставка налога, уплачиваемого акционерами, выше эффективной ставки налогообложения[1] доходов с капитала, то фирмам выгоднее финансировать инвестиции за счёт прибыли, а не привлечения капитала путём выпуска дополнительного пакета акций. Таким образом, корпорации предпочитают минимизировать выплаты дивидендов и развиваться за счёт нераспределённой прибыли.

В Дании применяется модифицированная классическая система (shareholder relief system), которая заключается в том, что ставка налога на дивиденды ниже, чем ставка подоходного налога на другие виды доходов.

В Германии, Франции применяется так называемая система приписок (imputation system), при которой налог на прибыль, уплаченный предприятием, вменяется акционерам. То есть налог, уплаченный корпорацией с прибыли, подлежащей распределению, рассматривается как авансовый платеж общей суммы обязательств по уплате налога на распределённую прибыль. Предположим, что ставка налога на распределяемую прибыль составляет 30%, "вменённая" ставка также равна 30%, акционер получает дивиденды в размере 70 у. е. В рамках системы приписок считается, что доход данного лица составил 100 у. е. в виде части прибыли, подлежащей распределению, за вычетом 30 у. е., составляющих уплаченный организацией налог. Если предельная ставка подоходного налога составляет, например, 40%, то налоговые обязательства акционера составляют 40 у.е., следовательно, ему необходимо заплатить еще 10 у. е. (40 минус 30). В случае если акционер имеет льготы по подоходному налогу или предельная ставка налога ниже, чем ставка налога на прибыль (в нашем примере меньше 30%), то предусмотрена скидка (возврат) с налога, уплаченного компанией на основную распределённую прибыль.

При равенстве ставок налога на прибыль корпораций и "приписки" (как в нашем случае) система налогообложения дивидендов называется системой полной интеграции (full imputation system), которая до недавнего времени применялась в Германии и Франции.

---

[1] Эффективная ставка налогообложения (в данном случае) – ставка, по которой фактически уплачивается налог, с учётом всех скидок, льгот и различий между прибылью по бухгалтерскому и налоговому учёту (то есть отношение начисленного налога на прибыль к полученной прибыли).

Наиболее же распространена система частичной приписки (partial imputation system), при которой списывается в качестве предоплаты лишь определённая, в рамках ставки "вменения" (нормы интеграции), сумма уплаченного корпорацией налога на распределённую прибыль.

Например, в Великобритании подобная система применялась с 1973 по 1999 год. При распределении полученной прибыли на дивиденды и нераспределённую прибыль выплачивался так называемый авансовый налог с корпораций (Advanced Corporation Tax). Затем этот налог засчитывался акционеру, получающему дивиденды, в форме налоговой льготы (с учётом ставки "вменения") при уплате подоходного налога в соответствии с предъявленной декларацией. По окончании финансового года уплаченный компанией авансовый налог вычитался из общей суммы её налоговых обязательств за счёт уплаты корпоративного налога. В настоящее время предусмотрены налоговый вычет в размере 1/9 от полученного индивидом дивиденда, частичные скидки в виде пониженной ставки налога на дивиденды и другие вычеты, позволяющие избежать двойного налогообложения.

До недавнего времени в некоторых странах (например, в Германии и Франции) использовалась двойная ставка налога на прибыль в зависимости от того, подлежит ли она распределению (split-rate system). Примечательно, что в Германии в отличие от остальных стран "большой семёрки", ставка налога на распределяемую прибыль была ниже, чем на нераспределённую, таким образом, организациям было выгодно распределять прибыль в пользу акционеров, а развитие только за счёт собственных средств увеличивало стоимость капитала (цену привлечения капитала).

В случае с внесением изменений в систему налогообложения дивидендов, хотя мы и рассматриваем её в составе реформирования налога на прибыль, сложно выделить некую общую тенденцию. В среднем по странам ЕС[1] ставка налога на дивиденды упала с 51,7% в 2000 году до 47,9% в 2003-м. Однако из этих показателей некорректно делать вывод о характерном для большинства развитых стран снижении бремени обложения дивидендов.

Так, в целях возмещения потерь бюджета от снижения ставки налога на прибыль некоторые законодатели пошли по пути частичного переложения налогового бремени на получателей дивидендов. Например, Германия, использовавшая до реформы корпорационного налога 2001 года систему полной интеграции (full imputation system), позволяющую избежать двойного налогообложения, перешла к системе частичной интеграции (partial imputation/half-income system), при которой из налогооблагаемого дохода акционера исключается лишь половина распределяемой в качестве дивидендов прибыли (с которой уже уплачен корпорационный налог).

В Великобритании с 1997 года также перешли к менее льготному обложению дивидендов, снизив норму интеграции (imputation rate) с 20 до 10%. Таким

---

[1] Расчёт производился по 15 странам-членам ЕС, источник: Recent tax policy trends and reforms in OECD countries// OECD tax policy studies, 2004, №9. - //http.www.oecd.org.

образом, в настоящее время лишь 10% дивидендного дохода освобождается за счёт уплаченного корпорацией налога на прибыль.

Тенденция снижения налоговых ставок и расширения налогооблагаемой базы за счёт отмены льгот тем не менее сопровождается другим характерным для налоговой политики большинства развитых стран процессом – целевой направленностью стимулирующего воздействия. Для целей развития таких сфер, как научные исследования и опытно-конструкторские разработки, малый бизнес, привлечение иностранных инвестиций, создаются специальные налоговые режимы и предоставляются разнообразные льготы.

Налоговые средства развития НИОКР

Особое положение в системе налоговой политики занимает стимулирование инвестиций, осуществляемых компаниями, в целях их расширения, модернизации и технического перевооружения; внедрения инноваций, проведения научных исследований. Налоговые льготы как средство развития НИОКР начали активно применяться в развитых странах ещё с 1950–1960-х годов.

Наиболее распространёнными в практике развитых стран методами являются[1]:

– исключение из налогооблагаемых доходов предприятий затрат на НИОКР;

– списание затрат на НИОКР в качестве издержек производства;

– налоговый кредит на прирост НИОКР;

– освобождение от налогообложения средств, направляемых на образование фондов специального назначения или консорциумов;

– система ускоренной амортизации;

– инвестиционный налоговый кредит (уменьшение начисленной суммы подлежащего уплате налога на определённый процент от размера инвестиций в НИОКР);

– передача налоговых льгот поставщикам сырья и материалов, оборудования и т. п.

В настоящее время, несмотря на тенденцию к сужению, полной или частичной отмене разнообразных налоговых льгот, вложения в НИОКР в большинстве этих стран остаются сферой льготного налогообложения.

Стремление государства воздействовать на развитие науки подобными косвенными методами обусловлено, с одной стороны, основополагающей целью прогрессивного развития общества, а с другой стороны, снижением прямого государственного финансирования. Так, в 1960-е годы прямые государственные расходы на НИОКР существенно уменьшились и в реальном выражении, и в процентах от прочих расходов бюджета[2].

---

[1] *Вишневский В.П., Пономаренко Н.А., Степанчук С.С.* Налогообложение прибыли: теоретические основы и опыт применения. Киев, 1990. С. 26–30.

[2] *Мукайдех Е.А.* Особенности регулирования инвестиционных процессов (на примере Франции)// Автореф. дисс. на соискание уч. степени к.э.н./ Российский ун-т дружбы народов. М., 2000. С. 10.

В теории как неоклассической, так и неокейнсианской основными факторами долгосрочного роста считаются инвестиции в НИОКР и человеческий капитал. Эмпирические исследования[1] подтверждают это положение, показывая, что рост расходов на НИОКР оказывает непосредственное влияние на увеличение производительности факторов производства. В среднем повышение научно-исследовательских расходов на 1% вызывает рост ВВП на 0,05–0,15%.

Анализируя политику развитых стран в отношении налогового стимулирования расходов на НИОКР, можно выделить следующие тенденции: 1) предоставление отсрочек уплаты налога (tax deferrals); 2) льготные условия списания расходов (tax allowances); 3) предоставление налоговых кредитов (tax credits). Согласно исследованию ОЭСР, большинство стран отдают предпочтение третьему виду льгот.

Налоговые кредиты, стимулирующие инвестиции в НИОКР, в странах ОЭСР подразделяются в зависимости от базы, по которой они рассчитываются. На практике применяются три метода: определённый процент расходов на НИОКР в данном налоговом периоде; доля или сумма прироста инвестиций в НИОКР; смешанный подход (комбинация двух первых способов).

К странам, применяющим первый способ расчёта суммы налогового кредита, относятся, например, Канада, Италия, Нидерланды, Норвегия. Второй метод используется во Франции, США. Комбинацию из двух подходов применяют при расчёте налогового кредита такие страны, как Испания и Португалия.

Общепринято, что текущие расходы на НИОКР подлежат списанию на расходы данного периода или вычету из налогооблагаемой прибыли в том периоде, в котором они были осуществлены. Подход к списанию капитальных расходов различается по странам. В некоторых государствах (Дания, Ирландия, Испания, Великобритания) капитальные расходы могут списываться аналогично текущим расходам. Другой подход заключается в том, что эти затраты разрешено списывать постепенно – в виде амортизационных отчислений. При этом амортизационные скидки по научно-исследовательским капитальным расходам, как правило, больше, нежели обычные амортизационные отчисления, разрешённые в целях налогообложения. В некоторых странах (Дания, Ирландия, Великобритания) разрешено списание до 100% расходов по зданиям и сооружениям, используемым для научно-исследовательских целей.

Характерной чертой современных реформ является то, что льготы по ускоренной амортизации оборудования, используемого в научных исследованиях и опытно-конструкторских разработках, как правило, не подлежат отмене или сокращению в рамках общей тенденции либерализации налогообложения в виде снижения ставок и расширения налогооблагаемой базы.

---

[1] См. исследования: Science, Technology and Industry — Outlook Drivers of Growth: Information Technology, Innovation and Entrepreneurship – OECD, 2001a; The New Economy: Beyond the Hype - The OECD Growth Project. – OECD, 2001b.

Особые льготы (помимо установленных для стимулирования инвестиций в НИОКР) во всех странах ОЭСР предоставляются малому бизнесу. Обычно это выражается в более высоких ставках инвестиционных налоговых кредитов, специальных нормах ускоренной амортизации, повышенных по сравнению с допустимыми ставками для корпораций. В странах, отличающихся наименее благоприятным режимом стимулирования расходов на НИОКР, таких как Италия и Великобритания, только малые компании имеют право на получение льгот в сфере проведения научных исследований.

Оптимальное решение?

За последние десять лет, по статистике ЕС, средняя по странам ставка[1] налога на прибыль снизилась с 35 до 26,3%, то есть можно утверждать, что при прочих равных условиях у организаций должно оставаться больше прибыли после налогообложения. При этом доля доходов бюджета от поступлений налога на прибыль (отнесённая к ВВП) в среднем возросла на 22,4% за период с 1995 по 2003 год[2]. Формально это свидетельствует о том, что неоклассические закономерности подтвердились: снижение ставок при расширении налогооблагаемой базы способствовало не только сохранению прежнего уровня налоговых поступлений, но и позволило несколько повысить доходы бюджета.

Современные экономисты, придерживающиеся неоклассических идей3, рассматривают проведённые реформы как оптимальное решение налоговой политики в целях привлечения зарубежных инвестиций. Согласно статистике ОЭСР, объём зарубежных инвестиций в эти страны с 1993 по 2002 год возрос почти на 200%.

Эмпирические исследования[4] показывают, что влияние реформ на стоимость капитала, которая является базовым параметром принятия инвестиционных решений, зависит как от изменения налогообложения, так и от первоначальных условий инвестирования. В странах с изначально низкой стоимостью капитала наблюдался небольшой рост затрат на него для потребителя (организации, в которую осуществляются инвестиции) из-за изменений в амортизационной политике системы налогообложения (Великобритания).

В странах с высокой стоимостью (Германия) благодаря снижению ставок налога на прибыль затраты на капитал уменьшились.

---

[1] В расчёте использовались верхние значения установленных ставок налога (top statutory tax rates) с учётом надбавок и средние значения региональных и местных ставок.

[2] Рассчитано на основе данных: Structures of the taxation systems in the European Union. 1995–2003. Eurostat: European Community, 2005.

[3] *Haufler, A.; Schjelderup, G.* Corporate tax systems and cross country profit shifting// Oxford econ. Papers, Oxford, 2000, Vol. 52, № 2. P. 306–325.

[4] См. *Bond S., Channells L.* Corporate income taxes and investment: a comparative study./ The Institute for fiscal studies. London, 2000.

Там, где источником капитала является нераспределённая прибыль, его стоимость стала заметно ниже при понижении ставок (в среднем примерно на 23% – с 19,44 до 16,6%). А стоимость капитала, финансируемого из заёмных средств, выросла за счёт устранения преимуществ, связанных с вычетом процентов, вследствие снижения ставок (то есть снижение ставок "перекрыло" выгоды от вычета процентов) почти на 48% (с 5,18 до 7,66%).

Кроме того, заметно уменьшились эффективные средние ставки налога (рассчитываемые как доля прибыли инвестиционного проекта, уплачиваемая в виде налога на прибыль) – на 15,5% (с 39,92 до 33,74%) для инвестиций в здания и на 13,8% (с 34,18 до 29,46%) для инвестиций в машины и оборудование.

Видный представитель неоклассического направления "экономики предложения" Б. Даламагас (Dalamagas) показал, что особое значение в процессе реформирования имеет соотношение между налогами на факторы производства и налогами на потребление. В тех странах, где велика доля налогов на факторы производства, изменения в структуре налогов могут заметно повлиять на ВВП и дефицит бюджета. Это связано с тем, что в этих странах ставки влияют на частную активность аккумулирования физического капитала и стимулы к труду больше, чем в тех странах, где основную роль играют налоги на потребление.

Иными словами, система налогообложения, построенная в основном на прямых налогах, наиболее близка к "классической" форме кривой Лаффера[1]. Таким образом, принимая решение о снижении эффективных налоговых ставок, превышающих предельный уровень нагрузки (после которой налоговые доходы бюджета начинают снижаться), можно оказать положительное воздействие на экономику. Согласно методике Даламагаса[2], подобная система налогообложения характерна, например, для Бельгии, Германии, Италии.

В странах, где велика доля косвенных налогов в доходах бюджета, манипулирование ставками, в частности налога на прибыль, не оказывает заметного макроэкономического влияния на национальную экономику, поскольку кривая Лаффера для таких стран справедлива лишь на участке, иллюстрирующем рост доходов с ростом налоговых ставок. Например, такая ситуация характерна для Франции, Великобритании, Ирландии.

Тем не менее все упомянутые государства, а также многие другие страны Европы предусматривают очередные изменения в налогообложении прибыли

---

[1] "Кривая Лаффера", названная так по имени основателя неоклассического направления – школы "экономики предложения" А. Лаффера, иллюстрирует математическую зависимость между налоговой ставкой и величиной налоговых поступлений. Она показывает, что до определённого уровня налоговой ставки поступления в бюджет растут, а затем начинают снижаться, так как налогоплательщики будут стараться уходить из-под тяжести налогообложения. Таким образом, если уровень налогообложения высок, то снижение налога вызовет рост доходов бюджета.

[2] *Dalamagas B.* The effects of tax rate changes on output and government deficits// Applied economics letters. London, 2003, Vol. 10, № 2. P.97–101.

организаций. Так, например, в Италии, Нидерландах, Швейцарии планируется дальнейшее снижение ставок и изменение других условий налогообложения прибыли в целях привлечения международного капитала.

* * *

В целом в европейских странах очевидна тенденция дальнейшего развития и совершенствования налогообложения прибыли. Одним из основных направлений становится унификация его общих условий: приведение ставок в пределы 20–30% странами с высокой налоговой нагрузкой, создание выгодных условий предприятиям малого бизнеса, налоговые льготы по затратам на НИОКР, изменение подхода к налогообложению дивидендов.

При этом дальнейшее реформирование рассматривается в зависимости от экономико-политических задач страны. В тех государствах, где налоговая политика призвана повлиять на привлечение иностранных инвестиций, поскольку расширение собственной базы налогообложения сильно ограничено (из-за небольших размеров страны и населения), как правило, продолжают осуществлять меры по созданию более льготных условий налогообложения. Такие условия создаются для международных холдинговых компаний, получаемых или выплачиваемых ими дивидендов (переход к системе частичного зачёта (вменения) или повышение нормы вменения, снижение ставок налогообложения, введение дополнительных вычетов и т. п). Это направление характерно для таких стран, как, например, Австрия и Швейцария.

Напротив, делая упор на либеральный подход к налогообложению с целью повышения инвестиционной привлекательности экономики в целом, реформаторы стараются сближать условия налогообложения прибыли и дивидендов: снижать ставку налога на прибыль, а налогообложение дивидендов ужесточать, сокращая льготы. Подобные тенденции наблюдаются в Германии, Великобритании и Франции.

В некоторых странах, поставивших перед налоговой реформой задачу стимулирования инвестиций за счёт собственного капитала, помимо снижения ставок налога вводятся специальные льготы. Например, в Бельгии с 2006 года планируется разрешить вычет из налогооблагаемой прибыли рыночной нормы отдачи на собственный капитал (allowance for corporate equity) по аналогии с вычетом процентов за пользование заёмными средствами. Таким образом, повышается нейтральность налогообложения в части выбора источника финансирования инвестиций.

Что касается теоретических предпосылок налоговой политики при решении текущих государственных задач, то они постоянно совершенствуются. Как только положения, проверенные практикой внедрения, перестают удовлетворять экономической ситуации, возникает потребность в новых реформах. Основные изменения налога на прибыль с середины прошлого века вызваны сменой кейнсианского подхода теоретическими концепциями представителей не-

оклассической школы, к которой, в частности, относится школа “экономики предложения” и монетаризм. До тех пор, пока с их помощью достигается нужная отдача, практика налогообложения будет основываться на них.

Антон СЫРОМЯТИН

ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА ФРАНЦИИ: СДЕРЖИВАНИЕ СЛАБЫМ СИЛЬНОГО

Становление Франции как ядерной державы обычно связывают с президентством генерала де Голля (1958–1969). Действительно, ни один из политических лидеров времён Четвёртой и Пятой республик не был столь ярым и последовательным сторонником обретения Францией собственного ядерного щита. Именно при Шарле де Голле Франция провела первое испытание ядерного оружия. Однако его история берёт свое начало ещё в 90-х годах XIX века, когда французом Антуаном Анри Беккерелем (1852–1908) при опыте с солями урана был открыт феномен естественной радиоактивности, за что в 1903 году он был удостоен Нобелевской премии по физике. Открытие Беккереля вскоре было дополнено опытами Пьера Кюри (1859–1906) и Марии Складовской-Кюри (1867–1934), открывших неизвестные ранее радиоактивные элементы – полоний и радий, установивших радиоактивность тория и сделавших большой вклад в изучение явления радиоактивности[1].

В 1935 году Нобелевскую премию получили уже Ирэн Жолио-Кюри (1897–1956) и её муж Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958) за открытие искусственной радиоактивности. В конце 1930-х годов сначала итальянец Энрико Ферми, а затем и другие известные учёные, в том числе и И. Жолио-Кюри, а также немецкие учёные Отто Ган и Фритц Штрасман добились деления урана-235. Основываясь на полученных результатах, Ф. Жолио-Кюри одним из первых пришёл к

[1] Мария Кюри была дважды удостоена Нобелевской премии (в 1903 г. – по физике, вместе с мужем Пьером Кюри и Анри Беккерелем за исследования в области радиоактивности; в 1911 г. – по химии за открытие радия и полония).

© ***Сыромятин Антон Валерьевич*** – выпускник факультета мировой политики Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН).

выводу о возможности цепной реакции и приступил к проектированию ядерного реактора на тяжёлой воде.

В течение Второй мировой войны работы по ядерной проблематике во Франции практически не велись, так как её национальная территория была оккупирована немецкими войсками. С большим трудом Ф. Жолио-Кюри и его сотрудники сохранили запасы тяжёлой воды и техническую документацию, вывезя их в Великобританию. По окончании войны, встав во главе созданного в 1945 году по решению возглавлявшего временное правительство де Голля Комиссариата по атомной энергии Франции (Comissariat à l'énergie atomique), Ф. Жолио-Кюри вновь занялся работами по созданию ядерного реактора. И уже в 1948 году реактор был запущен. При непосредственном участии Ф. Жолио-Кюри в это же время был запущен и циклотрон. Основной задачей комиссариата являлись научные исследования с целью использования ядерной энергии в науке, промышленности и для нужд обеспечения национальной обороны. Несмотря на жёсткую позицию самого Ф. Жолио-Кюри, который был категорически против создания ядерного оружия, с 1952 года, с принятием закона, разрешавшего наработку оружейного плутония на реакторе-размножителе "Феникс" (Phoenix), расположенном в местечке Маркуль, Франция взяла курс на создание ядерных ударных сил[1].

Подоплёку этого решения можно найти и в многовековой истории Франции как великой державы, в том числе колониальной, и в той экономически трудной и политически нестабильной ситуации, в которой оказалась Франция по окончании Второй мировой войны, и, конечно же, в балансе сил на международной арене, сложившемся в ту историческую эпоху. В частности, де Голль отмечал в своих мемуарах, что Франция может и должна проводить собственную политику как в Европе, так и во всём мире. Оказавшись по одну сторону "железного занавеса" с США, Франция не хотела слепо следовать за ними в экономических и политических вопросах, равно как и в военных. Наибольшее своё отражение эти устремления нашли во внешней политике де Голля, видевшего своей главной целью обеспечение национальной независимости Франции. А независимость, по мнению де Голля, требовала наличия современных средств сдерживания, то есть как тактического. так и стратегического ядерного оружия. "Невозможно представить себе независимой страну, не обладающую ядерным оружием, – заявил в одной из своих речей генерал де Голль, – поскольку она вынуждена полагаться на другие государства в вопросах обеспечения собственной безопасности, а значит, зависит от них политически"[2].

Изначально жёсткая позиция Франции в отношении рассматривавшейся как форпост США в Европе Великобритании по вопросу создания общеевропейских экономических и политических институтов и выход Франции в 1966 году из военной организации НАТО показали, что Франция, несопоставимая по своей экономической, демографической, политической и военной мощи с СССР и

[1] См.: Nuklear. Encyclopedie de la dissuasion, CDrom sous la supervision éditoriale de Hubert Verdine, Microfolie's, Paris, 1996.

[2] см. URL: http://www.de-gaulle-edu.net/approfondir/textes/indep_nat.htm

США, тем не менее претендовала на особое место в биполярной системе международных отношений.

Против кого было направлено создававшееся ядерное оружие? Конечно, это была попытка создать дополнительные "отрицательные стимулы" для интервенции СССР в Западную Европу. Но гораздо больший эффект имело это событие для Франции в политическом плане, что особо подчёркивал де Голль, ибо оно означало прорыв до статуса если и не сверхдержавы, то уж, конечно, державы – актора международных отношений, с которым нельзя было не считаться. И тем более значимым было это событие, поскольку Франция стала четвёртой ядерной державой после США (1945 г.), СССР (1949 г.) и Великобритании (1953 г.). Стоит отметить, что если Великобритания получала техническую поддержку со стороны США, то Франция, напротив, разработала, испытала и приняла на вооружение ядерное оружие без существенной поддержки других государств. В условиях такого малого количества ядерных держав это было похоже на "взрыв" в международных отношениях.

Становление Франции как ядерной державы

Обсуждение вопросов, связанных с испытанием ядерного оружия, особенно активизировалось в середине 1950-х годов после поражения французских войск во Вьетнаме. Начиная с 1954 года в правительстве обсуждалась программа исследования проблем создания ядерного оружия, но крах правительства Мендес Франса и общая политическая нестабильность Четвёртой республики во второй половине 1950-х годов не позволили в полной мере развить эту программу. Тем не менее начиная с 1955 года в военный бюджет всё же стали закладываться расходы на создание ядерного оружия. В 1956 году была создана рабочая группа по подготовке специальных испытаний (Groupe d'études des expérimentations spéciales), а год спустя – межведомственная рабочая группа по проведению ядерных испытаний. В их задачи входила подготовка доклада правительству о способности и готовности Франции провести испытание ядерного оружия, а также разработка необходимых для его проведения мер. Как отмечает Пьер Мессмер, занимавший пост министра армий при де Голле и фактически руководивший всеми программами, так или иначе связанными с ядерным оружием, вышеперечисленные начинания не получили полноценного развития в 1950-е годы, поскольку сменявшие друг друга руководители Четвёртой республики опасались вызвать бурю критики и негодования как со стороны собственного населения, так и со стороны партнёров и союзников[1].

Лишь в 1958 году за несколько дней до падения Четвёртой республики председатель Совета министров Феликс Гайар принимает решение о проведении в 1960 году ядерного испытания, на основе которого начинается уже прак-

[1] см. Messmer P. La dissuasion nucléaire française : genèse et actualité. – URL: www.asmp.fr/fiches_academiciens/ textacad/messmer/nucleaire.pdf

тическая подготовка полигона для осуществления взрыва в оазисе Регган в пустыне Сахара. Придя к власти, де Голль, считавший, как уже отмечалось выше, ядерное оружие залогом безопасности и независимости Франции, не колеблясь поддерживает решение Гайара и продолжает финансирование подготовки к проведению испытания.

Первая французская атомная бомба была взорвана 13 февраля 1960 года. Через месяц после испытаний французское правительство объявило, что мощность заряда составляла от 60 до 70 Кт. Этот взрыв, получивший название "Синий тушканчик" (Gerboise bleue), был произведён в атмосфере. Впоследствии Франция проводила и подземные испытания атомного оружия; в частности, 13 подземных взрывов за период с 1961 по 1966 год было произведено на полигоне, расположенном в местечке Ин Экер в горном массиве Тан Афелла на юге Алжира. Но уже в 1962 году, после заключения Эвианских соглашений по Алжиру, стала очевидной необходимость создания нового полигона, на котором можно было бы проводить сверхмощные испытания находившегося в стадии разработки термоядерного оружия. Таким полигоном на десятилетия, вплоть до последнего взрыва 27 января 1996 года, стали для Франции живописнейшие атоллы Мурароа и Фангатауфа, расположенные в архипелаге Туамоту в южной части Тихого океана. По оценочным данным, за период с 1945 по 1995 год, то есть за 50 лет, прошедших после Второй мировой войны, Франция произвела 210 ядерных взрывов, что, безусловно, меньше, чем 715 ядерных испытаний, проведённых Советским Союзом, и 1051 – осуществлённых США. Однако это примерно в четыре раза больше, чем аналогичный показатель у Великобритании и Китая[1].

Элементы первой, военно-воздушной составляющей ядерных сил Франции, были приняты на вооружение в 1964 году. Позже, в 1971 году, были поставлены на боевое дежурство ракеты наземного базирования. А год спустя, в 1972-м вошёл в строй заложенный ещё в 1958 году первый атомный ракетоносец типа "Редутабль" (redoubtable (фр.) – устрашающий, грозный). Таким образом, уже к началу 1970-х годов прошлого века Франция располагала классической ядерной триадой. В 1972 же году был принят первый стратегический документ, определивший приоритеты и цели национальной оборонной политики Франции, а также средства и пути достижения этих целей, – "Белая книга по вопросам обороны" (Livre Blanc sur la Défence).

Без существенных трансформаций ядерные силы Франции просуществовали до конца 1980 – начала 1990-х годов, когда ядерная триада претерпела целый ряд изменений, которые представляют собой значительный односторонний вклад Франции в общемировые процессы разоружения и нераспространения. Этот период стал переломным в истории развития и формирования ядерных сил Франции. В 1991–1992 годах французы достигли исторического потолка в 538

[1] см. Les essais nucléaires français, sous la direction de Yves LE BAUT. – Bruylant, Bruxelles, 1996.

ядерных боезарядов, после чего началось неуклонное снижение количественных показателей их ядерного арсенала[1].

Ещё в 1989 году правительством Франции было принято решение о значительном сокращении стоящих на дежурстве мобильных стратегических ракет класса "земля–земля" типа "Адэс" (Hadès)[2], а позднее, в 1992 году, о полном демонтаже не только этих ракет, но и мобильных стратегических ракет предыдущего поколения типа "Плутон" (Pluton)[3]. Демонтаж ракет "Плутон" был закончен в 1993 году с большим опережением намеченного графика, тогда как демонтаж ракет типа "Адэс" был завершён к марту 1998 года. По завершении этих работ во Франции терминологически исчезло разделение понятий тактического и стратегического ядерного оружия. Кроме того, в 1991 году была прекращена программа разработки ракеты класса "земля–земля" нового поколения S45. А в 1996 году были сняты с боевого дежурства и демонтированы все 18 стратегических ракет наземного базирования типа S3D, развёрнутые на полигоне, находящемся на юго-востоке Франции в департаменте Воклюз на плато Альбион. Что особенно важно и в целом не присуще процессу ядерного разоружения, Франция – единственная среди ядерных держав – закрыла центр ядерных исследований, мощности по обогащению урана и ликвидировала мощности и испытательные лаборатории на атоллах Мурароа и Фангатауфа[4].

Тот факт, что все эти изменения произошли именно в 90-х годах XX века, не случаен. В 1991 году распался Советский Союз, на протяжении всей "холодной войны" воспринимавшийся как военная угроза национальной безопасности Франции. Политика сдерживания строилась по модели "сдерживания слабым сильного", согласно которой даже минимальная угроза нанесения удара с применением ядерного оружия удерживает от нападения потенциального противника, обладающего значительным превосходством в ядерной сфере. Распад СССР привёл к необходимости радикального пересмотра ядерной политики.

---

[1] см. Table of global nuclear stockpiles, 1945-2002, Natural Resources Defense Council Nuclear Data, URL: http://www.nrdc.org/nuclear/nudb/datab19.asp

[2] Программа "Адэс" была начата в 1977 году; ракеты этого типа, обладая дальностью полёта 350 км, могли нести одну боеголовку мощностью 15, 25 или 80 Кт; всего к началу 1990-х годов было развёрнуто 90 ракет "Адэс" на 45 пусковых установках, но по решению Франсуа Миттерана их количество должно было сократиться до 30 на 15 пусковых установках.

[3] Ракеты типа "Плутон" были развернуты в 1974 году как ракеты театра военных действий, то есть как тактическое оружие. При дальности полёта 120 км они способны нести по одной боеголовке мощностью 15 или 25 Кт.

[4] Мощности и испытательные лаборатории на полигонах в оазисе Регган и горном массиве Тан Афелла были ликвидированы ещё в 60-х годах, уже в 1967 году "полностью очищенные" территории этих полигонов были переданы Алжиру.
См. Толкачёв В. Военная политика Франции на рубеже веков//Зарубежное военное обозрение, № 9, 2003; Tertrais B. La dissuasion nucléaire française après la guerre froide: continuité, ruptures, interrogations, URL: http://www.u-paris2.fr/afri-ct/afri/2000/tertrais_b.htm; Table of French Nuclear Forces, 2002, Natural Resources Defence Council Nuclear Data, URL: http://www.nrdc.org/nuclear/nudb/datab16.asp

Направление этого пересмотра было обусловлено несколькими факторами. Одновременно с исчезновением опасности со стороны Советского Союза более очевидной стала угроза распространения ядерного оружия. С момента испытания своего собственного ядерного заряда в 1960 году до начала 1990-х годов Франция последовательно отказывалась от участия в переговорах о контроле над ядерными вооружениями, апеллируя к гигантской диспропорции в количественных и качественных характеристиках вооружений самой Франции и вооружений двух ядерных сверхдержав – СССР и США. Но с изменением стратегического контекста обновились и подходы к политике контроля над вооружениями. В 1991 году Ф. Миттеран заявил о присоединении Франции к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), членом которого Франция до этого времени не являлась, несмотря на то что участники договора признавали её в качестве ядерной державы.

Ввиду несопоставимо меньших, по сравнению со сверхдержавами, финансовых ресурсов Франции, она фактически не участвовала в гонке ядерных вооружений. А во второй половине 1990-х годов в связи с бурным развитием компьютерных технологий стало возможным полностью отказаться от реальной работы с ядерными материалами. Ещё в 1992 году Франция ввела мораторий на ядерные испытания. Однако неустойчивость системы международных отношений в этот период вывела в разряд угроз для национальной безопасности Франции нестабильные режимы в близлежащих странах, терроризм, непрекращающийся конфликт на Ближнем Востоке. Всё это подтолкнуло Францию пойти на проведение в нарушение моратория серии ядерных испытаний в 1995–1996 годах на атоллах Муруроа и Фангатауфа с целью, как её обозначил президент Франции Жак Ширак, обеспечить надёжность, эффективность и безопасность ядерного арсенала. Все вышеописанные мероприятия были направлены на то, чтобы определить новую роль ядерного оружия в соответствии с реалиями изменившегося мира.

Лишившись в результате описанных преобразований одной из составляющих ядерной триады, Франция превратила её в диаду, характеризующуюся мобильностью, универсальностью и, не в последнюю очередь, надёжностью. Эти факторы играют большую роль, особенно ввиду незначительного, по сравнению с Россией и США, количества ядерных боезарядов – 348. Интерес представляет и распределение ядерных боезарядов между компонентами диады следующим образом: 288 приходится на военно-морскую составляющую, 60 – на военно-воздушную[1].

Военно-морская составляющая ядерной диады Франции претерпевала и претерпевает до сих пор серьёзные технологические изменения. Безусловно, они затронули и военно-воздушную составляющую, но именно в военно-морской оказались наиболее масштабны. В строю, по состоянию на 1 апреля 2004 года, находились 2 атомных ракетоносца – "Л'Инфлексибль" и "Ле Темерер" (inflexible (фр.) – непреклонный; téméraire (фр.) – отважный), один стоял на плановом ре-

[1] По данным Centre de Documentation et de Recherche sur la Paix et les Conflits на 1 апреля 2004 г.

монте – "Триомфан" (triomphant (фр.) – победоносный), в ноябре 2004 года была принята на вооружение атомная подводная лодка (АПЛ) "Ле Вижилан" (vigilant (фр.) – недремлющий, всевидящий), а к 2010 году планируется введение в строй ещё одной АПЛ "Ле Террибль" (terrible (фр.) – ужасный). При этом АПЛ "Л'Инфлексибль", "Ле Темерер", "Триомфан" и "Ле Вижилан" вооружены 16 ракетами типа М-45, несущими по шесть боеголовок мощностью 150 Кт каждая, при дальности полёта 6 000 км. А "Ле Террибль", как предполагается, будет вооружена 16 ракетами нового поколения типа М-51, несущими по шесть боеголовок, не объявленной пока мощности, при дальности полёта от 8 до 10 тыс. км.

Военно-воздушная составляющая ядерной диады Франции представляет собой три эскадрона (60 самолётов) Мираж 2000N, на которые в сумме приходится 50 ракет с ядерными боеголовками, мощностью 300 Кт каждая, при дальности полёта 2 750 км.; и две флотилии (24 самолёта) Супер-Этендар, на которые в сумме приходится 10 ракет с ядерными боеголовками, мощностью 300 Кт каждая, при дальности полёта 650 км[1].

При таком ядерном арсенале во Франции, естественно, не утихают политические дискуссии вокруг целого ряда проблем, касающихся в том числе возможности применения ядерного оружия. Основой для подобных дискуссий является второй по счёту **официальный доктринальный документ**, посвящённый национальной обороне – **"Белая книга по вопросам обороны"** (Livre Blanc sur la Défence), увидевшая свет в 1994 году.

Определение угроз

На современном этапе впервые за свою многовековую историю Франция не имеет прямой военной угрозы своим границам. Но у этого есть и оборотная сторона – появление новых рисков и угроз при сохранении некоторых ныне существующих, в том числе экономического и социо-культурного характера.

В целом, с точки зрения правительства Франции, мир сегодня характеризуется обстановкой нестабильности, ставшей следствием, во-первых, ощущения некоей дезориентированности после распада СССР, а во-вторых, растущей дифференциации общества всех континентов на бедных и богатых. К тому же существует проблема увеличения населения земли: по прогнозам, к 2015 году оно должно достигнуть уровня 7,7 млрд человек. При этом лишь 13% будут жить в развитых странах. Демографические проблемы в развивающихся странах повлекут за собой экономические – резкое уменьшение доходов, увеличение безработицы и прочие. Помимо этого существует множество очагов региональной нестабильности, включая Восточную Европу, в том числе Россию и Кавказ.

---

[1] См. Etat des forces nucléaires françaises au 1er avril 2004, Observatoire des armes nucléaires françaises, Centre de Documentation et de Recherche sur la Paix et les Conflits, URL: http://www.obsarm.org/obsnuc/puissances-mondiales/france-forces.html

Не меньшей угрозой является и распространение оружия массового уничтожения в таких его формах, как, с одной стороны, распространение какой-либо страной или отдельным предприятием технологий, оборудования, сырья и знаний, необходимых для производства ядерного, биологического, бактериологического, химического оружия и баллистических ракет как наиболее деструктивного по всему спектру поражающих эффектов из средств доставки, а с другой стороны, чаще всего тайные попытки какого-либо государства приобрести всё вышеперечисленное.

В документе широко используется понятие "невоенной угрозы", под которой подразумеваются такие угрозы жизненно важным интересам страны, как преступная деятельность и терроризм. Франция, как демократическое государство, несомненно, подвержена такого рода рискам в гораздо большей степени, чем страны с авторитарными и тоталитарными режимами. В качестве угрозы воспринимается и тесно связанный с терроризмом, зачастую являющийся его питательной средой, религиозный и националистический экстремизм. К невоенным угрозам относится также и распространение наркотиков, подрывающее здоровье нации.

Все эти угрозы воспринимаются через призму глобализации мировых финансовых, информационных потоков, которая имеет как отрицательные стороны – быстрое развитие событий в масштабах всего мира, так и положительные – расширенные возможности урегулирования конфликтов, апелляции к мировому сообществу.

Определение интересов

Интересы государства делятся, согласно доктрине, на жизненно важные, стратегические и присущие положению, которое страна занимает в мировом сообществе.

Главным и несомненным жизненно важным интересом Франции является обеспечение её выживания любыми средствами, защита нации от каких бы то ни было угроз. Не менее значимым интересом является территориальная целостность и соблюдение суверенитета страны, включая не только материковую Францию, но и её заморские департаменты.

К стратегическим же интересам Франции относятся поддержание мира и стабильности на территории Европы и регионов, которые непосредственно прилегают к ней с востока и юга, – в странах средиземноморского бассейна, особенно на Ближнем Востоке; обеспечение в этом регионе устойчивого экономического роста, высокой экономической активности; снижение национальной энергетической зависимости Франции от нефте- и газо-экспортирующих стран Востока.

Последняя из перечисленных групп интересов включает обязанности Франции как постоянного члена Совета Безопасности ООН по поддержанию мира во всём мире, соблюдению норм международного права и распространению демократических ценностей.

Границы этих групп интересов на первый взгляд прозрачны и мягки. Это не случайно. Правительство Франции стремится за счёт такого подхода лишить потенциальных противников возможности рассчитать "необходимый" неприемлемый ущерб.

В целом, жизненно важные интересы Франции во многом схожи с интересами других европейских стран, поэтому важным элементом оборонной политики Франции является попытка создания общеевропейской системы обороны, включающей ядерные силы не только Франции, но и Великобритании как неотъемлемые составные части.

Модель сдерживания слабым сильного

Ядром оборонной, в том числе ядерной, доктрины Франции является понятие "сдерживания". Сдерживание, в самом общем смысле определяется как предотвращение агрессии путём угрозы применения силы. Французская доктрина сдерживания основывается на осознании потенциальным противником неприемлемости возможного ущерба, который будет нанесён ему с использованием ядерного оружия в случае агрессии, направленной против Франции. В первом доктринальном документе по вопросам обороны от 1972 года обычные и ядерные вооружения были вплетены в общий сценарий применения силы в рамках сдерживания. В 1994 году было признано, что неядерное сдерживание не может заменить ядерного. Сегодня именно ядерное оружие призвано гарантировать жизнеспособность самой доктрины сдерживания, обычным же вооружениям отводится практическая роль, что, конечно, ставит их в центр оборонной доктрины. Однако это происходит из понимания невозможности и гибельности применения ядерного оружия. В качестве же политического инструмента сдерживания ядерное оружие превосходит обычные вооружения на несколько порядков. Грань между применением и угрозой применения ядерного оружия очень тонка, и именно на этой грани строится доктрина сдерживания. В конечном счёте цель сдерживания состоит в предотвращении войны любыми способами, а никак не в её развязывании.

Первоначально ядерное сдерживание было направлено непосредственно против СССР и стран–участниц Варшавского договора, то есть внутрь евразийского континента. После окончания "холодной войны" военная угроза с востока сошла на нет, превратившись в "риски нестабильности". Вместе с тем на рубеже веков особенно актуальными стали проблемы распространения ядерного оружия и терроризма. Поскольку вектор развития этого процесса лежит вне европейской части евразийского континента, то и вектор применения ядерного сдерживания выходит за границы Европы.

Франция подписала и ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия, протоколы к договорам Тлателолко, Раротонга и Пелиндаба[1], и соответственно приняла на себя обязательства по разоружению и нераспространению. И

[1] Договоры Тлателолко (1967 г.), Раротонга (1985 г.) и Пелиндаба (1996 г.) представляют собой соглашения о создании на территории Латинской Америки и Карибского бассейна (включая Кубу), южной части Тихого океана и Африки соответственно зон, свободных от ядерного оружия.

действительно, на протяжении 90-х годов прошлого века ядерные силы Франции сокращались. Однако, это вполне укладывается в доктрину ядерного сдерживания, ведь ещё одним важным принципом этой доктрины является принцип достаточности. Это означает, что у Франции должно быть достаточно сил, чтобы в ответ на агрессию любого противника нанести ему неприемлемый ущерб.

Разоружаться же Франция согласна только при трёх следующих условиях, сформулированных Франсуа Миттераном: нивелирование количественных и качественных различий арсеналов ядерных держав, выравнивание диспропорций в обычных и химических вооружениях и полное прекращение гонки вооружений в сферах противоракетной, противолодочной и других видов обороны[1].

Французская доктрина сдерживания предполагает шесть основных видов конфликтов и соответственное количество вариантов развития событий, три из которых предусматривают использование ядерного оружия:

1. Региональный конфликт, не подвергающий опасности жизненно важные интересы Франции. Регион определяется как Европа, страны Средиземноморья и Ближний Восток, хотя оговаривается, что никакие другие регионы в принципе не исключаются. В таком случае будут применяться обычные силы, соразмерные силам противника.

2. Региональный конфликт, который может поставить под угрозу жизненно важные интересы Франции. Под таким конфликтом подразумевается конфликт в пределах последующих 20 лет с участием ядерной державы, эскалация которого может поставить жизненно важные интересы Франции под угрозу. В задачу мирового сообщества входит не допустить подобного развития событий. В этом случае ядерное оружие играет большую роль, но лишь как невоенный инструмент, как средство чисто политического сдерживания возможных атак с применением ядерного оружия, ядерного шантажа, воздушных нападений.

3. Конфликт, который ставит под угрозу целостность государства, за счёт заморских департаментов Франции, находящихся, как и вся остальная национальная территория, под "зонтом" ядерного сдерживания. Для восстановления государственного суверенитета будут использованы все доступные средства.

4. Интервенция со стороны Франции, в одиночку или совместно с другими странами, на территорию других независимых государств с целью остановить медленно протекающий конфликт.

5. Операция во имя мира и международного права. Подобная активность Франции направляется по каналам официальных международных организаций.

6. Противостояние массированной угрозе на территории Европы в лице технически высокоразвитого противника, способного нанести удар как ядерными, так и высокотехнологичными обычными вооружениями. Конечно, такой сценарий развития событий очень маловероятен. Но, по мнению французских экспертов, авторов доктрины, полностью исключить его нельзя.

---

[1] См. Tertrais B. La dissuasion nucléaire française après la guerre froide: continuité, ruptures, interrogations, URL: http://www.u-paris2.fr/afri-ct/afri/2000/tertrais_b.htm

В Белой книге признаётся, однако, что в чистом виде подобные операции редко встречаются в реальной политике, а чаще всего работает некий смешанный план или же несколько планов параллельно.

Итак, ядерная доктрина Франции заключалась и заключается в сдерживании слабым сильного. Но такой подход к национальной обороне был функционален во времена "холодной войны". С появлением же новых рисков и угроз в сфере международной безопасности необходимы изменения. Если во времена биполярного мира проблем с определением противника, на которого следовало направить всю мощь ядерного сдерживания, не возникало, то как выделить его в условиях, когда противником может быть не государство, а террористическая сеть, разбросанная по всему миру?!

Сегодня во Франции ни одна из политических партий, за исключением выступающих против использования ядерной энергии в любом виде "зелёных", не подвергает сомнению необходимость обладания ядерным оружием, так как только оно может гарантировать её безопасность и независимость в условиях существования государств, не охваченных режимом нераспространения. Такие государства воспринимаются как потенциальная угроза, в том числе ядерная.

В 90-е годы XX века во Франции было три большие дискуссии, затрагивавших вопросы ядерного оружия. В 1993–1995 годах активно обсуждался вопрос технического совершенствования ядерного оружия, а также необходимость возобновления испытаний. В 1995–1996 годах с появлением понятия "согласованное" сдерживание, с развитием понимания необходимости подтвердить экономическое и политическое единство Европейского Союза путём формирования общей оборонной политики, эти диспуты приобрели международный характер. Это означает необходимость не только совместного планирования, но самое главное – наличия общих жизненно важных интересов. Одним из приоритетов ядерной доктрины Франции является построение общеевропейской системы безопасности на базе французского и британского ядерных арсеналов. В 1997 году дискуссии в основном разворачивались вокруг одобрения или неодобрения соглашения между Францией и Германией по фундаментальным вопросам безопасности в Европе. При этом особенно активно против подобных инициатив, выдвигаемых правительством, выступал оппозиционный Национальный фронт (Front National) Жана-Мари ле Пена. В частности, в программе Национального фронта отмечается, что политика последних лет приносит в жертву национальную безопасность страны, обеспечение которой является одной из важнейших функций государства.

Тем не менее во Франции в целом сложился "национальный консенсус" по следующим пунктам:

1) Ядерное оружие необходимо и незаменимо.

2) Ядерное оружие нужно развивать или хотя бы поддерживать на существующем уровне.

3) Ядерное оружие должно стать частью общеевропейской системы безопасности[1].

Французская доктрина ядерного сдерживания после окончания "холодной войны" не направлена против какого-либо конкретного государства, о чём неоднократно заявлял Жак Ширак, акцентируя внимание на том, что Франция не воспринимает ядерное оружие как оружие ведения войны. Так, во время визита на базу атомных ракетоносцев в Иль Лонг 19 января 2006 года он подтвердил, что "ядерное сдерживание представляет собой основу независимости и безопасности Франции". Ширак особо отметил, что ради обеспечения жизненно важных интересов страны руководящая элита должна, во-первых, стремиться предотвратить возможные риски, связанные в основном с террористической деятельностью как отдельных лиц, так и целых государств, и, во-вторых, быть готовой применить силу в случае необходимости. По его мнению, основой политики, учитывающей эти факторы, и является ядерный арсенал Французской Республики. При этом базовые элементы политики ядерного сдерживания, по словам г-на Ширака, не изменились – руководство Франции по-прежнему рассматривает ядерное оружие в качестве инструмента влияния[2].

В научных кругах появилась концепция сдерживания "слабым сумасшедшего", согласно которой поведение агрессора ("сумасшедшего") непредсказуемо до такой степени, что нельзя заранее определить, какой тип оружия будет необходим, в отличие от сдерживания слабым сильного, при котором действия потенциального агрессора более или менее предсказуемы[3].

На рубеже веков появление не только отдельных групп, но и целых государств, прибегающих к террористическим методам борьбы и располагающих даже небольшим количеством ОМУ, представляет важнейшую угрозу международной безопасности и стабильности мировой системы в целом. В этих условиях Франция стремится сохранить и модернизировать свой ядерный потенциал, адаптируя его к реалиям неспокойного мира в XXI веке.

---

[1] Ibid.

[2] См. Allocution de M. Jacques Chirac, Président de la République, lors de sa visite aux forces aériennes, océaniques et stratégiques, URL: http://www.defense.gouv.fr/sites/defense/enjeux_defense/politique_de_defense/hautes_autorites/discours_de_m._chirac_a_landivisau_le_190106?_&ispopup=1

[3] См.: Dumoulin A. L'inexorable révision de la doctrine nucléaire française, Groupe de recherche et d'information sur la paix et la sécurité, URL: http://www.grip.org/bdg/g1621.html

Ирина СИНИЦИНА,
Наталия ЧУДАКОВА

ЕС И ЭКОНОМИКА ПОЛЬШИ: ОТ АДАПТАЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ

В 1989-2005 годах в польской экономике произошли фундаментальные изменения. Системная трансформация означала радикальные сдвиги в политическом и социально-экономическом устройстве страны. После распада мировой социалистической системы страна начала искать партнёров, сотрудничество с которыми могло бы способствовать быстрому преодолению глубокого экономического кризиса, развивавшегося в стране в течение всего периода 1980-х годов. Подключение к западным структурам и экономическим организациям было признано наиболее эффективным способом преодоления цивилизационного и технико-технологического отставания, а также одной из самых существенных предпосылок устойчивого экономического роста. В основе стремления Республики Польши (РП) интегрироваться в Евросоюз лежали не только экономические, но и политические мотивы, в частности поиск гарантов политической независимости в условиях непредсказуемости развития событий в странах бывшего СССР.

Создание основ рыночной экономики в Польше, как и в других странах ЦВЕ, происходило под непосредственным воздействием процессов подготовки к вступлению в ЕС. Ориентация на вступление в ЕС позволила чётко сформулировать цели развития, определить его направления и временные рамки, то есть упорядочить процесс рыночной трансформации.

Включение Польши в процесс европейской интеграции воспринималось обществом как единственный шанс быстро преодолеть экономические и политические деформации, сложившиеся в социалистической экономике; эта идея стала движущей силой проводимых реформ. Консолидирующей общество "национальной идеей" стало повышение материального и цивилизационного уровня

© ***Синицина Ирина Сергеевна*** – к.э.н., ведущий научный сотрудник ИМЭПИ РАН (ИЭ РАН).
© ***Чудакова Наталия Алексеевна*** – старший научный сотрудник ИМЭПИ РАН (ИЭ РАН).

жизни граждан страны до общеевропейского. В июне 2003 года в Польше был проведён референдум по поводу вступления в ЕС, в котором приняло участие 58,85% всех граждан, имеющих право голоса. За вступление в ЕС высказалось 77,45% всех принявших участие в референдуме.

Основные итоги развития страны

Главный итог развития Польши за годы трансформации – создание рыночной экономики, в основе которой лежит изменение отношений собственности и формирование широкомасштабного частного сектора. На решение этих задач было ориентировано реформирование системы государственного управления и государственных финансов, возрождение местного самоуправления и создание рыночной инфраструктуры, а также института защиты прав собственности.

Одним из наиболее существенных элементов развития рыночных отношений в стране можно считать формирование "среды обитания" предприятий, способствующей развитию предпринимательства. Речь идёт о законодательно-нормативном обеспечении хозяйственной деятельности, стимулирующем развитие конкурентной среды, в том числе привлечение в страну иностранного финансового капитала, расширение импорта товаров и услуг, а также противодействие монополизму собственных производителей. Одновременно создавалась широкая система поддержки предпринимательства. Основным ориентиром в развитии этих процессов были системы, созданные и функционирующие в ЕС.

Важным элементом преобразований стала широкая поддержка народа, а также решимость политических властей не только начать реформы, но и довести их до конца. Свою роль сыграли и сохранившееся в обществе уважение к частной собственности, и живые носители традиций частного предпринимательства.

Кредит доверия населения оказался достаточным для проведения глубоких реформ, имеющих серьёзные социальные последствия, и в первую очередь либерализации цен и реформы ЖКХ. При этом предпринимались меры по смягчению для населения негативных последствий преобразований. Наиболее действенной формой защиты населения стало стимулирование развития частного предпринимательства, что создавало для значительной части граждан возможность выжить в условиях переходного периода. В результате уже в 1993 году удалось восстановить дореформенный уровень реальной заработной платы, а средней реальной пенсии и текущих пособий – в 1997–1998 годах.

Избрание курса на жёсткое и максимально быстрое решение задач финансовой стабилизации и либерализации экономики позволило Польше быстро преодолеть трансформационный спад. Так, уже на рубеже 1995–1996 годов Польша первой среди европейских стран с переходной экономикой восстановила предкризисный уровень производства, а к концу 2005 года (при всей условности таких сопоставлений) он был превышен на 67%. Совокупный объём капиталовложений в экономику возрос к началу 2006 года более чем вдвое, объём реализованной продукции промышленности – более чем в 2,2 раза, рост реальной заработной платы составил 138,4%, а реальной пенсии – более чем 135%. Средняя заработная плата по стране достигла 737 долларов, в том числе в бюджетной сфере 774 доллара, средняя пенсия по старости – 404 доллара, и пенсия крестьян

– 235 долларов (в расчёте по среднегодовому курсу 2005 года)[1].

О высокой динамике развития свидетельствует рост производства ВВП на душу населения (за 1995–2005 годы – почти на 52%). Соответствующие показатели, рассчитываемые Евростатом по паритету покупательной способности для всех стран ЕС, свидетельствуют, что разрыв в уровнях развития между старыми и новыми членами ЕС постепенно сокращается. Так, если в 1995 году этот показатель для Польши составлял 40% от среднего уровня по ЕС-25, то к 2005 году он возрос до 50%; при сопоставлении со средним уровнем по ЕС-15 соответствующие показатели составляют 36 и 44%[2].

Системные преобразования в Польше, как и в других странах ЦВЕ, принципиально изменили роль государства в хозяйственной жизни страны. Оно во всё меньшей степени выступает в роли субъекта хозяйственной деятельности, переориентировавшись на выполнение функций регулирования и установления "правил игры" для многочисленных хозяйствующих юридических и физических лиц. Тем не менее в Польше доля расходов консолидированного бюджета в ВВП составляет около 44%, что лишь на 3–4 процентных пункта ниже средних показателей по ЕС-15. Характерно, что в Польше за последнее десятилетие доля публичных финансов в ВВП несколько (примерно на 7 процентных пунктов) сократилась.

В ходе реформы публичных финансов после 1998 года роль центрального бюджета в решении народнохозяйственных задач снижается: если в первой половине 1990-х годов доля центрального бюджета во всех расходах системы составляла 40–44%, то в настоящее время она уменьшилась примерно до 25%. Это сокращение было связано с возрастанием роли страховых внебюджетных фондов и бюджетов местного самоуправления. Одним из основных инструментов перераспределения публичных средств стали государственные целевые фонды (в том числе фонды медицинского и социального страхования), на которые приходится 42% всех публичных расходов. Через органы местного самоуправления перераспределяется до 24% публичных средств с перспективой дальнейшего увеличения этой доли[3].

Либерализация хозяйственной деятельности и широкомасштабная приватизация позволили создать основы рыночной экономики, базирующейся на частной собственности: если в 1989 году в частном секторе производилось около 20% ВВП, то в 2004 году – уже 79,2%. В 2004 году в нём работало около 71% всех занятых в народном хозяйстве (в 1990 году – 49%). Частная форма собственности господствует в промышленности (80,9% реализованной продукции), в сельском хозяйстве, розничной торговле (98,4% товарооборота) и строительстве (96,8%). На частный сектор приходилось почти 58% основных народнохозяйственных фондов. В экспорте и импорте доля частных предприятий составила в 2004 году соответственно 88,1% и 91,7%[4].

---

[1] Рассчитано по данным Государственного статистического управления РП.

[2] Eurostat data: http://epp.eurostat.cec.eu.int/pls/portal/; EC Economic Data Pocket Book. Quarterly. European Communities, 2005, No. 3.

[3] Polarczyk K. Budżet państwa w finansach publicznych. Polska na tle innych krajów. Kancelaria Sejma RP; Bióro Studiów i Ekspertyz. Informacja nr 1172 (IP-108G), 2005.

[4] Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000. С. 86; Rocznik Statystyczny Polski 2005. Warszawa, 2005.

Основой развития частного сектора стали динамичный рост малых и средних предприятий (МСП), традиционно существовавшего в Польше городского частного сектора, а также приватизация государственных предприятий. За 1993–2005 годы количество частных хозяйствующих субъектов возросло с 1,9 млн до 3,5 млн, в их числе почти 2,8 млн физических лиц, ведущих регистрируемую хозяйственную деятельность. В этот период принципиально изменилась и структура предприятий по числу занятых. Среди хозяйствующих субъектов преобладают (95,1%) микропредприятия (до девяти человек). Малые предприятия с занятостью до 50 человек составляют 3,9%, средние с занятостью до 250 человек – 0,8% и крупные – лишь 0,2% всех хозяйствующих субъектов. МСП становятся основой экономики страны: на их долю приходится преобладающая часть ВВП, создаваемого в частном секторе[1].

Претерпела изменения и структура производства, в кратчайшие сроки приблизившись к пропорциям, сложившимся в развитых европейских странах: если в 1989 году доля промышленности в производстве ВВП составляла 44,1%, строительства – 8,3%, сферы услуг – 35,8%, сельского хозяйства – 11,8%[2], то в 2004 году основную роль в производстве ВВП взял на себя широко понимаемый сектор предоставления услуг населению и обслуживания общественных потребностей – 45%, доля промышленности сократилась до 22,5%, сельского, лесного и охотхозяйства – 4,5%, строительства – 4,9%, торговли и ремонтного обслуживания – 16,8%, сектора транспорта, связи и складского хозяйства – 6,3%[3].

Решение более сложной задачи – достижения уровня конкурентоспособности развитых европейских стран – остаётся пока для новых членов ЕС делом будущего, поскольку связано с преодолением значительного отставания в степени устойчивости экономического и институционального развития, в уровне его эффективности и инновационности и т.д. В Польше это, как и в других новых членах ЕС, связано с этапом конвергенции, то есть с углублением интеграционного взаимодействия с другими членами ЕС. О масштабах отставания Польши от среднеевропейского уровня можно судить даже по далеко не полному перечню стоящих перед страной проблем: высокая безработица и низкая производительность труда, незавершённость структурной перестройки экономики и приватизации, сохранение низкопроизводительного отсталого сельского хозяйства и высокой доли государственного сектора в слабо реформированных и неструктурированных так называемых базисных отраслях, значительные диспропорции в уровнях развития регионов, низкая конкурентоспособность польских предприятий, нестабильность их финансово-экономического положения, напряжённость системы публичных финансов, низкая степень инновационности экономики и т.д.

По оценкам Евростата, в Польше производительность труда, измеряемая производством ВВП (по ППС) на одного занятого, в 2005 году составляла лишь около 57% от средней по ЕС-15. Показатель производительности труда в расчёте на один час рабочего времени выглядит значительно скромнее: в 2003 году

[1] По данным Государственного статистического управления РП.
[2] Подсчитано по: Rocznik Statystyczny 1991. Warszawa, 1991. S.118.
[3] Rocznik Statystyczny 2005.Warszawa, 2005.

он составлял для Польши всего 42,6% от уровня ЕС-15[1].

Наиболее яркий пример – ситуация в сельском хозяйстве, где около 17% занятых в народном хозяйстве производит менее 5% ВВП, в то время как в сфере обслуживания 54% занятых производит свыше 65%. Сложившиеся соотношения в производительности труда предопределяют и существенные отличия структуры занятости населения в Польше и в развитых странах Европы. Столь же высокую занятость в сельском хозяйстве из новых стран–членов ЕС сохранили только Литва и Латвия соответственно 16 и 12,5% занятых, а, например, в Чехии и Словакии эти показатели близки к уровню ЕС-15 (около 4%).

Узким местом остаётся инновационность экономики. Расходы на НИОКР в Польше значительно отстают от средних по ЕС-25. Так, если в 2004 году в среднем по ЕС-25 эти расходы составляли 1,9% ВВП, в Польше они были значительно ниже – 0,58% ВВП. Из новых стран–членов ЕС эти расходы ниже только в Латвии – 0,42% ВВП. Ещё хуже обстоит в Польше дело с инновационными расходами на предприятиях: если в среднем по ЕС-25 эти расходы составляли 1,22% ВВП, то в Польше – всего 0,17%[2]. Низкой является также доля расходов на НИОКР в совокупном объёме финансирования технического прогресса в стране. В Польше в 2000 году эта доля составляла лишь 12,7%, тогда как в странах ЕС – в среднем около 62% всех затрат на инновации. Причём если в странах Западной Европы главным источником инноваций на предприятиях являются их собственные исследования, то в Польше исследовательская база предприятий недостаточна для обслуживания потребностей техпрогресса, в результате чего предприятия вынуждены закупать лицензии на новую технику и технологии[3].

Преобладание публичных средств в финансировании НИОКР заметно снижает эффективность их использования, поскольку не обеспечивает соответствия структуры исследований потребностям экономики. В Польше же доля бюджетных средств в финансировании НИОКР возрастает (в 2003 году она достигла почти 63%), а доля хозяйствующих субъектов снижается. В странах ОЭСР и ЕС эти пропорции складываются обратным образом: в 2002 году в среднем по странам ОЭСР доля предприятий в финансировании НИОКР составляла 62,3%[4].

В обрабатывающей промышленности Польши в секторе высоких технологий работает около 0,5% занятых, в то время как в среднем по ЕС-25 – 1,2%, а в секторе средне-высоких технологий занято 4,4% работников отрасли (в среднем по ЕС-25 – 5,7%). Аналогично складывается положение в сфере услуг. Так, если в среднем по ЕС-25 в сфере обслуживания, требующего специальных знаний и подготовки, в 2004 году трудилось свыше 33% всех занятых в народном хозяйстве, то в Польше этот показатель был существенно ниже – 24,3%, в том числе высокотехнологичным обслуживанием в ЕС-25 занимались 3,3% всех работающих, а в Польше – 2,1%[5].

---

[1] EC Economic Data Pocket Book. Quarterly. European Communities, 2005, No. 3.
[2] Statistics in Focus. Science and Technology, 2006, No. 6.
[3] Kierunki niezbędnych zmian gospodarczych w Polsce. Raport Syntetyczny. Błaszczyk B. (red.) Warszawa, 2005.
[4] Ibid.
[5] Statistics in Focus. Science and Technology, 2006, No. 1.

Польская экономика характеризуется слабым использованием знаний, научных исследований и разработок как фактора роста. По основным показателям, определяющим инновационный потенциал польской экономики (например, развитие рационализаторства и изобретательской деятельности, патентования изобретений, доля инновационных предприятий в производстве, доля экспорта товаров высокого технологического уровня, объём финансирования НИОКР), Польша находится на одном из последних мест среди стран ОЭСР[1].

Особенно неблагоприятно складывается в Польше ситуация в промышленности, где объём финансирования НИОКР составляет лишь 0,21% ВВП, тогда как в странах ЕС этот показатель более чем в четыре раза, а в странах ОЭСР – почти в семь раз выше. За счёт собственных средств промышленных предприятий финансируется лишь около 31%, а за счёт бюджетных средств – около 65% этих расходов. Для сравнения: в странах с высоким уровнем финансирования НИОКР (Япония, США, Швеция, Финляндия, Ирландия и Германия) средства бюджета составляют лишь 20–30%.

Низкий инновационный потенциал в конечном счёте определяет и конкурентоспособность национальных производителей на внешнем рынке. До настоящего времени ситуация складывается не в пользу Польши. Если в 2004 году доля высокотехнологичных товаров и услуг в общем объёме экспорта стран ЕС-25 составляла 18,2%, то в Польше соответствующий показатель составлял лишь 2,7%. Из новых членов ЕС ближе всего к среднеевропейскому показателю оказались Чехия (13,5%) и Эстония (9,9%)[2].

Несмотря на то что в стране за годы трансформации была практически заново создана система хозяйственного законодательства, среда для развития бизнеса пока находится в процессе становления и далеко не все её параметры можно назвать благоприятными. Так, по качеству конкурентной среды, в итоге предопределяющему конкурентоспособность национальных хозяйствующих субъектов, в исследовании Всемирного банка в 2004–2006 годах (Doing business) Польша оказалась на 54-м месте среди 156 обследованных стран мира, пропустив вперёд почти все страны – новые члены ЕС (за исключением Словении)[3]. При этом в стране сложились более благоприятные условия в отношении таких параметров бизнес-климата, как открытость экономики и "проницаемость" границ (34-е место), по уровню защиты инвесторов (22-е место), по отлаженности процедур закрытия бизнеса (23-е место).

Проблемы и опасения, связанные с членством в ЕС

Вступление страны в ЕС (1 мая 2004 года) с формально-правовой точки зрения означало переход к этапу интеграции. После этого начала действовать законодательная система, адаптированная к нормативам ЕС, а та её часть, в которой правовые нормы определяются едиными для Содружества положениями, приобрела на территории Польши прямое действие. Одновременно для Польши

[1] Polska 2004: Raport o stanie gospodarki. Warszawa, MGiP, 2004.
[2] Statistics in Focus. Science and Technology, 2005, No. 9.
[3] http://www.doingbusiness.org/ExploreEconomies/

стали обязательными и решения коллективных органов ЕС. Изменилась также система финансовых взаимоотношений Польши и Евросоюза: если раньше Польша лишь получала средства ЕС в виде прямой помощи для подготовки к вступлению, то теперь страна своими взносами участвует в формировании бюджета и фондов ЕС и в полном объёме может использовать выделяемые ей средства структурных фондов для повышения конкурентоспособности, обеспечения стабильного экономического развития и на этой основе сближения уровней развития национальной и среднеевропейской экономик.

Хотя степень открытости экономики Польши к моменту вступления была довольно высокой, и в экспертном сообществе, и в некоторых общественных слоях высказывались опасения, что этот шаг чреват для страны серьёзными опасностями. В частности, речь шла о возможной угрозе повышения цен до европейского уровня, о возможных последствиях квотирования экспорта польской, особенно сельскохозяйственной, продукции, о жёсткой конкуренции со стороны западного рынка, о банкротствах предприятий, увеличении безработицы и т.д.

Итоги социально-экономического развития страны в 2004–2005 годах свидетельствуют, что ситуация в стране не только не ухудшилась, но, напротив, наблюдается оживление экономики. Улучшение финансовых результатов деятельности предприятий, рост инвестиций и экспорта, некоторое снижение безработицы и другие позитивные процессы польские эксперты связывают как с эффектами от вступления в ЕС, так и улучшением экономической конъюнктуры в стране и на внешних рынках. Так, в 2004 году ВВП Польши увеличился на 5,4% (против 3,8 % в 2003 г.), а в 2005 году – на 3,2%. Эти показатели в два раза выше среднеевропейских темпов роста, соответственно в среднем по ЕС-25 в 2004 году – 2,4% и в 2005 – 1,6%.

Оживление в экономике и улучшение положения хозяйствующих субъектов оказали воздействие на рынок труда. Впервые за несколько последних лет в стране наметился рост численности занятых (почти на 130 тыс. человек, или на 1,3%). Одновременно несколько сократилась безработица: с 20,4% в I квартале 2004 года до 17,6% в IV квартале 2005-го. Рост численности занятых отмечался прежде всего в отраслях, где особенно высокими темпами рос экспорт в ЕС (производство автомобилей, бытовой техники, мебели), что свидетельствует о постепенных структурных изменениях на рынке труда.

В 2004–2005 годах была преодолена тенденция к снижению объёма капиталовложений: если в 2003 году они сократились на 0,2% , то в 2004 году уже возросли на 5,3%, а в 2005 году – на 7,8%. Инвестиционное оживление явилось прежде всего следствием благоприятной хозяйственной конъюнктуры и начала фазы экономического роста, и в меньшей степени – результатом вступления в ЕС.

Со вступлением в ЕС непосредственно связано оживление фондового рынка Польши. Рост доверия иностранных инвесторов, укрепление злотого относительно евро и доллара повысили заинтересованность инвесторов в приобретении акций польских предприятий и государственных ценных бумаг. Капитализация Варшавской биржи (ВБ) выросла в 2004 году до 33% ВВП против 20,6% в 2003 году. В 2005-м отмечался уже бурный рост капитализации биржи (почти на 46% при расчёте в злотых и на 53% – в евро), за один год доля Варшавской биржи в сово-

купной капитализации бирж стран ЕС возросла с 0,75% до 0,93%[1].

После значительного снижения объёма прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2001–2002 годах – они возросли с 6,42 млрд долларов в 2003 году почти до 8 млрд долларов в 2004 году, то есть на 23%, и составили 3,25% ВВП[2]. В последние годы Польша активно использует возможности, открывающиеся с приходом на её рынок иностранных фирм и капиталов, для стимулирования развития экономики страны, расширения связей науки и бизнеса и налаживания комплексного сотрудничества между всеми инвесторами, с одной стороны, и инвесторами и государством – с другой.

Вступление в ЕС не принесло принципиальных изменений на валютном рынке страны. С апреля 2004 года по март 2005-го наблюдалось быстрое укрепление национальной валюты – злотого. За этот период злотый подорожал относительно евро на 18% и доллара – почти на 30%. Ощутимому укреплению злотого способствовали в первую очередь позитивные тенденции в экономике: рост ВВП и производительности труда, безопасный уровень отрицательного сальдо текущих платежей, а также снижение политических рисков.

Одним из наиболее часто высказывавшихся и имевших широкий социальный резонанс было опасение, что вступление в ЕС может привести к резкому скачку потребительских цен. Эти опасения подстегнули инфляционные ожидания населения, что вылилось в покупательский бум в первой половине 2004 года. В результате в целом за год розничный товарооборот увеличился на 7,9%, в том числе реализация продовольственных товаров – на 7,3% и непродовольственных – на 10,5%, тогда как в 2001–2003 годах среднегодовые темпы роста розничного товарооборота составляли соответственно 3,7%, 3,8 и 3,9%. И хотя годовой показатель инфляции значительно превысил уровень предыдущего года (3,5% против 0,8%), однако он не вышел за заложенные в бюджетном плане рамки (2,5% ±1 п.п.). В 2005 году ситуация в этой сфере постепенно стабилизировалась: если в январе 2005 года по сравнению с декабрем 2004 рост цен составил 3,7%, то в декабре – уже лишь 0,7%, а в среднем за год – 2,1%.

Вступление в ЕС, хотя и дало некоторый импульс к повышению цен, не было единственным фактором этого роста. Факторами повышения цен стали прежде всего рост цен продовольствия на внутреннем рынке вследствие низких сборов основных сельскохозяйственных культур в 2003 году, снижения поголовья свиней, а также возросшего внешнего спроса на польское продовольствие, особенно на мясо, молоко и молочные продукты; инфляционные ожидания первой половины 2004 года; повышение НДС до среднеевропейского уровня (с 7 до 22%); рост мировых цен на энергоносители и ряд сырьевых товаров.

Завершение этапа адаптации в Польше сопровождалось ростом несбалансированности публичных финансов. Эта проблема, как показывает опыт трансформации, стоит и в других странах ЦВЕ и связана как с собственно трудностями системных изменений в народном хозяйстве, так и со сложностями реформирования государственных бюджетных систем, взаимоотношений бюдже-

[1] Kachniewski M. Polski rynek kapitałowy w dwa lata po wejsciu Polski do Unii Europejskiej. Komisja Papierów Wartosciowych i Giełd, 26 kwietnia 2006.

[2] Polska 2005: Raport o stanie Gospodarki. Warszawa, MGiP, 2005.

тов различных уровней государственных администраций, а также со многими другими нерешёнными вопросами.

После непродолжительного периода относительной сбалансированности, когда показатели дефицитности финансовой системы в Польше укладывались в маастрихтские критерии (3% ВВП), в начале текущего десятилетия ситуация в стране начала ухудшаться. В 1999 и 2000 годах дефицит составлял (-) 3,1 и (-) 2,9% ВВП; в 2001 году произошло скачкообразное его увеличение до (-) 5,0% и в 2002-м (-) 5,9% ВВП; в 2004–2005 годах его удалось несколько сократить соответственно до 4,7 и 3,4% ВВП. Однако эти показатели по-прежнему значительно превышают международные критерии безопасности[1], что свидетельствует о серьёзном дисбалансе в системе. Особое беспокойство экспертов вызывает тот факт, что начиная с 2000 года бюджет имеет отрицательное первичное сальдо, рассчитываемое без учёта затрат на обслуживание публичного долга.

Углубление несбалансированности публичных финансов в Польше связано со снижением средних темпов экономического роста и соответственно сокращением бюджетных поступлений. Сократились и поступления от налогообложения доходов физических и юридических лиц, что было связано с реформой системы налогообложения, преследовавшей цель снижения налоговой нагрузки на предпринимателей. Кроме того, нарастание дефицита объяснялось тем, что в доходную часть бюджета перестали включать доходы от приватизации.

Причины нарастания несбалансированности публичных финансов в Польше обусловлены прежде всего ростом расходов социального характера. Так, в 2004 году на статьи, связанные с собственно социальной защитой населения, приходилась значительная часть бюджетных расходов (17,4% ВВП), а в 2005 году их доля возросла до 18,5% ВВП. Кроме того, за счёт публичных средств поддерживается проведение "дорогих" реформ социальной сферы – пенсионного и медицинского обеспечения, которые начали реализовываться в Польше с 1999 года. Дополнительной нагрузкой на публичные финансы стало проведение в стране реформы образования. Однако, признавая роль проводимых в Польше социальных реформ в углублении текущей несбалансированности публичных финансов, польские аналитики считают, что в средне- и особенно долгосрочной перспективе эти реформы станут источником стабилизации финансовой системы страны.

Высокая социальная нагрузка на бюджетную систему характерна для всех европейских стран. Так, в среднем по ЕС-25 в 2003 году на эти цели было предназначено 65% расходов, в Польше же – 67%. Значительную долю в них составляли расходы на социальное страхование и социальную защиту: в среднем по странам ЕС – 40%, а в Польше – 44%. Существенную роль играют также расходы на образование (в ЕС – 11%, а в Польше – 13%) и здравоохранение (14 и 10% соответственно)[2].

Значительные государственные средства поглощает поддержание на плаву неприватизированных предприятий отраслей добывающей промышленности и транспорта. На хозяйственные цели в современной Польше расходуется 7,4% публичных средств (в среднем по ЕС – 8,7%). Величина расходов на функцио-

[1] Ustawa budżetowa na rok 2006, Uzasadnienie. MF. Warszawa 2005.

[2] Polarczyk K. Budżet państwa w finansach publicznych. Polska na tle innych krajów. Kancelaria Sejma RP; Bióro Studiów i Ekspertyz. Informacja nr 1172 (IP-108G), 2005.

нирование государственных институтов (18% расходов) в Польше примерно соответствует среднеевропейскому уровню (21%)[1]. Преобладающую часть бюджетных расходов (по оценкам, около 71%), таким образом, представляют собой жёсткие расходы, которые с трудом поддаются сокращению в процессе упорядочения системы публичных финансов.

В 2004 году в госбюджете Польши, как и других стран – новых членов ЕС, появляется статья "Ежегодный взнос в бюджет ЕС". Первоначальный взнос Польши составил более 1 млрд евро, в 2005 году он возрос примерно до 2,5 млрд евро, а в 2006 году достигнет 4-х миллиардов.

В связи с членством в ЕС государственный бюджет обязан осуществить авансовое финансирование части мероприятий, предусмотренных к реализации с привлечением средств структурных фондов. И хотя эти средства подлежат по закону возвращению в бюджет, из-за значительного разрыва во времени задача балансирования расходов и доходов осложняется. Кроме того, значительная часть средств, поступающих по линии структурных фондов, реализуется органами местного самоуправления для решения проблем регионального развития. В этом случае национальная квота финансирования проектов покрывается непосредственно за счёт публичных средств[2]. Совокупные расходы из госбюджета, связанные с членством Польши в ЕС, возросли в 2005 году по сравнению с 2004-м на 20% и составили около 4 млрд евро, а их доля в совокупных расходах достигла примерно 6,5%.

Со вступлением Польши в ЕС общее финансовое состояние государства улучшилось, что связано с поступлением средств из структурных фондов ЕС. Благодаря высокой степени институциональной подготовленности к получению и освоению выделяемых средств Польша стала седьмой среди стран ЕС и одним из крупнейших среди новых членов ЕС получателей этих средств. При этом совокупное положительное для Польши сальдо расчётов с ЕС составило в 2004–2005 годах примерно по 1,5 млрд евро в год.

Объём средств, поступающих в Польшу по линии различных фондов ЕС, выглядит внушительно. Польша получала средства из фондов ЕС ещё на этапе подготовки к вступлению. Так, в рамках программы ФАРЕ в Польшу было инвестировано 3,9 млрд евро, по программе САПАРД – 1,1 млрд евро и ИСПА – 1 млрд евро, то есть – 6 млрд евро. После вступления расширились возможности Польши в получении финансовой помощи от ЕС. В 2004–2006 годах по линии структурных фондов будет выделен 8631 млн евро. Ожидается, что уже в 2005–2006 годах объём поступающих в Польшу средств ЕС будет эквивалентен примерно 2% ВВП. В 2005 году Польша получила из бюджета ЕС 3,9 млрд евро (в том числе 20% за счёт средств структурных фондов) и внесла в него около 2,5 млрд евро. За 2007–2013 годы, по прогнозам экспертов, поступления составят около 120 млрд евро.

Польские предприниматели готовы активно использовать средства из фондов ЕС; более того, спрос на них стабильно превышает объёмы финансирования

---

[1] Ibid.

[2] Adamiec J. Zobowiązania i wydatki związane z funduszami strukturalnymi, Funduszem Spójności i Inicjatywami wspólnotowymi. Biuletyn Studiow i Ekspertyz Sejmu RP. 2005 Informacja nr 1171 (IP-108G)

совместных программ. Так, уже к началу октября 2005 года спрос на финансирование более чем на 40% превысил объём средств, предусмотренных в структурных фондах для Польши на весь период 2004–2006 годов. Наиболее высокий спрос "потребители" предъявляли на средства, выделяемые по программам повышения конкурентоспособности (208,4% от совокупного объёма выделенных средств) и развития регионов (178,4%).

Ограничение расходов публичных средств и прежде всего изменение структуры этих расходов становится необходимым в связи с постоянным нарастанием в последние годы совокупной **задолженности государства**: с 39,7% ВВП в 2001 году до 48,4% в 2004-м (без учёта гарантий государства по кредитам предприятий). По маастрихтским соглашениям допустимой является задолженность на уровне до 60% ВВП. В этой сфере ситуация в Польше не выглядит катастрофической, однако сам по себе рост задолженности внушает определённые опасения, поскольку только в 2004 году совокупный долг страны увеличился примерно на 16,3%. Финансирование публичного долга осуществляется преимущественно неинфляционными методами, то есть путём выпуска государственных ценных бумаг и ценных бумаг местных органов власти.

Внешняя задолженность Польши в конце 2004 года составила около 94 млрд евро, причем на долг собственно государства приходится свыше 43% этой суммы, на долги предприятий – 44,6%, банков – 10,6%, и на задолженность Центрального банка Польши – около 1,5%[1].

Большую часть внешней задолженности предприятий (38,4%) составляют банковские кредиты. Кредиты предприятиям предоставляются в основном прямыми иностранными инвесторами – материнскими фирмами. Поэтому высокая внешняя задолженность предприятий в настоящее время не представляет серьёзной опасности для государственных финансов, поскольку значительная её часть приходится на кредитоспособные предприятия, занимающие прочные позиции на внутреннем и внешних финансовых рынках. Большая часть этих предприятий работает в динамично развивающихся отраслях – телекоммуникационной, нефтеперерабатывающей и транспортной.

Несбалансированность публичных финансов страны непосредственно связана с дефицитностью баланса текущих платежей. Однако в последние годы ситуация в этой сфере постепенно нормализуется: после 1999 года, когда сложился почти катастрофический уровень дисбаланса (-7,5%), наблюдается заметное снижение дефицита текущих платежей (до -1,6% ВВП в 2005 году)[2]. Уменьшение дефицитности баланса текущих платежей свидетельствует о постепенном смягчении внутренней несбалансированности финансовой системы страны. Поступление средств из фондов ЕС с точки зрения формального статистического учёта увеличивает дефицит платежного баланса. Так, в 2004 году с учётом средств ЕС он достиг 4,2% ВВП. Однако с точки зрения народнохозяйственной эффективности эти средства, несомненно, следует считать существенным дополнительным фактором экономического роста.

---

[1] Ibid.

[2] Polska 2004: Raport o stanie gospodarki. MGiP. Warszawa, 2004; GUS - Komunikaty. February 14, 2005.

В последние годы положительную роль в смягчении финансовой и экономической несбалансированности играет динамично развивающийся экспорт. Ещё накануне вступления в ЕС высказывались серьёзные опасения относительно конкурентоспособности польской продукции на мировых рынках и, соответственно, возможного сокращения объёмов экспорта. Практика показала, что **открытие границ** и ликвидация таможенных барьеров облегчили польским производителям и экспортёрам доступ на рынки стран ЕС, а также привели к снижению торговых и транспортных издержек.

Уже первые годы членства Польши в ЕС показали, что вопреки опасениям польский экспорт во все группы стран растёт высокими темпами. Объём экспорта, рассчитываемый в долларах, увеличился в 2004 году на 37,7% (в 2005 г. – 21,1%), а в евро – на 25,6% (19,6%). В 2004 году темпы роста экспорта в 2,2 раза превысили средний показатель за 2001–2003 годы (при расчёте в евро).

В польском экспорте растёт доля современной, технологически продвинутой продукции (в частности, автомобилей и запасных частей к ним, электроники, бытовой техники, мебели и некоторых других). Так, в 1994–2005 годах доля этой товарной группы в общем объёме польского экспорта возросла с 19,7% до 41%. Особенно динамично рос экспорт сельскохозяйственных и продовольственных товаров (овощи, фрукты, говядина, мясо птицы, молочные продукты), в результате чего торговое сальдо в этой товарной группе впервые за многие годы стало положительным. В основе высокой динамики экспорта этих товаров лежат их высокое качество и конкурентная цена.

В 2004 году на рынках стран ЕС было реализовано почти 80% польской экспортной продукции; на эти страны пришлось около 68% совокупного импорта. Весьма примечателен факт беспрецедентного роста в новых условиях польского экспорта в Россию (на 89% в 2004 году и на 25% в 2005 году), объём которого впервые превысил уровень 1997 года, то есть года, предшествовавшего российскому кризису. Под влиянием вступления в ЕС, а также изменений спроса на российском внутреннем рынке произошли заметные изменения в структуре польского экспорта в Россию: поставки машин и оборудования вышли на первое место (около 27% от общего объёма экспорта). Одновременно существенно (на 40%) увеличился экспорт в Россию сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Опасения, которые высказывались в России относительно ухудшения условий доступа на польский рынок, оказались сильно преувеличенными. На сегодня 91,5% общего объёма российского экспорта в Польшу (в том числе нефти и газа) не облагается таможенными пошлинами. После вступления Польши в ЕС остались неизменными таможенные тарифы товаров, составляющих подавляющую часть (83,5%) объёма российского экспорта в Польшу. На 11,5% общего объёма экспортных поставок тарифы таможенных пошлин были снижены, и лишь на 5% поставок тарифы возросли. В настоящее время антидемпинговые процедуры распространяются менее чем на 1% валового импорта Польши из России.

На протяжении всего периода подготовки к вступлению в ЕС польские специалисты высказывали тревогу, что полное открытие внутреннего рынка приведёт к резкому **усилению конкуренции** со стороны западных фирм (то есть негативно скажется на положении польских предприятий), к вытеснению национального производителя с внутреннего рынка и перенасыщению этого рынка импортными товарами.

Однако многие фирмы смогли продемонстрировать вполне приемлемый уровень конкурентоспособности на внешнем рынке, поскольку, по оценкам Министерства экономики РП, в период подготовки к вступлению в ЕС конкуренция польской продукции с продукцией фирм ЕС стала импульсом к модернизации и повышению инновационности польских фирм и способствовала снижению издержек производства.

Опрос, проведённый среди руководителей 500 крупнейших польских предприятий в 2004 году, показал, что они оценивали этот год как наиболее удачный в истории страны. На этих предприятиях значительно возрос объём продукции, реализованной как на внутреннем, так и на внешнем (в основном европейском) рынке. Более половины этих предприятий начали в 2004 году новые инвестиционные программы, а часть фирм запланировала их на 2005 год. Многие фирмы заявили о внедрении инноваций, к чему их вынудила усилившаяся конкуренция. Часть фирм увеличила занятость. Всё это свидетельствует о том, что крупнейшие польские предприятия чувствуют себя на едином европейском рынке вполне уверенно. Аналогичные результаты были получены в ходе опроса руководителей 100 предприятий, проводившегося по инициативе Комитета европейской интеграции, с целью выяснить, как изменилось положение польских предприятий после 1 мая 2004 года. Из всех опрошенных 84% заявили, что после вступления они не испытывали трудностей в реализации продукции на едином рынке ЕС; 48% фирм указывало на то, что унификация и стандартизация норм на едином рынке "очень выгодна" или "скорее выгодна" для их деятельности; 49% фирм считают, что баланс членства в ЕС для них однозначно выгоден, и лишь 19% – что он скорее или абсолютно невыгоден.

Много дебатов вызывало опасение, высказывавшееся со стороны старых членов ЕС, что приток **трудовых мигрантов** из новых членов разрушит рынки рабочей силы ЕС-15 и подорвёт стабильность их систем социального обеспечения. Однако вопреки ожиданиям открытие рынков труда не привело к широкомасштабной трудовой миграции. В Польше она сдерживалась недостаточным уровнем квалификации, слабым владением иностранными языками и знакомством с культурными традициями принимающих стран, а также спецификой спроса на труд в Польше.

Дело в том, что безработица в Польше носит в основном структурный характер, и лица, не имеющие возможности трудоустроиться в стране, не могут найти работу и в странах ЕС-15. Те же категории занятых, которые востребованы на рынках ЕС, в Польше также обеспечены рабочими местами. Опросы, проведённые спустя год после вступления страны в ЕС, показали, что лишь 22% опрошенных были заинтересованы в трудоустройстве в странах "старого" ЕС. По оценкам Министерства экономики РП, специфика свободной рабочей силы в Польше, с одной стороны, и спроса на трудовые ресурсы в ЕС-15 – с другой такова, что для поляков наиболее приемлема сезонная работа за границей. Объём такой трудовой миграции в 2004 году хотя и возрос, не может существенно повлиять на ситуацию на внутреннем рынке. Так, например, в 2004 году на сезонные работы в Германию выезжало примерно 324 тыс. поляков, значительное число трудовых мигрантов нашли работу в Великобритании, Ирландии, Италии, Голландии, Норвегии и Испании.

Общественной группой, которая больше всего опасалась негативных последст-

вий вступления в ЕС и которая активнее других общественных групп выступала против него, были **крестьяне**. Однако на практике именно они и выиграли больше всех, что выразилось в росте их доходов. Он был связан, в первую очередь, с ростом цен на сельскохозяйственную продукцию. Распространение норм единой аграрной политики на производителей в сельском хозяйстве в Польше привело к росту цен на основные виды продукции (зерно, сахар, молоко). Повышение цен на эту продукцию на внутреннем рынке было связано также с заметным ростом спроса на продовольственные товары из Польши на внешнем рынке. Введение прямых форм поддержки производителя, улучшение условий функционирования на рынке сельскохозяйственной продукции также помогали быстрому росту доходов товарных крестьянских хозяйств. Повышению их доходности способствовало также выделение из фонда САППАРД средств на приобретение сельскохозяйственных машин (обычно хозяйствам оплачивается половина стоимости приобретённой новой техники). В 2004 году на эти цели было выделено 172 млн евро; финансирование за счёт средств САППАРД продолжилось и в 2005, и в 2006 году.

Рост доходов крестьян связан также с тем, что на них распространена система прямых доплат и доплат на поддержание сельскохозяйственной деятельности на территориях с неблагоприятными условиями хозяйствования. В 2004 году доплаты из фондов ЕС на одно хозяйство в среднем составили 3,7 тыс. злотых (около 1 тыс. долл.). Уровень этих доплат в Польше составлял в среднем 55% от выплачиваемых в странах ЕС, тогда как первоначально предполагалось, что он составит только 25%. Ожидается, что эти выплаты достигнут в 2006 году 65% уровня доплат в ЕС. Кроме того, польское сельское хозяйство получает из фондов ЕС финансовую поддержку для хозяйств молодых крестьян, на цели реструктуризации и модернизации продовольственного сектора и для развития инфраструктуры.

Владельцы хозяйств, расположенных в зонах с неблагоприятными условиями хозяйствования (а такие земли в Польше составляют примерно половину всех сельскохозяйственных угодий), получают дополнительные выплаты. Кроме того, в 2004–2006 годах в соответствии с отраслевой оперативной программой "Реструктуризация и модернизация продовольственного сектора и развитие сельских территорий" владельцы хозяйств получили поддержку в размере 1,8 млрд евро. На реализацию плана развития сельской местности в этот же период предусмотрено более 3,6 млрд евро, в том числе из фондов ЕС – 2,9 млрд евро.

Крестьяне получили возможность пользоваться финансируемыми за счёт средств ЕС так называемыми структурными текущими пособиями, предполагающими возможность выхода на пенсию по достижении 55 лет при условии передачи хозяйства более молодому наследнику. На эти цели в 2004–2006 годах из фондов ЕС выделено 640 млн евро. Величина пособия колеблется от 324 до 678 долл. (от 1181 до 2475 злотых), то есть она в 2–4,4 раза превышает размер минимальной пенсии в сельском хозяйстве. В 2004 году такими пособиями воспользовалась 21 тыс., а в 2005-м – уже 32 тыс. польских крестьян. Программа выплаты структурных текущих пособий призвана стимулировать сельскохозяйственное производство, повысить жизнеспособность крестьянских хозяйств, а также обеспечить крестьянам достаточные доходы после прекращения ими трудовой деятельности.

В Польше по-прежнему преобладают малотоварные и низкопроизводительные хозяйства: в конце 1990-х годов производительность труда французского крестьянина была в 13,6 раза, немецкого – в 20,4 раза, английского – в 18,2 раза, греческого – в 8,2 раза, испанского – в 6,9 раз выше, чем польского крестьянина. Один занятый в сельском хозяйстве кормил в Польше девять, а в ЕЭС – 38 человек[1]. В преодолении этого отставания значительную роль могут сыграть средства структурных фондов ЕС. Только в 2006 году на поддержку развития сельского хозяйства Польши будет направлено 4,6% общего объёма финансовой помощи для страны[2].

Перспективы интеграции Польши в ЕС

Вступление страны в ЕС в мае 2004 года – это лишь начало продолжительного и многоступенчатого процесса создания современной экономической системы в Польше, на основе которой завершится уже не формально-правовая, а фактическая интеграция страны в общеевропейскую экономику. Подключение к процессам европейской интеграции открывает перед РП возможность перехода к новому этапу развития, в ходе которого произойдёт активное включение в общеевропейский воспроизводственный процесс и принципиальное повышение конкурентоспособности страны, подтягивание объёма ВВП в расчёте на душу населения до среднеевропейского уровня, а на этой основе – достижение европейских стандартов уровня жизни населения.

Реализуемая в Польше перестройка экономического механизма и углубление либерализации экономики отвечают принципам лиссабонской стратегии (2000 года), которая охватывает проблематику от реформы публичных финансов, рынка труда и социальной помощи до завершения структурных реформ и формирования полнокровной рыночной системы управления экономикой.

На пути "догоняющего" развития Польша имеет существенные преимущества, поскольку (а) она может опираться на опыт и помощь ЕС, (б) она находится в стадии глубокого реформирования своей экономической и политической системы и потому процесс интеграции в европейскую систему будет развиваться не слишком болезненно и (в) Польша способна формулировать свою позицию по предлагаемым изменениям и исходя из своих внутренних условий, нерешённых проблем и текущих задач, она определяет приоритеты и последовательность действий. Практика показывает, что Польша не только формулирует свои национальные интересы, но и отстаивает их и в Совете Европы, и в Еврокомиссии, и других руководящих органах ЕС, выступает с имеющими общеевропейское значение инициативами (например, в 2006 году с предложением о разработке единой энергетической политики стран ЕС).

Лиссабонская стратегия предполагает разработку во всех странах ЕС национальных программ реформ (*National Reform Programes*), в которых каждая страна определяет собственную стратегию реализации общеевропейских целей

---

[1] Konkurencyjność gospodarki Polski w dobie integracji z Unią Europejską i globalizacji. W-wa, 2000, cz. II. s. 225; Правила игры, 1994, № 3. С. 96.

[2] Biuletyn informacyjny. Ministerstwo Rolnictwa i Rozwoju Wsi, Agencja Restrukturyzacji i Modernizacji Rolnictwa. 2006, Nr 1−2/(102).

и принципов, а также национальные приоритеты[1]. Таким образом, новые члены ЕС, в том числе и Польша, получили возможность подключения своих программ реформирования государства и экономики к лиссабонскому процессу. Основные положения лиссабонской стратегии были учтены при разработке в Польше как национального плана реформ (2004–2006), так и национальных планов развития[2] на 2004–2006 годы[3] и 2007–2013 годы[4].

На сегодняшний день интеграция в ЕС и необходимость придерживаться стратегии и тактики Евросоюза не вызывает сомнений ни у властных структур, ни в предпринимательской среде, ни у большинства граждан страны. Дискуссии разворачиваются относительно последовательности и методов решения национальных проблем. Социологические исследования показывают, что с течением времени число сторонников европейской интеграции возрастает.

* * *

Подводя итог, можно констатировать, что в долгосрочной перспективе членство в ЕС создаёт для Польши возможности принципиального повышения международной конкурентоспособности экономики и уменьшения отставания от более развитых стран ЕС. Действующие в ЕС инструменты интеграции позволяют обеспечить повышение эффективности хозяйствования в странах, а совместные программы развития и структурные фонды поддерживают эти процессы. Однако помощь Евросоюза может быть лишь дополнением и стимулом, но не может заменить внутренних интеллектуальных и инновационных усилий, предпринимательской активности в стране, интенсификации процесса накопления национального капитала.

---

[1] Министерство экономики труда РП подготовило и опубликовало национальную программу реформ на 2005–2008 гг. Krajowy Program Reform na lata 2005–2008. Warszawa, 2005.

[2] В 2005 г. был принят закон о порядке и принципах разработки национальных планов развития. Ustawa z dnia 20 kwietnia 2004 o Narodowym Planie Rozwoju (Dz.U. Nr 116, poz. 1206 oraz z 2005 Nr 90, poz. 759).

[3] Окончательный вариант Национального плана развития на 2004–2006 гг. (Narodowy Plan Rozwoju na lata 2004–2006) принят в 2004 г. http://www.funduszestrukturalne.gov.pl/Wiadomosci/Narodowy+Plan+Rozwoju/

[4] Narodowy Plan Rozwoju 2007–2013. www.npr.gov.pl

Владислав АНТРОПОВ

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ГЕРМАНИИ: ИСЦЕЛЕНИЕ ДЛЯ ВСЕХ

"Если вы бедны, вы получаете такую же помощь и лечение, как и другой", – говорят в Германии, противопоставляя этот лозунг характерному для других стран Запада: "если вы бедны, вы умираете раньше", где, как полагают немцы, отсутствует принцип законодательно установленной солидарности[1]. Таким образом, система социальной медицины ФРГ, не стимулируя социального неравенства, в известной степени устраняет пропасть между людьми с разными уровнями доходов.

Достижения и проблемы

На сегодняшний день система здравоохранения Германии – одна из наиболее эффективных в мире[2]. Основным её достоинством является способность обеспечить медицинскими услугами большинство населения страны. Кроме того, важным фактом, свидетельствующим о её эффективности является общественное согласие в пользу сохранения существующей системы. Опросы последних лет свидетельствуют, что более 90% немцев были удовлетворены предоставляемыми услугами здравоохранения, а около 40% опрошенных высказали мнение о том, что действующая система здравоохранения нуждается лишь в незначительной корректировке. Аналогичный опрос, проведенный в Соединённых Штатах, показал, что только 10% американцев были удовлетворены действующей системой здравоохранения, хотя на её нужды в США в 1997 году было потрачено 13,9% ВВП, тогда как в Германии – 10,7%[3]. Подобное сравнение,

[1] Stuetzle H. Das soziale Netz in Deutschland, Muenchen, 1994. – S. 71.

[2] Год ее появления –1883. Германия была первой страной, в которой было введено государственное страхование по болезни.

[3] Swami.B The German Health Care System // Handbook of International Health Care Systems. – N.Y., 2002. – P. 349.

© ***Антропов Владислав Владимирович*** – к.э.н., к.ф.н., доцент кафедры экономической теории МГТУ им. Н.Э. Баумана.

конечно, не совсем корректно в силу принципиальной разницы двух моделей. Тем не менее даже такое сравнение наглядно выявляет, что далеко не всегда высокие объёмы расходов на здравоохранение означают его эффективность. Это показывает и сравнение основных социальных индикаторов, демонстрирующих, что результаты политики в области здравоохранения в Германии более значительны, нежели в США. Так, если средняя продолжительность жизни в Германии составляет 74,1 года для мужчин и 80,3 – для женщин, то в Соединённых Штатах 73,6 и 79,4 года соответственно. Наиболее красноречивым является показатель младенческой смертности в обеих странах: 4,8 на 1000 рождений в Германии и 7,8 – в США[1].

Отличительной чертой немецкого здравоохранения являются хорошие результаты в области охраны материнства и детства. Это касается показателей младенческой смертности, количества рождённых детей с недостатком веса, а также связанной с беременностью и родами материнской смертности. Данные результаты были достигнуты в значительной степени благодаря широкому диапазону медицинских услуг, которые немецкое здравоохранение предлагает беременным женщинам. К этим услугам относятся не только необходимые обследования, но и медицинская помощь на дому, в планировании семьи, оплате отпуска до и после родов.

Наконец, важным моментом немецкой системы здравоохранения является её исключительная ориентация на пациента. Следует отметить, что эта черта характерна для большинства страховых систем здравоохранения в отличие от бюджетных (представленных, например, Великобританией, Швецией или Италией), в которых в силу специфики организации данная особенность присуща в меньшей степени. Это выражается, во-первых, в том, что врач выступает в качестве первичной инстанции в системе здравоохранения, принимая на себя ответственность за обеспечение всех необходимых медицинских услуг, а во-вторых, в оказании медицинской помощи не только в кабинете врача, но и нередко дома у пациента.

Основная слабость немецкой системы здравоохранения связана с постоянным ростом расходов. Интересно, что этот недостаток является следствием её преимущества – обширного пакета медицинских услуг, предлагаемых обязательным медицинским страхованием. Так, до 1989 года в число услуг включались даже поездки на такси к месту лечения. В 1990-х годах количество оплачиваемых ОМС услуг было сокращено, однако, несмотря на это, и сегодня наблюдается постепенное увеличение стоимости медицинского обслуживания. Очевидно, что и в ближайшем будущем немецкое здравоохранение должно будет балансировать между достигнутой в предыдущие годы доступностью медицинской помощи для большинства населения страны и необходимостью снижения темпов роста стоимости (а значит) и количества медицинских услуг, охватываемых ОМС. Одной из сторон данной проблемы является чрезмерное по-

[1] Social Security Programs Troughout the World.Europe. – Washington, 2002. – P. 20.

требление медицинских услуг. Так, например, это выражается в более частом посещении пациентами врачей и лечении в стационаре, более частом проведении обследований. Причина этого обстоятельства заключается не только в желании пациентов больше лечиться (хотя и такой аргумент в условиях современного постиндустриального общества и увеличения нагрузок на здоровье вполне обоснован), сколько в назначении медицинских услуг сверх необходимости самими врачами, заинтересованными в увеличении гонорарного фонда.

Второй недостаток немецкой системы здравоохранения заключается в двойном методе финансирования медицинских учреждений, когда больницы оказываются ответственными за эксплуатационные расходы, а капитальные инвестиции финансируются правительствами земель. Фрагментированное финансирование создаёт двухъярусную систему принятия решений – на уровне больниц и на уровне земель, что создаёт условия, в которых решения о капитальных инвестициях становятся подчинёнными политическим и бюрократическим соображениям.

Наконец, недостатком немецкой системы здравоохранения является достаточно высокий уровень страховых взносов на медицинское страхование. Поскольку половина их оплачивается работодателями, это в конечном итоге увеличивает издержки производства, тем самым сказываясь на конкурентоспособности немецкой экономики на мировом рынке. В принципе объёмы расходов на здравоохранение стран со страховыми системами финансирования, как правило, выше, чем в странах с бюджетной системой здравоохранения. Так, в Великобритании они составляют немного больше 6% против 11% в Германии. Кроме того, централизованные бюджетные системы позволяют в определённой степени сдерживать рост стоимости лечения за счёт низких административных расходов и более эффективного контроля за распределением средств. Однако недостатками таких систем является склонность к монополизму, игнорирование прав пациента и, как правило, – отсутствие возможности выбора врача. С этой точки зрения немецкая страховая система медицинской помощи обладает несомненными достоинствами, являясь более адресной и целевой.

Общие контуры системы

Основные компоненты немецкой системы здравоохранения: стационарное и амбулаторное медицинское обслуживание, сектор производителей медикаментов и аптек, программы бесплатного оказания медицинской помощи для лиц, не охваченных страхованием в силу бедственного материального положения, система производственных медицинских учреждений, предназначенная для обслуживания на рабочем месте и, наконец, обязательное и добровольное медицинское страхование.

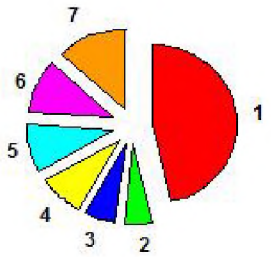
Первый компонент системы здравоохранения Германии – сектор стационарного медицинского обслуживания – обеспечивается деятельностью врачей, работающих на постоянной основе в больницах: 59% врачей в стране принадлежат к этой категории. В Германии существует чёткое разграничение сфер

деятельности частнопрактикующих и больничных врачей: первые не могут заниматься практикой в стационаре, последние не имеют права оказывать медицинскую помощь как независимые специалисты. В 1998 году расходы на стационарное обслуживание составили 40% всех расходов на медицинскую помощь в стране и были основной статьёй расходов на здравоохранение. Второй компонент – амбулаторное обслуживание – обеспечивается главным образом деятельностью врачей общей практики, число которых составляет 41% от общего количества всех врачей в стране. Почти 85% доходов этих специалистов возмещается из фондов обязательного и добровольного медицинского страхования. Третий компонент системы здравоохранения – сектор производителей медикаментов и аптек. Характерной особенностью сектора, отличающей его от России, является механизм ценового регулирования рынка медикаментов. По этой причине установленные цены многих лекарств в настоящее время составляют около одной трети их рыночной цены. Подавляющее число медикаментов в Германии продаётся на основе рецептурного отпуска в аптеках, что позволяет, с одной стороны, обеспечить лучший контроль за рынком лекарственных средств, а с другой, – является средством организации системы оплаты медикаментов через больничные кассы, так как бóльшая часть стоимости лекарств покрывается за счёт средств медицинского страхования. Четвёрым элементом системы здравоохранения Германии является совокупность финансируемых на уровне земель программ оказания медицинской помощи лицам, доходы которых не позволяют им участвовать в схемах обязательного медицинского страхования. Пятый компонент – система медицинского обслуживания на предприятиях, которая предусматривает скорую медицинскую помощь, периодические медицинские осмотры и другие вспомогательные услуги. Большинство врачей, работающих на предприятиях, работает либо на основе договора найма, либо как врачи общей практики на гонорарной основе. Расходы на этот вид медицинского обслуживания в Германии в 2000 году составляли 4,3% от общих расходов здравоохранения[1].

Важной частью здравоохранения Германии является система страхового финансирования. Медицинское страхование в Германии представляет собой классическую трёхстороннюю схему организации страховой медицины, которая предполагает участие наёмных работников, работодателей и государства. Кроме того, существенным источником финансирования здравоохранения в Германии являются средства добровольного медицинского страхования и личные платежи граждан. Наибольшая часть средств (60%), направляемых на нужды здравоохранения, приходится на обязательное медицинское страхование (ОМС), 10% – на добровольное медицинское страхование, 15% в структуре финансирования занимают государственные субсидии и около 15% – личные средства граждан (**Рис. 1**).

[1] Swami.B The German Health Care System // Handbook of International Health Care Systems. – N.Y., 2002. – P. 335.

Рисунок 1. Источники финансирования системы здравоохранения Германии в 2000 году (млрд немецких марок)



1. Обязательное медицинское страхование (240 млрд марок)
2. Добровольное медицинское страхование (29 млрд марок)
3. Обязательное страхование по уходу за больным (30 млрд марок)
4. Доплаты со стороны населения (46 млрд марок)
5. Средства пенсионного страхования (51 млрд марок)
6. Доплаты бюджетов разных уровней (56 млрд марок)
7. Средства работодателей (66 млрд марок)

Особенностью системы обязательного медицинского страхования ФРГ является то, что качество медицинских услуг не зависит от объёма взносов каждого человека. Обеспеченные люди несут расходы за малоимущих, а здоровые – за больных – это даёт возможность создавать социальную защищённость, с одной стороны, не перекладывая ответственность на плечи государства, а с другой, – вынуждая самих больных нести всё бремя расходов из собственного кармана. Таким образом, в основе ОМС лежит распределительный принцип финансирования. Несмотря на то, что величина взносов не увязана жёстко со степенью риска, как это характерно для частных страховых компаний, и размер страховых взносов одинаков для всех застрахованных, объём оказываемых каждому из них медицинских услуг существенно различается. Это связано с известным фактом роста потребностей в медицинской помощи с возрастом. Средства перераспределяются от молодых и здоровых к пожилым и больным членам страховых касс. Необходимо отметить ещё один важный социальный компонент немецкой системы ОМС, заключающийся в том, что при обязательном страховании все члены семьи застрахованного являются совместно застрахованными без внесения дополнительных взносов в случае, если доход каждого не превышает определённого минимума (327 евро в старых и 322 евро в новых землях). Таким образом, система обязательного медицинского страхования представляет собой предпочтительный (а зачастую, и единственно возможный) вариант получения медицинской помощи для людей с невысоким уровнем доходов, для семей с детьми с единственным источником дохода, а также для пожилых людей.

Система медицинского страхования ФРГ предполагает существование разветвлённой системы страховых учреждений. Осуществлением ОМС в Германии занимаются около 1500 больничных касс, представляющих собой самоуправляемые финансово-кредитные учреждения, которые выполняют функции фондов обязательного медицинского страхования. Больничные кассы собирают страховые взносы, ведут учёт застрахованных, занимаются организацией и оплатой необходимой медицинской помощи. Существуют больничные кассы предприятий, сельхозработников, союзов ремесленников, больничные кассы моряков и горнорабочих, а также так называемые эрзацкассы *(Erzatzkassen)*, которые занимаются страхованием людей с высокими доходами, для которых в силу существования потолка доходов не предусмотрено участие в общей системе обязательного страхования. В отличие от больничных касс, эрзацкассы не получают государственных дотаций. Если раньше страхование в той или иной больничной кассе осуществлялось по территориальному или производственному признакам (то есть прикрепление было возможно только по месту жительства или месту работы), то в настоящее время каждый работающий может свободно выбирать любую из них. Помимо основных задач, связанных с процессом медицинского страхования, больничные кассы информируют страхователей по всем вопросам, касающимся угрозы для их здоровья и профилактике заболеваний.

В целях защиты совместных интересов больничные кассы объединяются в союзы на федеральном уровне или уровне отдельных земель. Есть два основных вида организации врачей: *объединения врачей (объединения кассовых врачей – Kassenaerztliche Vereinigungen)* и *врачебные палаты*. Союзы больничных касс заключают с объединениями врачей договоры, на основе которых последние обеспечивают обслуживание. В свою очередь, больничные кассы выплачивают объединениям врачей возмещение их расходов. Больничные кассы оплачивают труд врачей и услуги больниц в соответствии с твёрдо установленными тарифами по конкретному заболеванию.

Поскольку большое число частнопрактикующих врачей связаны договорами с больничными кассами, отказаться от обслуживания застрахованных в них больных они не имеют права. Так как страховые кассы, как правило, отводят незначительную установленную сумму за каждого пациента для гонорарного фонда, многие врачи компенсируют потери в доходах за счёт обслуживания бóльшего количества пациентов добровольного медицинского страхования. Объединения врачей гарантируют надлежащую работу своих членов, что предусматривает, в частности, финансовую отчётность каждого врача перед объединением на основе каталога услуг, каждой из которых соответствует определенная ценовая привязка.

Обязательное медицинское страхование

В общей сложности услугами медицинского страхования охвачено порядка 90% населения ФРГ. Это рабочие и служащие, чей месячный доход не превышает 75% от действующей в пенсионном страховании границы исчисления взносов, работающие инвалиды, сельскохозяйственные работники и помогающие им родственники, некоторые группы независимых работников (например,

деятели искусства), пенсионеры, если в течение трудовой жизни они участвовали в пенсионном страховании, работники, прошедшие курс реабилитации после перенесённых профессиональных заболеваний, студенты, а также безработные. В круг не охваченных обязательным медицинским страхованием входят самозанятые лица (индивидуальные предприниматели), государственные служащие и частнопрактикующие врачи независимо от уровня их годового дохода, поскольку считается, что в силу корпоративности они могут получить бесплатную медицинскую помощь у своих коллег. Главным фактором ограничения круга лиц, подлежащих обязательному медицинскому страхованию, является стремление государства обезопасить слои населения с невысокими доходами от обременительных расходов по уплате, как правило, более высоких взносов в системе добровольного медицинского страхования. Немаловажным моментом является также возможность дотаций со стороны государственных структур в случае снижения доходов или потери работы вообще.

В целом, объём медицинских услуг обязательного медицинского страхования достаточно широк и включает в себя:

– Амбулаторное и стационарное лечение, при котором пациент имеет право свободного выбора врача. В круг услуг, предоставляемых в рамках медицинского обслуживания, входит медицинское консультирование, обследование, хирургическое лечение, обеспечение медикаментами, а также предоставление иной врачебной помощи, необходимой и целесообразной в конкретной ситуации. В рамках медицинского обслуживания, осуществляемого за счёт средств фонда обязательного страхования, бесплатно также предоставляются услуги зубного специалиста (за исключением зубопротезирования, размер его оплаты больничной кассой составляет от 30 до 65%) . При стационарном лечении больной имеет право свободного выбора лечебного учреждения, направление в которое производится на основе указания лечащего врача с согласия пациента. Стационарное лечение в рамках ОМС предусматривает определённые условия содержания пациента: общие условия обслуживания, палаты только с несколькими койками и т.п. В случае невозможности госпитализации по каким-либо причинам, медицинская помощь может быть предоставлена больному на дому. После прохождения курса лечения ему может быть предоставлена необходимая помощь для реабилитации с компенсацией всех издержек, в том числе и путевых расходов.

– Выплата денежного пособия в связи с потерей заработка вследствие болезни, максимум которого не превышает 90% последнего нетто-заработка застрахованного.

– Медицинская помощь матерям, которая распространяется не только на застрахованных, но и на незастрахованных замужних женщин, помощь которым оказывается в рамках программ поддержки семьи. Медицинское обслуживание включает в себя врачебные услуги и консультирование беременных и кормящих матерей, помощь при родах и в послеродовой период. Женщины, подлежащие медицинскому страхованию, состоявшие в трудовых отношениях на основании трудового договора, заключённого не менее чем за шесть месяцев до родов, имеют право на получение денежного пособия на время от шести до

восьми недель после рождения ребёнка в размере не меньше, чем заработная плата по предыдущему месту работы. В 1979 году законодательством работающим женщинам было дано право требовать предоставления дополнительного четырёхмесячного отпуска для ухода за ребёнком сверх обязательного двухмесячного, устанавливавшегося законом ранее. На время этого отпуска женщине выделяется пособие от больничной кассы в размере половинной части оклада, определённого ей на её рабочем месте.

– Медицинское обслуживание находящихся за границей. В этом случае предусматривается достаточно ограниченный объём необходимых медицинских услуг только в странах Евросоюза, с которыми у данной больничной кассы существует соглашение об оказании медицинской помощи. Как правило, для получения полного объёма медицинской помощи застрахованным рекомендуется заключать дополнительный договор медицинского страхования.

– Предоставление иной помощи в вопросах регулирования рождаемости, сложных случаях протекания беременности, а также бесплатное обеспечение противозачаточными средствами[1].

Принцип финансовой самостоятельности, лежащий в основе организации учреждений медицинского страхования в ФРГ даёт больничным кассам полное право на принятие решений по всем вопросам, касающимся получения и распределения доходов, что делает их независимыми от предоставления государственных ресурсов. Финансирование ОМС производится: 1) За счёт взносов, поровну уплачиваемых работодателями и работающими по найму. 2) За счёт средств пенсионного фонда, страховых взносов студентов высших учебных заведений. 3) За счёт средств федерального ведомства по труду, которые оно выплачивает за безработных. 4) В незначительном объёме финансирование производится также за счёт государственных дотаций, выплачиваемых больничным кассам для поддержания материнства[2]. 5) Важным источником финансирования системы обязательного медицинского страхования в Германии являются обязательные доплаты со стороны застрахованных лиц. К таким доплатам относятся, например, частичная оплата медикаментов, стоматологических услуг и др. Следует отметить, что механизм соучастия населения в медицинских расходах существует в большинстве стран Европейского Союза, и предназначен в первую очередь для ограничения чрезмерного потребления медицинских услуг и сдерживания роста государственных расходов на здравоохранение. Кроме того, это способствует ограничению предложения услуг со стороны медицинского персонала, поскольку зная, что пациент не сам платит за предоставляемую ему помощь, врач будет склонен рекомендовать более дорогостоящее лечение.

Система ОМС получила в Германии такое развитие, что большинство услуг здравоохранения охватываются обязательным страхованием. В связи с этим не без основания возникают проблемы, связанные со значительным увеличением издержек.

---

[1] Lampert H. Bossert A. Sozialstaat Deutschland. – Muenchen, 1992. – S. 74.
[2] Lampert H., Althammer J. Lehrbuch der Sozialpolitik. – Berlin, 2001. – S. 241.

Существенной проблемой, встающей на пути подобной системы финансирования медицинской деятельности, является непосредственное влияние, которое может оказываться врачами на уровень собственных доходов, осуществляемое посредством выбора не одинаковых по стоимости лечения и медикаментов. Таким образом решение о выборе и способе лечения и применяемых для этого средств, находящихся в компетенции врача, даёт ему, так сказать, "ключ к несгораемому шкафу кассы, в котором находятся деньги"[1]. Совокупный доход врача определяется как разница между издержками и оборотом, включающим в себя такие составляющие, как число пациентов кассы, среднее число визитов к врачу, количество услуг, оказанных каждому пациенту за посещение и личный гонорар. Поскольку около 90% населения являются участниками ОМС, то есть членами больничных касс, то их взносы являются средством к существованию для большинства врачей. Так как качество обслуживания во многом зависит от времени, затраченного врачом на каждого пациента, то большие издержки, связанные с лечением, тем самым должны ущемлять его доход. Серьёзной проблемой обязательного медицинского страхования Германии, проявившейся в последние годы, является опережающий увеличение заработной платы и страховых взносов рост расходов на лечение. Это приводит к сокращению финансирования здравоохранения, что неизбежно сказывается на ухудшении качества оказываемых медицинских услуг. Это проявляется, в частности, в том, что врачи с целью уменьшения расходов вынуждены отказываться от дорогостоящих обследований и лечения, выписывать более дешёвые, но менее эффективные препараты, а в стационарах – отказывать пациентам в операции.

Пути преодоления негативных явлений, существующих в ОМС Германии, обозначены в ходе осуществляемой сейчас в стране реформы здравоохранения. В качестве её базовых элементов можно выделить следующие положения: 1) Уменьшение количества предоставляемых в рамках ОМС медицинских услуг. Это планируется сделать за счёт увеличения доли участия населения в оплате медицинских услуг. 2) Предполагается изменить порядок взимания взносов, который будет учитывать не только уровень заработной платы, но и другие доходы, такие, как доходы от ценных бумаг или побочной предпринимательской деятельности. 3) Важным моментом для улучшения качества медицинских услуг является расширение прав врачей, что позволит им индивидуально вести переговоры со страховыми кассами о медицинских услугах без посредничества объединения врачей. 4) Предусматривается также расширение прав застрахованных, что позволит последним иметь больше информации о врачах и методах лечения. 5) Важным элементом реформы здравоохранения является требование обязательности страхования каждого. Это увеличит объём поступаемых средств за счет привлечения в ОМС ранее не обязанных страховаться в ней отдельных групп населения. 6) Поскольку расходы больничных касс на лекарства постоянно увеличиваются, предполагается упорядочить функционирование рынка медикаментов, существенно сократив набор фармпрепаратов, которые оплачиваются больничными кассами. Кроме того, предусматривается усиление контроля

[1] Lampert H. Sozialpolitik, Berlin, 1980. – S. 235.

за ростом цен на медикаменты, а также установление материальной ответственности врачей за выписку лекарств, стоимость которых превышает законодательно установленные бюджетные ограничения.

Добровольное медицинское страхование

Альтернативой (и дополнением) ОМС в Германии является добровольное медицинское страхование, распространяющееся на граждан, которые в силу высоких доходов или профессиональной деятельности не подлежат ОМС, а также на тех лиц, которые имеют средства и желание получать дополнительную помощь. Существование в стране двух различных форм страхования по болезни стимулирует конкуренцию на рынке медицинских услуг. Основным фактором, определяющим различие между системами обязательного и частного медицинского страхования, является доход, размер которого составляет 40,034 евро в год. Если доход выше, то гражданин имеет право на услуги частного страхования.

В отличие от обязательного добровольное медицинское страхование предлагает больший объём медицинских услуг. Например, в рамках ДМС существует свободный выбор стационара, а также улучшенные условия пребывания в нём, услуги личного врача, возмещение до 100% расходов, связанных со стационарным лечением (в ОМС, как правило, часть издержек возмещается пациентом). По сравнению с ОМС, в котором размер взносов не зависит от степени вероятности наступления страхового случая, взносы в системе ДМС формируются с учётом индивидуального риска. Частные страховые компании используют для этого большое количество различных региональных и профессиональных тарифов. Поскольку значительное влияние на размер страховых взносов оказывают возрастные характеристики, наиболее выгодными ставки в ДМС являются для людей молодого возраста. Следует отметить, что в последние годы объём расходов населения Германии в ДМС постоянно увеличивается в среднем на 5%[1]. Существенным отличием от системы ОМС является то, что для каждой возрастной группы застрахованных в ДМС существует собственное финансирование своих расходов. В условиях общего усложнения демографической ситуации во всех европейских странах (увеличение числа пенсионеров по отношению к работающей части населения) такая система формирования страховых взносов не зависит от этой тенденции и в перспективе ДМС может быть одним из способов избежать накапливающихся финансовых затруднений в системе ОМС.

Формирование страхового фонда в системе ДМС основывается на смешанном распределительно-накопительном принципе финансирования. Ежемесячно из страхового взноса каждого застрахованного выделяется некоторая сумма, которая помещается под проценты в накопительный резерв капитала. Эта часть средств призвана обеспечить повышенные потребности застрахованного в пожилом возрасте. С возрастом часть взноса, выделяемая в “сберегательную часть”, постепенно сокращается. Таким образом, если в ОМС проблема увеличения объ-

[1] Jahrbuch 2002. Die deutsche Versicherungswirtschaft. GDV. – Karlsruhe, 2002.

ёма необходимых медицинских услуг решается путём солидарного перераспределения от молодых к старым, то, как видно, в ДМС неизбежный рост медицинских расходов учитывается с помощью включения их стоимости в страховой взнос с самого начала. Следует отметить, что такому механизму финансирования присущи определённые недостатки. В первую очередь это связано с трудностью перевода накопительной части страхового фонда при смене клиентом страховой компании. В принципе такая возможность, разумеется, существует, однако, как правило, она не применяется на практике: сберегательная часть, предназначенная для покрытия повышенных расходов на медицинское обслуживание в пожилом возрасте, обычно не передаётся в другую страховую компанию, а средства этой части не выплачиваются застрахованному. По этой причине факты смены страховой компании в Германии достаточно редки. Это создаёт, с одной стороны, определённую стабильность рынка частного страхования, а с другой, ограничивает конкуренцию компаний ДМС за клиентов.

В качестве отличительных особенностей ДМС можно назвать и более высокие размеры пособий по болезни (они страхуются отдельно), возмещение расходов на курортное лечение, возможность получения полной медицинской помощи за рубежом (поскольку не требуется заключения дополнительного к основному договора страхования), а также освобождение от уплаты взносов в случае не обращения за медицинской помощью в течение от 1 до 6 месяцев (ОМС такой услуги не предусматривает).

В отличие от обязательного в системе частного медицинского страхования заключение страхового договора происходит исключительно на добровольной основе, содержание которого (объём и качество медицинских услуг) оговаривается сторонами. В отличие от ОМС в системе частного страхования страхуемый, получая медицинское обслуживание, обязан оплатить его сам, после чего, предъявив оплаченный счёт страховой компании, может получить соответствующую компенсацию расходов на лечение согласно договору страхования. Исключение существует для оплаты лечения в стационаре, расходы на которое могут оказаться обременительными для пациента. При наличии договорённости между страховой компанией и застрахованным, они могут быть оплачены без участия последнего. Страхование в ДМС для таких категорий населения, как безработные (если они были ранее застрахованы в ДМС) и студенты, отличается от общего порядка. Дело в том, что частичное финансирование их участия берёт на себя соответствующее государственное учреждение. В первом случае это Федеральное ведомство по труду, а во втором – комитет по образованию. Страховые компании, работающие на рынке частного медицинского страхования, непосредственно не ограничивают объём оказываемой медицинской помощи. Застрахованный должен следить сам за тем, чтобы необходимые ему медицинские услуги покрывались объёмом страхования по договору, а значит, самостоятельно решать, какая форма лечения или обследования ему больше подходит. Итак, в отличие от ОМС, добровольное медицинское страхование предлагает более высокую степень самостоятельности пациента и одновременно бóльшую его ответственность.

Опыт Германии: уроки для России

Немецкий опыт организации системы здравоохранения, несомненно, заслуживает пристального внимания: он является не только интересным, но и полезным для использования в России. Однако, обращаясь к этому опыту, необходимо помнить о причинах, приведших к введению медицинского страхования в Германии. Прежде всего это существование обширного частного сектора здравоохранения с высокими ценами на медицинские услуги. Именно поэтому идея общедоступности этих услуг населению стала ключевой в реализации немецкой модели страхования, чему способствовали сложившиеся рыночные отношения в экономике. Страховая медицина была выбрана в качестве механизма снижения финансовой нагрузки на население в результате постоянного роста цен на медицинские услуги.

Становление медицинского страхования в России проходило в принципиально иных условиях. Во-первых, в отличие от Германии в России практически отсутствовал частный сектор в здравоохранении. Во-вторых, необходимой предпосылкой эффективного действия страховых систем является достаточно высокий уровень доходов населения: только тогда страховая система окажется эффективной. Кроме того, с этим условием напрямую связана проблема обеспечения равного доступа и оплаты медицинской помощи, оказываемой лицам из групп повышенного риска (престарелые, бедные, инвалиды). Доказывать то, что большинство населения нашей страны из-за низкого уровня своих доходов попадает в подобную группу риска, наверное, не нужно. В России, как и в других постсоциалистических странах, выбор страховой системы был обусловлен стремлением расширить источники финансирования здравоохранения и получить новые каналы стабильного получения дополнительных средств. Предполагалось, что внедрение страховой системы финансирования создаст институциональные условия для повышения эффективности использования ресурсов в здравоохранении. Однако в отличие от России в Германии вопрос об участии населения в оплате лечения не имел такого общественного резонанса. В немалой степени это было вызвано тем, эта система формировалась в Германии не разовым декретом, а постепенно, серией законодательных актов, которые расширяли сферу социальных гарантий. Причём каждый новый шаг соизмерялся с реальными возможностями и сопровождался тщательным анализом ресурсной базы. Современное состояние здравоохранения и медицинского страхования в России требует столь же взвешенного комплексного реформирования всей системы медицинского страхования.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ
("круглый стол")

17 мая 2006 года в Институте Европы РАН прошло очередное заседание научного совета "Партийно-политические системы XXI века". На этот раз предметом обсуждения стала весьма актуальная в сегодняшней Европе тема активизации малых партий и движений, действующих в различных регионах нашего континента. своё мнение высказали учёные из Института Европы, Института социологии, Института экономики, Института этнологии и антропологии, представители профессорско-преподавательского состава Российского государственного гуманитарного университета и Московского государственного университета.

Дискуссия показала, что партии регионально-этнического толка активно действуют во многих государствах нашего континента. В одних случаях (Латвия, Литва, Словакия, Румыния, Финляндия) их политические решения касаются вопросов культурно-национальной автономии, сохранения языковой идентичности. В других, прежде всего в странах бывшей Югославии, в центре внимания повышение статуса автономий в рамках новообразовавшихся государств. Наконец, в целом ряде государств (Италия, Испания, Бельгия, Франция) на поверхность, подчас, выходят явно сепаратистские настроения отдельных региональных партий. Причём такие политические движения, как Лига Севера (Италия), Фламандский интерес (Бельгия) выдвигают лозунги, сходные с национал-радикальными течениями, требуя, в частности, ужесточения иммиграционного законодательства.

В процессе дискуссии было обращено внимание на то, что власть имущие ряда стран (Великобритания, Испания) идут на диалог с представителями местных региональных движений, стремясь перевести стрелку перманентно возникающих конфликтов в русло партийного демократического процесса. В других странах (Финляндия, Румыния, Болгария) партии регионально-этнического толка участвуют в коалиционных правительствах, что также смягчает остроту противоречий по вопросам, касающимся национальных меньшинств. Как положительный фактор участники дискуссии оценили и привлечение региональных партий к работе Европарламента, где проходят обкатку важные проблемы регионально-этнического характера.

В целом, дискуссия в формате "круглого стола" показала растущий интерес политологов и историков к малоисследованной теме современного партийного дискурса.

Швейцер В.Я.,
доктор исторических наук

НОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ ("круглый стол")

Российско-германские отношения после саммита в Томске стали темой "круглого стола", организованного Центром германских исследований Института Европы РАН 24 мая 2006 года.

Это мероприятие стало второй встречей германистов, а также представителей немецких партийно-политических фондов в России и посольства ФРГ в Москве, посвященной внешней политике Германии. Первый ситуационный анализ был проведен экспертами 29 сентября 2005 года[1]. Тогда учёные попытались спрогнозировать развитие внешней политики Германии, исходя из итогов сентябрьских выборов в Бундестаг. Сложность анализа заключалась в том, что на момент его проведения ещё не было известно, кто станет канцлером и каким будет состав правительства. В результате дискуссии был сделан вывод, что независимо от состава будущей коалиции внешняя политика Германии сохранит свою преемственность и значительных изменений не произойдет.

Принимая участие в майском заседании, эксперты подтвердили справедливость прогнозов, сделанных ими ранее и обсудили основные итоги внешнеполитической деятельности кабинета Ангелы Меркель за прошедшие полгода.

В своем вступительном слове руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН В.Б. Белов отметил, что конец мая 2006 года стал, наверно, таким сроком, когда можно посмотреть, что конкретно изменилось во внешней политике Германии за прошедшие месяцы. Не случайно госпожа Меркель после встречи с В. Путиным в Томске сразу же отправилась в Вашингтон. После визита в США было сделано соответствующее заявление в отношении Европейского Союза в контексте будущего председательства Германии в первом полугодии 2007 года в ЕС, а также состоялся визит А. Меркель в Китай. Каждое из этих событий, по мнению эксперта, было в какой-то мере связано с Томском. Именно там, считает В.Б. Белов, были поставлены окончательные точки над "i" в основных направлениях развития отношений между нашими государствами.

По мнению собравшихся германистов, томская встреча окончательно сняла все опасения в отношении того, что жёсткие заявления оппозиции во время предвыборной борьбы в Германии в сентябре 2005 года скажутся на конкрет-

---

[1] *Тимошенкова Е.П.* "Завтрашний день российско-германских отношений". //Современная Европа, 2005, № 4.

ных областях российско-германского сотрудничества.

"Наши отношения остались неизменными, они наполнились стратегическим характером",- подчеркнул В.Б. Белов, принимавший участие в Томском саммите. По его мнению, личный уровень отношений между главами государств можно охарактеризовать как отношения конструктивного доверия.

В.Б. Белов отметил схожесть позиций России и Германии в связи с расширением ЕС, иранской проблемой, энергетической безопасностью, подчеркнув, что наши двусторонние отношения во многом формируют позицию и Европы, и США, касающуюся России. При этом он особо отметил, что современные российско-германские отношения – это в первую очередь отношения России с Европой, и Германия позиционирует себя как составная часть Европы.

Германия придерживается конструктивного подхода по вопросу дальнейшего развития Европейского Союза. Канцлер А. Меркель чётко обозначила понимание роста границ ЕС. На первое место она ставит качественные проблемы развития этой организации: формирование единой экономической политики, в том числе в области энергетики, единой внешней политики, и, самое главное, принятие европейской конституции. В отношении постсоветского пространства Германия отчётливо проявила свой интерес к энергетической составляющей, интерес к Каспийскому и Среднеазиатскому региону. Однако судить о том, насколько Германия готова сотрудничать в этой области с Россией, или же она намерена развивать эти отношения параллельно, возможно в конкурентном плане, пока трудно. Относительно взвешенно, по мнению Белова, Германия подходит к Белоруссии, не поддаваясь в этом вопросе давлению США. И здесь В.Б. Белов видит потенциал для сотрудничества между нашими странами.

Свою интерпретацию дал эксперт Института Европы И.Ф. Максимычев. По мнению учёного, обещания А. Меркель вести отличную от предыдущего кабинета политику, во многом остались риторическими упражнениями. Ситуация напоминает первые шаги канцлера Г. Шрёдера по отношению к Москве, когда он обещал говорить с Россией жёстким языком. "А. Меркель больше не учит нас грамоте, - отметил Максимычев, - И это положительно воспринято в России". Исследователь считает, что подобная ситуация нормальна, поскольку с правами человека везде имеются определённые трудности. Но поведение германских СМИ по отношению к России вызывающе безобразно, особенно по газовому спору с Украиной. Потребители информации в Германии до сих пор не знают, что Украина откровенно воровала и продолжает воровать следующий транзитом европейский газ. Однако официальный Берлин к истерике по этому поводу не подключился даже после того, как вице-президент США обнародовал в Вильнюсе на этот счёт свои директивы. И это огромный плюс для наших отношений с Германией, констатировал И.Ф. Максимычев.

Успех в Томске был во многом подготовлен Г. Шрёдером, который своевременно оценил фундаментальное значение российских энергоносителей для Германии и всей Западной Европы. Но дальше А. Меркель самой предстоит расставлять акценты в этих отношениях. Перспективы их развития очень хорошие, но их надо реализовывать.

Что касается Украины, Молдавии и Грузии, то ФРГ, по мнению Максимы-

чева, проявляет сдержанность, равнозначную государственной мудрости. Прагматична и взвешенна позиция канцлера Меркель и в отношении дальнейшего расширения Евросоюза. Исследователю хотелось бы, чтобы такой же была позиция ФРГ и в вопросах расширения НАТО. Оба эти процесса ведут к напряжённости в отношениях России с Западом.

В заключение И.Ф. Максимычев подчеркнул, что единой Европы как таковой не существует. Есть Западная Европа с её взвешенной и вдумчивой политикой и есть Центральная Европа, которая находится под большим влиянием США и действует абсолютно без всякой оглядки на западноевропейских партнёров.

На проблему отсутствия единой европейской внешней политики обратил внимание и немецкий эксперт – руководитель Московского представительства Фонда им. Розы Люксембург П. Линке. Именно поэтому, по его мнению, нельзя ставить знак равенства между российско-германскими и российско-европейскими отношениями. Более того, рассуждая об отношениях между нашими странами, необходимо учитывать их многоуровневый характер: есть уровень официальной политики, и официальных заявлений. На этом уровне все политкорректно, и никто не говорит о национальных интересах, речь идёт о европейском подходе. Но существуют и другие уровни, например так называемые центры мозговых атак, где вещи называются своими именами. П. Линке считает, что в основе российской политики Германии лежат прежде всего национальные интересы и только затем европейские.

Свое несогласие с данной точкой зрения высказал руководитель московского представительства Фонда им. К. Аденауэра Т. Кунце. Он предостерёг участников круглого стола от недооценки перспектив развития Европейского Союза. По мнению эксперта, провал принятия единой европейской Конституции ещё не означает поражения ЕС. И здесь немецкий канцлер А. Меркель может внести свой вклад в решение проблемы.

В заключение, отвечая на упрёк И.Ф. Максимычева о восточном демарше НАТО, Томас Кунце посоветовал российским коллегам подумать, почему соседи России не хотят оставаться в СНГ, а стремятся в ЕС и Североатлантический Альянс. Россия - великая держава и намерена остаться таковой в будущем, именно поэтому она должна заботиться о собственной привлекательности.

Чрезвычайный и полномочный посол в отставке П.Ф. Лядов согласился с тезисом Т. Кунце о том, что особых российско-германских отношений не существует. Однако добавил, что подобные отношения могли бы оказать благотворное влияние не только на Европу, но и на мир в целом.

На переменах, возникших в российско-германских отношениях с приходом к власти А. Меркель, подробно остановился профессор МГИМО МИД РФ А.В. Загорский. В своём выступлении он выделили три наметившиеся тенденции. Первое изменение касается стилистики или политкорректности в отношениях - оно было предсказуемо и ожидаемо. А. Меркель в отличие от своего предшественника Г. Шрёдера начала задавать критические вопросы. Хотя никто в Германии не ждёт, что постановка этих вопросов будет иметь какие-либо последствия для российской политики. Это делается, вероятно, для того, чтобы публично сбалансировать “перекосы” политики Шредёра.

Второе изменение заключается в том, что прежний федеральный канцлер

воспринимал себя локомотивом, который проводил интересы России в ЕС, иногда кооперируясь с Италией, иногда с Францией. Новый руководитель ФРГ этого делать не станет. Германия не будет больше выступать "адвокатом" России внутри ЕС. А если учитывать, что уже ушёл Берлускони, и скоро уйдёт Ширак, то можно говорить о новой тенденции, возникшей в российско-европейских отношениях. Сегодня в ЕС считается неприличным заступаться за Россию. Возможно, считает Загорский, это явление носит временный характер.

Третье изменение, по словам А.В. Загорского, касается отношения к В.В. Путину лично. Эксперт считает, что ни в Германии, ни в Европе не готовы принять В.В. Путина на третий срок президентства. Подобный шаг со стороны главы российского государства будет рассматриваться как нарушение Конституции РФ. Но в целом, подчеркнул учёный, все эти изменения носят косметический характер и существенного влияния на содержание российско-германских отношений не оказывают.

Другой участник круглого стола В.Я. Швейцер обратил внимание присутствующих на то, что коалиция ХДС/ХСС и СДПГ носит временный характер и представляет баланс интересов обеих партий. Следовательно, ситуация может измениться в зависимости от того, какая партия окажется у власти в будущем.

По мнению эксперта Центра германских исследований ИЕ РАН В.С. Рыкина, независимо от того, какая партия придет к власти вслед за "большой коалицией", значительных изменений в будущих российско-германских отношениях не произойдёт, так как в их основе лежит прочный фундамент. Подобную точку зрения высказала и немецкая коллега профессор Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана М. Моммзен, отметив с сожалением, что в российском обществе пока недооценивают лидерские качества А. Меркель.

Российские участники согласились с немецкими гостями, что популярность А. Меркель в России не так высока, как у её предшественника Г. Шрёдера. Но ситуацию можно исправить, используя, например, еще не раскрученный СМИ факт, что канцлер родилась в ГДР, поскольку восточные немцы в силу исторических причин нам более близки и понятны.

Небольшую дискуссию среди участников круглого стола вызвало предложение В.С. Рыкина о необходимости заключения нового договора между Россией и Германией, поскольку Большой договор 1990 года, заключённый между нашими странами, устарел и не отражает актуальное развитие российско-германских отношений. Подписание подобного соглашения способствовало бы, по мнению учёного, новому осмыслению наших отношений и наполнило бы их более конкретным содержанием. Не все участники согласились с этим тезисом. Согласно другой точке зрения, существующий между Россией и Германией механизм взаимоотношений довольно чётко отлажен и соответствует современному уровню развития отношений между нашими странами.

Е.П. Тимошенкова,
аспирант Института Европы РАН

КОНКУРЕНЦИЯ ДВУХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕГРАЦИЙ (семинар)

Отношения РФ и ЕС с европейскими странами постсоветского пространства стали предметом обсуждения на семинаре "Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества", прошедшем 8 июня 2006 года в Институте Европы. В адрес института прозвучали слова благодарности за партнёрство от М. Бубе, руководителя представительства Фонда Ф. Эберта в Москве, совместно с которым проводится настоящая серия семинаров.

На недостаточную проработку в Европейском союзе проекта расширения указал академик Н.П. Шмелёв. По его мнению, он контрастирует с другими инициативами ЕС, блестяще реализованными в XX веке. В эйфории успеха, как сказал академик, Союз теряет чувство меры. ЕС может надорваться под бременем Турции с её 70 млн населением или Украины с 60 млн граждан и закончить свою историю подобно краху наполеоновского, гитлеровского, наконец, советского имперских проектов. Такая близорукость ЕС создаёт во многом искусственный надстроечный конфликт между двумя моделями интеграции: европейской и интеграцией на постсоветском пространстве. Учёный отметил, что политические амбиции ЕС и России применительно к постсоветскому пространству соседствуют с нежеланием оказывать финансовую помощь этому региону и принимать от него неконкурентоспособную продукцию. Однако именно Россия видится той силой, которая ответственна и способна обеспечивать благополучие региона.

Заместитель директора Института Европы Ал. А. Громыко предложил следующие направления дискуссии: чем является сегодня постсоветское пространство Европы – яблоком раздора или полем для сотрудничества; кто его акторы – государства-буферы либо государства-сателлиты или это мосты, скрепляющие интеграционные процессы в Большой Европе. Громыко констатировал, что всё чаще звучит идея так называемой евросферы, сторонники которой включают в это понятие не только ЕС в составе 25 государств плюс три государства-кандидата, но и страны СНГ, Ближнего Востока, Северной Африки и даже государства южнее Сахары (всего более 100 стран). В связи с этим возникают вопросы: по плечу ли ЕС реализация такого грандиозного проекта или же начало XXI века станет периодом заката европейской интеграции; станут ли фрагментация/регионализм и протекционизм/экономический патриотизм характерными чертами будущего Европы.

Одной из главных задач, по мнению заместителя главы представительства Комиссии ЕС в России П. Вандерена, является создание условий для открытого, прозрачного и рыночно ориентированного постсоветского пространства посредством принятия сопоставимых стандартов, строительства сетей инфраструктуры в области транспорта и связи, совместной борьбы с нелегальной миграцией, торговлей людьми и наркотиками. Научное видение европейского ин-

теграционного процесса, как отметила Х. Смит (Университет Хельсинки), может расширить изучение политики ЕС. Антитезу мнению об имперском синдроме Евросоюза предложила М.В. Стрежнева (ИМЭМО). Европейской политикой соседства, так же, как и концепцией четырёх пространств, ЕС демонстрирует, что как раз не возражал бы затормозить процесс расширения. Однако "соседство" заслуживает критики, поскольку не привязано чётко ни к сфере внутренней политики ЕС, ни к сфере его внешних интересов

Отношения ЕС и России с европейскими странами постсоветского пространства А.Ю. Скворцова, руководитель представительства Министерства международного развития Великобритании в Республике Молдова, определила следующим образом: "Это отношения между плохими воспитателями и детьми, это требование полного послушания без учёта интересов и характеров детей". Вспоминая события последних пятнадцати лет, А.Ю. Скворцова отметила, что Молдова была принята во все основные международные организации, и это принесло ей статус образцового государства со строящейся демократией. В 1991 году она вступила в СНГ, в 1992 году стала членом ООН и ОБСЕ, в 1995 году – членом ЕБРР. В этом же году страна одна из первых среди стран бывшего СССР вступила в Совет Европы. В 1998 году Молдова подписала Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве с ЕС, а в 2001 году – Пакт стабильности для стран Юго-Восточной Европы и стала членом ВТО. Однако вступление в многосторонние структуры не принесло Молдове весомых дивидендов. Неудачи СНГ генерировали разочарование в общественном мнении страны, а участие в Пакте стабильности дало слабую надежду на углубление отношений с Евросоюзом. Поэтому атаки руководства Молдовы на Брюссель становятся всё активнее. Однако это происходит на фоне серьёзных проблем в экономике, связанных с отсутствием возможностей для развития и абсорбации внешней финансовой помощи. И всё же положительная динамика во внешних связях с ЕС наблюдается. В частности, за последние пять лет экспорт в ЕС увеличился в 21,7% до 29,7%.

Собравшимся был представлен труд учёных Института международных отношений Киевского государственного университета им. Т. Шевченко "Украина в постбиполярной системе международных отношений". Любая односторонняя ориентация Украины, как определил В.А. Манжола, представивший сборник, дала бы стране лишь статус буферной зоны. Избранный Украиной сложный путь – балансирование между двумя ведущими силами Европы – ЕС и Россией – позволяет стране в будущем стать мостом, консолидирующим эти силы, и внести вклад в формирование новой европейской архитектуры. Ю.А. Борко (Институт Европы) добавил к этому тезис о неполноте и даже невозможности создания Общего экономического пространства между Россией и ЕС без участия Украины и Молдовы. Указывая на трудности становления общего экономического пространства, Ю.А. Борко заметил, что произойдёт не одна смена руководителей стран-участниц, прежде чем это пространство станет действительно возможным.

Наименее определённым остаётся выбор Белоруссии. И. Кемпе (Центр прикладных политических исследований Германии) и другие участники отметили возрастание в Европе озабоченности белорусской ситуацией. При этом отноше-

ния с Белоруссией всё ещё остаются застывшим вопросом в повестке дня как ЕС, так и России. "Происходящее в Белоруссии видится в ЕС только в чёрно-белом цвете. И от этого всем только хуже", – добавил Ал. А. Громыко. "50% экспорта Белоруссии сегодня направляется в Западную Европу и 30% идёт в Россию, но за этими цифрами стоит лишь конъюнктура цен на экспортную продукцию. В действительности в отношениях Белоруссии с ЕС продолжается ухудшение ситуации. Без связей с Россией экономика страны не может существовать", – отметил В. Поздняк, директор Международного института политических исследований (Белоруссия). Отсутствие де-факто Союза Белоруссии и России приближает для Белоруссии момент истины, заключающийся в необходимости выбора дальнейшего пути развития. По мнению эксперта, возможен следующий расклад вариантов. Крайне маловероятным видится вариант вхождения Белоруссии в состав России. Вместе с тем возможен и другой вариант, когда руководство Белоруссии пойдёт на значительные экономические и политические уступки России. Однако и он был оценён как относительно маловероятный. Был рассмотрен и третий вариант: когда Минск будет упорствовать в своем желании сохранить автономность своего внутриполитического курса. Однако при задействовании инструментов экономического давления со стороны Кремля развитие ситуации может привести к смене власти и постепенной трансформации режима в Белоруссии. В этом случае можно ожидать выравнивания дисбаланса в отношениях страны с Востоком и Западом, а также официального заявления о том, что Белоруссия была бы заинтересована в установлении тесного сотрудничества с ЕС (в докладе прозвучала ссылка на недавние заявления лидеров белорусской оппозиции). На сегодняшний день белорусские власти, по словам В. Поздняка, оценивают европейскую политику соседства как недейственную в отношении Белоруссии. Они желали бы, чтобы для республики действовала отдельная стратегия, в разработке которой Минск участвовал бы на равных с Брюсселем.

Суверенные государства бывшего СССР, безусловно, имеют право на свободу выбора внешнеполитической ориентации, но наряду с этим за эти государства до сих пор ведётся неприкрытая борьба. Её следствием, как заключил В.И. Мироненко (Институт Европы) становится дальнейшая дезинтеграция постсоветского пространства и превращение его в "пост-постсоветское". Поэтому рассмотрение проблемы с позиций трёх сторон: Евросоюз – Россия – европейские страны бывшего СССР позволяет надеяться на прояснение ситуации и торможение конфликта между европейской интеграцией и интеграцией на постсоветском пространстве. В ходе дальнейшей дискуссии многие участники высказывали мнение о том, что ЕС всё-таки будет жёстко противиться любой координации действий постсоветских государств.

Наличие российского контингента в ряде стран бывшего СССР едва ли сегодня можно назвать миротворчеством. По мнению Г.М. Амнуэля (открытый клуб "Международный диалог"), Россия желает не разрешить конфликты, а выиграть в них и весьма ревностно относится к появлению на этом поле других игроков. Тем не менее "роль России в решении конфликтов и содействии экономическому и культурному прогрессу в рассматриваемом регионе будет оста-

ваться определяющей", – отметило большинство участников третьей секции "Отношения РФ–ЕС и перспективы миротворчества на постсоветском пространстве". "Будет ли эффективен ЕС?", – задался вопросом А. Спрудс, Латвийский институт международных отношений, Рига, посвятивший своё выступление проблеме нелегитимности и предвзятости миротворческих миссий. В частности, одним из последствий миротворчества Спрудс назвал консолидацию идентичности, замораживание, а не решение конфликтов.

В последнее время, подчеркнул заведующий отделом европейской безопасности Института Европы Д.А. Данилов, раздаётся все больше и больше деклараций о том, что отношения РФ-ЕС развиваются позитивно. Не призваны ли эти декларации закамуфлировать реальные противоречия и разногласия, которые всё острее проявляются как в политической области, так и в сфере международных отношений? Стороны фактически придерживаются различной логики сотрудничества. Для ЕС – это расширение интеграционного пространства на основе европейских демократических ценностей, норм и стандартов. Для России – скорее, прагматическое сотрудничество на основе равноправия и учёта взаимных интересов (один из последних примеров – различия в подходах к Энергетической хартии). Внутренняя неопределённость с обеих сторон (конституционные, адаптационные проблемы – в ЕС, трансформационные проблемы – в России грядущие президентские выборы) – это та среда, в которой формируются отношения между ЕС и Россией и которая объективно также создаёт много препятствий.

В целом во время семинара указывалось, что ЕС признаёт важность сотрудничества с Россией на международной арене, но при условии, что это не будет противоречить европейским общим ценностям. Однако ситуация такова, что именно по ценностным критериям подходы ЕС и РФ существенно различаются. Участники семинара пришли к сдержанно оптимистичной оценке перспектив отношений между Россией и ЕС.

Характеризуя стиль работы институтов и органов ЕС как проволочки, провалы и медленный, тщательный, трудный поиск компромисса, эксперты тем не менее отметили, что такой стиль позволяет ЕС существовать до сих пор и иметь за плечами завидный багаж достижений вопреки мнениям скептиков. В диалоге с Россией превалирует тот же ритм, и за короткий период с 2001 года сторонам удалось подписать более двадцати конкретных соглашений. Но на сегодняшний день лишь с большой осторожностью можно говорить о том, что поставленные сторонами задачи выльются в совместные акции по их решению.

Н.Б. Кондратьева,
к.э.н., с.н.с. отдела европейской интеграции
Института Европы РАН.

К.С. Вяткин,
к.и.н., с.н.с. отдела европейской безопасности.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И БИЗНЕС ("круглый стол")

В российском обществе на уровне как учёных, экономистов, законодателей, политиков, так и представителей гражданского общества всё чаще поднимается вопрос о социальной ответственности бизнеса, о поиске механизмов реального повышения эффективности социально ответственного поведения российского бизнес-сообщества и формах общественного контроля над этими процессами. Обсуждению этой проблемы был посвящён круглый стол, прошедший в Институте Европы РАН 26 мая 2006 года. В подготовке и проведении "круглого стола" также приняли участие НИИ системного анализа Счётной палаты РФ, Совет социальных исследований и общественная организация фонд "Социальная экология".

Участие институтов гражданского общества в общественном контроле над бизнесом, как отметил директор Института Европы академик Н.П. Шмелёв, может стать одним из самых важных аспектов формирования гражданского общества в России. У нас есть давний исторический опыт попыток добиться широкого участия людей в определении социального и экономического развития общества, но, скажем честно, процессы развития земства и укрепления мира крестьянской общины не получились. Сейчас идёт медленный мучительный процесс становления гражданского общества, который займёт не одно десятилетие, и который призван прежде всего решить проблему создания системы местного самоуправления, по существу, фундамента гражданского общества. В настоящее время перед гражданским обществам в практическом плане на первом месте стоят социальные проблемы. Социальное положение в стране достаточно тяжёлое. В России труд оплачивается иногда в десятки раз ниже, чем в западных странах. Мы не можем достичь уровня оплаты в размере 3 долларов в час, то есть 500 долларов в месяц, что по западным меркам совсем не много. Большой проблемой для нас является и чудовищный разрыв в доходах 10 процентов самых богатых и 10 процентов самых бедных. В Европе это соотношение порядка 1:5–6, а у нас – 1:15 (а по неофициальным данным – 1:60). Такое состояние можно назвать взрывоопасным.

Тема "круглого стола", как подчеркнул Н.П. Шмелёв, прямо соприкасается с темой социального партнёрства, а эта тема, в свою очередь, напрямую затрагивает проблемы профсоюзов, как наиболее массовых организаций трудящихся, которые находятся в настоящее время в недопустимо ослабленном состоянии. В результате, в стране, как не было обратной связи между основной массой населения и правящей верхушкой, так её и нет до настоящего времени, хотя мы видим, что в последнее время предпринимаются попытки наладить деятельность Общественной палаты и ряда общественных организаций. Всё это, по словам Н.П. Шмелёва, вызывает тревогу, поскольку эти процессы происходят на фоне отсутствия ёмкой перспективной социальной концепции развития российского общества.

Выступления зарубежных участников "круглого стола" (например, профессора Марко Риччери) показали, что озабоченность общества вопросами социальной ответственности бизнеса присуща не только России. В развитых странах в последние годы многие компании считают нужным подчёркивать, что они проводят социально ответственное инвестирование – это не только повышает их авторитет в глазах общественности, но и положительно влияет на курс акций этих компаний.

Об отечественном варианте социальной отчётности в виде "Стандарта социальной отчётности предприятий и организаций, зарегистрированных в РФ" рассказал заместитель председателя ТПП России В.Б. Исаков. Этот упрощённый стандарт подготовлен с учётом основных принципов выше названных международных стандартов.

На "круглом столе" прозвучала мысль о том, что было бы очень важно сформулировать подходы российских профсоюзов как наиболее структурированной, массовой и влиятельной части гражданского общества к оценке социальной ответственности бизнеса, тем более что положительный опыт в этом направлении уже имеется, например, у Международного объединения профсоюзных организаций ОАО "ЛУКОЙЛ".

Однако пока остаётся нерешённой самая большая проблема при проведении социального аудита – отсутствуют критерии оценки профессионального уровня специалистов и организаций, привлекаемых для проведения социального аудита бизнеса. Опыт социального аудита западных компаний показывает, что большая часть проблем возникает именно с достоверностью приведённых в отчетах фактов и показателей, касающихся не экономической и экологической, а именно социальной части.

А.А Канунников,
к.и.н., президент фонда
"Социальная экология"

РЕЦЕНЗИИ

РОССИЯ, СНГ И СТРАНЫ ЦВЕ – НОВОЕ АКТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Несколько лет назад Институт международных экономических и политических исследований РАН выпустил трехтомный труд (в четырех книгах) "Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века" [1]. По нашему мнению, этот труд явился крупным успехом отечественной науки в исследовании комплекса узловых проблем, затрагивающих центрально-восточный европейский регион и имеющих самое непосредственное отношение к интересам СССР/России[2].

Новый коллективный труд[3] представляет собой продолжение названного масштабного проекта. В нём, во-первых, существенно расширен круг вопросов, составляющих предмет анализа, и прежде всего рассматривается важнейший с теоретической и практической точки зрения аспект отношений России и ЦВЕ. Во-вторых, авторский коллектив прослеживает трансформации не только политических и экономических, но и социальных преобразований в России и странах ЦВЕ, а также в СНГ, последствия таких трансформаций для отношений с РФ. Собственно этот важный блок определяет содержание I тома. В-третьих, существенная особенность монографии состоит в том, что в ней даны обстоятельный анализ региональных и международных аспектов взаимодействия РФ и ЦВЕ, характеристика новой геополитической ситуации в регионе, возможных последствий расширения ЕС для России, раскрыта проблема безопасности на Балканах. В-четвёртых, особое внимание авторы уделяют оценке отношений России с Болгарией, Венгрией, Македонией, Польшей, Румынией, Сербией и Черногорией, Словакией, Словенией, Хорватией, Чехией. Этот раздел, составляющий основу II тома, является, на наш взгляд, заметным шагом в анализе двусторонних отношений России с десятью государствами ЦВЕ на современном этапе.

Авторы иронизируют, подводя итоги пройденного Россией пути в последние 10–15 лет: да, цель "реформаторов" достигнута, мы живём в другой стране – в России, а не в СССР, не в супердержаве, а в государстве, изо всех сил старающемся не скатиться окончательно в "третий мир", не в мощной научно-технической державе, а почти в топливно-сырьевой периферии мирового

[1] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т.1. Становление "реального социализма". 1945–1965 гг. М. "Наука" 2000; Т. II. От стабилизации к кризису. 1966–1989 гг. М. 2002 г.; Т. III. Трансформация 90-х годов, части 1 и 2. М. 2002 г.

[2] См. рец. "Фундаментальный труд" в журнале Современная Европа, 2003, № 1.

[3] Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX – начале XXI века. Т. 1 Преобразования. Т. II. Взаимоотношения. Ответ. редакторы д.э.н. профессор С.П. Глинкина, д.и.н профессор И.И. Орлик. М. "Наука". 2005 г.

хозяйства. К тому же и экономика уже не командно-административная, а настоящая рыночно-капиталистическая, в полной мере соответствующая образцам конца XIX в. (т. I, с. 12). Они напоминают, как в своё время бурную негативную реакцию у сторонников перестройки вызвало её сравнение писателем Ю. Бондаревым с самолетом, который поднялся в воздух, не имея установленного места посадки. Писатель оказался прав: "посадка" произошла явно не там, где бы хотелось. Издержки перехода к демократии и рынку выглядят невероятно масштабными, в том числе включают в себя развал государства, огромное количество безвременно ушедших и не родившихся граждан, обнищание значительной части населения, потерю существенной части научно-технического потенциала (с. 13). На наш взгляд, уместным является анализ, с чего начиналась перестройка и как выглядело последующее продвижение к рынку: вслед за проведением объявленного курса "ускорения" стала с огромным трудом пробиваться идея перехода к рынку, впрочем, и тогда говорили лишь о "товарно-денежных отношениях", а самого понятия "рынок" как такового избегали (с. 14).

Несомненный интерес вызывает поставленная в развернутом виде проблема взаимодействия России со странами СНГ, особенно анализ вытекающих из него уроков, обобщение опыта теории и практики интеграции в данной форме. Авторы дают ответ на вопрос о причинах преобладания в СНГ центробежных тенденций над центростремительными (с. 35). Однако, на наш взгляд, довольно неопределённо характеризуются перспективы СНГ, как и роли России в СНГ. Нельзя не согласиться с выводом, что будущее РФ и других стран СНГ в решающей мере зависит прежде всего от способности общества оздоровить властвующую элиту и государственную систему, освободить на этой основе рыночные институты от деформирующего влияния сложившихся общественных отношений и обеспечить реализацию функций, присущих современному развитому государству (с. 51).

Достаточно точно с научной точки зрения в книге подмечено, что отказ от сложившейся системы ценностей, разрушение прошлого опыта привели к девальвации будущего, подмене устойчивости и уверенности ощущением бренности бытия, временности всего существующего. Созидательная работа подменяется потребительскими устремлениями и борьбой за выживание (с. 62–63).

Привлекает внимание гл.V "Политические преобразования в России", в которой дан дифференцированный анализ процессов, явлений и тенденций, нередко весьма противоречивых, характеризующих развитие нашей страны в первые годы XXI века. Например, обоснованно отмечается, что в сфере федеральных отношений происходят серьёзные перемены, большие, чем в экономике, внутренней и внешней политике (с. 92). Проводившаяся в этот период политика соответствовала настроениям и интересам большинства российского общества, позволила изменить к лучшему социально-экономическую и политическую ситуацию в стране (с. 94). В целом модель политической системы, сформировавшаяся при нынешнем руководстве, более эффективная и дееспособная, чем

при Б. Ельцине. Её отличает относительная стабильность, поскольку президент РФ сумел решить две основополагающие задачи: консолидировать власть и добиться поддержки своего курса у большей части населения. Управляемость страной возросла. Хаос и стабильность в значительной степени преодолены (с. 107).

Авторы предлагают новые выводы и обобщения, затрагивающие период политических преобразований в Центральной и Юго-Восточной Европе. По их оценке, странам региона не удалось построить демократию, основанную на развитой экономике, многочисленном среднем классе, на гражданской культуре, а не на интегрированном фрагментированном обществе (с. 152). Значительная часть населения указанных стран была дезориентирована избыточными потребительскими ожиданиями и необоснованными социальными обещаниями. В монографии убедительно показана действительная цена рыночных преобразований в России, низводятся мифы и обнажается реальность в этой чувствительной сфере. Так, проблема бедности стоит у нас более остро и имеет более глубокие корни. В бывшем СССР она была официально признана в 1970-е годы. В 1990 году к бедным относился довольно узкий круг населения – 2,3 млн человек, или 1,6% населения (с. 208). Принципиально иная ситуация сложилась сейчас. По существу бедность стала массовой: в 2001 году почти 40 млн человек, или 27,3% населения, по официальной оценке Госкомстата РФ, и почти 45% населения, по оценкам экспертов, проживали за чертой бедности. Такова "социальная цена", которую заплатило население за утвердившийся тип экономических реформ. По оценке специалистов, она крайне высока: абсолютный показатель бедности вырос в 1990-е годы почти в 20 раз (с. 209). Из 40 млн бедных в 2001 году 8 млн находились в крайней степени нищеты. В конце того же года более 60% бедных жили в городах. Авторы указывают на ряд особенностей нынешней бедности в России в частности, на обеднение работающего населения, в результате чего образовалась целая армия так называемых "новых бедных" (с. 210). Сейчас ситуация с обнищанием близка к критической оценке, что выражается в увеличении проявлений экстремизма и стихийных протестных выступлений. Однако, напоминают они, сама задача широкомасштабной борьбы с бедностью как таковой была поставлена в России лишь в 2004 г. (с.211).

Вызывают интерес главы IX и X, посвящённые аграрным преобразованиям в странах ЦВЕ и России, региональному развитию, а также гл. XI о последствиях трансформаций в СНГ для отношений с нею, тем более что Россия фактически признала невозможность интеграции в рамках Содружества, слабую эффективность механизма СНГ (с. 305).

В книге подчёркивается, что давно назрела необходимость изменения отношения России к проблемам "ближнего зарубежья". Вопрос, на наш взгляд, имеет серьёзное принципиальное значение и практический вес. Дело в том, что в Москве территорию бывшего СССР долгое время автоматически рассматривали как зону доминирования России, доставшуюся в наследство от

СССР. Активность других мировых игроков на постсоветском пространстве до недавних пор воспринималась негативно. Однако реальность такова, что чёткое деление мира на "зоны влияния" исчезает, а на его месте формируется новая конкурентная геополитическая среда (с. 307). Учёные полагают, что после 1998 года и по настоящее время регион СНГ является ареной международной конкуренции в военно-стратегическом, геополитическом и экономическом аспектах (с. 308–310). Реальность заключается и в том, что партнёры России по СНГ – это уже не просто бывшие союзные республики, а вполне состоявшиеся новые независимые государства, признанные международным сообществом (с. 310–311). В то же время сегодня и в ближайшие годы пространство Содружества – это пояс новых независимых государств, имеющих самые тесные контакты с Россией. В экономическом отношении целесообразно рассматривать его как зону нарождающихся рынков. Указанное пространство уже некорректно считать "постсоветским" или "постсоюзным", так как многие качества бывшего союзного государства безотвратно утеряны, а советская политическая и экономическая система претерпела качественные преобразования во всех новых независимых государствах (с. 315).

Стоило бы поддержать постановку вопроса о необходимости активизации российской политики в постсоветском регионе и её корректировки (с. 350–355). На повестке дня – выработка новой стратегии России по отношению к государствам – "наследникам" СССР, учитывающей ошибки предыдущего периода взаимодействия. Авторы видят следующие важные проблемы, с которыми Россия столкнулась в начале текущего века:

— сокращение зоны своего влияния на пространстве СНГ;

— деградация Содружества как многосторонней организации постсоветских государств, выполнившей задачи переходного периода и "цивилизованного развода";

— крах прежних идей постсоветской реинтеграции и многосторонней интеграции, кризис внутри региональных группировок, ни одна из которых не демонстрирует положительную динамику;

— консолидация лояльных США постсоветских элит в государствах СНГ, группирующихся не вокруг России, а альтернативных центров – Украины, Грузии, Молдовы (с. 355).

Серьёзного внимания заслуживает т. II, особенно его аналитический первый раздел. Одной из ведущих причин того, что в 1990-е годы приходили в упадок отношения России со странами ЦВЕ, был утраченный ею интерес к ним, их политическому и социально-экономическому развитию. У нас практически мало знали о ходе и методах проводимых там реформ, об их позитивных и негативных результатах, например, о том, как осуществлялась приватизация, да и просто о жизни людей, с которыми многие годы поддерживались разнообразные связи (т. II, с. 7–8). Трудно не согласиться с выводом, что этот период стал "потерянным" десятилетием в наших отношениях с этими странами (с. 22, 285).

Дальнейшее развитие России, обоснованно указывают ученые, тре-

бует активизации ее политики на некогда приоритетном направлении более чем со 100- миллионным его населением. Территориальная близость, давние исторические связи и традиции, а главное – интересы взаимовыгодного сотрудничества все больше приводят и Россию, и страны ЦВЕ к осознанию необходимости и целесообразности развития всесторонних добрососедских отношений. По существу, в этом состоит императив общеевропейской интеграции, обустройства единого экономического пространства одного их важнейших регионов на современной карте мира (с. 8–9, 22). И совсем недопустимо повторение роковых ошибок минувшего десятилетия. В Москве, полагают авторы, осознают, что ЦВЕ не является для России сейчас, а тем более в будущем третьестепенным торгово-экономическим партнёром. В свою очередь, и наши западные соседи видят в России огромный рынок, открывающий перспективы широких и выгодных деловых связей.

Во II томе содержится значительный информационно-аналитический материал, характеризующий экономическую, политическую и культурную составляющие отношений РФ с отдельными странами ЦВЕ за последние примерно десять лет. Оценивая содержание этого тома в целом, приходишь к выводу, что его главным достоинством являются принципиальные выводы и обобщения, далеко не второстепенного практического значения.

Как указывается в разделе 1, расширение ЕС имеет для России весьма важные последствия, что предполагает постоянное внимание и тщательный анализ протекающих процессов и тенденций на этом участке. Представляется логичным включение в этот раздел главы, в которой рассматриваются актуальные для России вопросы и перспективы, связанные с процессом расширения ЕС, характером и особенностями развития его новых членов – стран ЦВЕ, экономические взаимоотношения РФ и стран ЦВЕ. Правда, несколько противоречивое впечатление складывается при ознакомлении с гл. IV “Проблемы безопасности на Балканах”. Нет возражений, это часть всего комплекса вопросов, но только часть: потому вряд ли требовалось напоминание о начале кризиса, распаде Югославии, политике Запада и линии РФ в балканских делах. На наш взгляд, об этом уже сказано и написано достаточно.

Теперь об изложении двусторонних отношений РФ со странами региона. На наш взгляд, здесь недостаточна источниковедческая база анализа. Например, число источников, на которые ссылаются авторы, колеблется от одного, трех (гл. VI и XII), до несколько десятков. Можно упрекнуть некоторых авторов в том, что они слабо используют ведущие западные издания, работы мировых авторитетов – экономистов, политиков и социологов, включая, разумеется, российских. В отдельных главах приводится устаревший материал (т. I, гл. VI).

В страновом разделе в ряде случаев ощущается недостаток в анализе и выводах. Рекомендации порой довольно однообразны и оригинальностью не отличаются. Главы не объединены логикой изложения, единым стилем.

Применительно к перспективам отношений с деловыми партнёрами России не единожды говорится, что они, перспективы, "неплохие" (с. 213). Желательно, однако, чтобы читатель получил конкретное представление об особенностях и разнообразии форм отношений РФ с теми или иными странами. К сожалению, рекомендации относительно того, что следовало бы предпринять России в ближайшие годы, повторяются. Например, в содержательной главе об отношениях с Венгрией перечисляются предположения, которые затрагивают нашу внешнеэкономическую политику в целом (с. 180–181).

Вызывают возражение отдельные формулировки. Например, в изложении отношений с Болгарией (гл. V) автор рекомендует в ближайшие годы проводить "более агрессивную экономическую политику, направленную на активизацию присутствия в хозяйственных комплексах Болгарии" (с. 136).

Новое научное исследование, отражающее многолетний кропотливый труд зрелого творческого коллектива, не избежало и других недостатков. Кроме отмеченных выше, хотелось бы обратить внимание на следующую "особенность": в столь солидном издании нередко ставится больше вопросов, чем дается ответов на наиболее животрепещущие из них. Правда, в том нет ничего удивительного: анализ происходящих событий, развивающихся процессов и тенденций учёные осуществляют буквально по горячим следам, когда не хватает и времени для их более глубокого осмысления, и фактического материала. Но надо продолжить эту работу, не останавливаясь.

Заметим, что в новой монографии не реализованы некоторые высказанные ранее рекомендации, например, относительно того, чтобы давать в конце разделов и глав выводы и обобщения, более тесно увязывать предыдущее и последующее изложение. Судя по всему, не возобладало мнение выделить страновые главы в отдельный том.

Выходом серии коллективных монографий, посвящённых развитию и проблемам стран Центрально-Восточной Европы во второй половине XX – начале XXI века, разумеется, не исчерпывается предмет и значение исследования исключительно важной тематики. Более того, интерес к ней, её актуальность, вне сомнения, будут возрастать по мере увеличения потенциала и роли указанной значительной группы стран в европейской экономике и политике. Научная общественность ожидает дальнейшей глубокой и всесторонней разработки существующих, а также возникающих новых проблем, которые выдвигает мировое развитие, прежде всего под углом зрения интересов России, решения стоящих перед нами масштабных и непростых международно-политических, экономических и социальных задач.

А.И. Степанов,
профессор Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ.

УНИКАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Автор рецензируемой книги[1] П. Черкасов прекрасно знает историю Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), где проработал без малого 20 лет – с 1967 до 1987 года. В настоящее время он ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Умение привлекать и творчески использовать разнообразные архивные материалы – одно из важных достоинств его исследовательской лаборатории. Накопленный за многие годы опыт научных исследований на базе архивных материалов позволил П.П. Черкасову подготовить обширную (свыше 35 п.л.) монографию, посвящённую деятельности ИМЭМО.

В книге объективно воссоздана история создания и основные направления научной деятельности ИМЭМО за тридцать с лишним лет. Автор подчёркивает, что образованный на волне XX съезда КПСС ИМЭМО на протяжении нескольких десятилетий был ведущим в СССР и, пожалуй, единственным в своём роде "мозговым центром" по изучению политических, экономических, социальных и национально-этнических проблем современного мира, постоянно обеспечивая аналитическими записками и экспертными оценками высшее советское руководство. Автор рисует своеобразный портрет этого уникального и крупнейшего научно-исследовательского центра, широко известного во всём мире, на фоне развития советского общества в хрущёвские и брежневские времена.

В доперестроечные годы ИМЭМО был одним из немногих, а быть может, и единственным в СССР интеллектуальным центром, в котором хорошо представляли себе реальное положение дел в мире. Одним из достоинств ИМЭМО была довольно свободная атмосфера, при которой всячески поощрялось творческое инакомыслие. Исходившие из ИМЭМО рекомендации, экспертные оценки и прогнозы по самым различным проблемам мирового развития, экономического положения СССР, его внешней и оборонной политики в большинстве случаев принимались во внимание в ЦК КПСС, в МИД и других директивных инстанциях, но зачастую не реализовывались на практике. Тем не менее в ряде случаев материалы ИМЭМО способствовали в их деятельности тем ответственным кругам, которые стремились в позитивном смысле оказывать влияние на принятие тех или иных важных политических решений. Насколько это им удавалось – другой вопрос. Но не вызывает сомнений, что из этих кругов не исходили рекомендации о том, чтобы отправить в ссылку Андрея Сахарова, выслать за границу Александра Солженицына и ряд других деятелей культуры, вводить войска в Венгрию, Чехословакию и Афганистан, наращивать гонку вооружений, которая обес-

[1] ***Черкасов Пётр Петрович.*** Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. 2004. 572 с.

кровливала советскую экономику. Показательно, что международный отдел ЦК КПСС, с которым в той или иной форме были связаны многие ведущие сотрудники ИМЭМО, не без основания считался партийными реакционерами очагом ревизионизма.

Нельзя не признать, что носители оппозиционных настроений в той или иной форме оказывали поддержку Никите Хрущёву в подготовке XX съезда, осудившего Сталина. А пришедшее к власти в 1985 году новое советское руководство во главе с Михаилом Горбачёвым также опиралось на поддержку ряда руководящих партийных деятелей, которые, конечно каждый по-своему, понимали необходимость определённых перемен в стране.

Сотни книг и тысячи статей сотрудников ИМЭМО, многочисленные лекции, которые они читали в разных городах страны, а нередко и за рубежом, будили общественную мысль, знакомили читателей и слушателей с реальной ситуацией в зарубежных странах, давая аудитории огромный фактический материал, служили основой для глубоких размышлений о характере советского режима.

В ходе работы над монографией перед П.П. Черкасовым стояли немалые трудности. Необходимо было дать не только объективную оценку деятельности ИМЭМО, но и проанализировать целый комплекс вопросов, связанных с его творческой деятельностью, кадровым составом, международными научными связями и т. д. Особую остроту приобрела при создании ИМЭМО проблема поиска квалифицированных научных кадров как в области общих проблем мировой экономики и международных отношений, так и страноведов, специализировавшихся на изучении тех или иных зарубежных государств.

Пётр Черкасов подчёркивает, что перед ИМЭМО была поставлена задача "помочь новому советскому руководству правильно ориентироваться в современном мире" (с. 9). Именно её приходилось решать создателю и первому директору ИМЭМО Анушавану Агафоновичу Арзуманяну, возглавлявшему Институт почти десять лет. Его преемниками стали академики Н. Иноземцев, А. Яковлев, Е. Примаков, В. Мартынов, Н. Симония.

А. Арзуманяну удалось за сравнительно короткий срок сформировать квалифицированный научный коллектив, ставший базой для решения поставленных перед ИМЭМО задач. На работу были взяты некоторые бывшие сотрудники Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП), многие из которых провели долгое время в сталинских застенках. Кстати, ИМЭМО всегда считал себя преемником ИМХМП, бессменным директором которого был академик Евгений Самуилович Варга. Не случайно поэтому вступительную главу своей монографии П. Черкасов посвятил выяснению причин и обстоятельств гибели ИМХМП в 1947 году. Здесь, как и в других главах, автор вводит в научный оборот много практически неизвестного материала, собранного из самых разнообразных, в том числе архивных и мемуарных источников.

Среди бывших репрессированных, принятых на работу в ИМЭМО, был и

автор этой рецензии, проведший в послевоенные годы свыше четырёх лет в заключении и освобождённый после смерти Сталина. Начав свою трудовую деятельность в должности институтского библиотекаря, я проработал в ИМЭМО 33 года и ушёл на пенсию в 1989 году главным научным сотрудником, доктором исторических наук.

Тёплое, отеческое отношение А. Арзуманяна было исключительно важно для научного роста институтской молодежи, представители которой позднее стали играть ключевую роль в ИМЭМО. Такое отношение директора объяснялось, очевидно, и тем, что в ноябре 1937 года, будучи ректором Ереванского государственного университета, он был арестован органами НКВД и освобождён лишь в апреле 1939 года, уже при Л. Берии, сменившем в конце 1938 года Н. Ежова на посту наркома внутренних дел СССР. Безусловно, А. Арзуманян был человеком своего времени, убеждённым марксистом, но, несмотря на это, он хорошо понимал необходимость поисков новых подходов к изучению современного зарубежного мира.

В книге П.П. Черкасова перед читателем проходит галерея его сотрудников, в разное время работавших в Институте. Рассказывая о том или ином сотруднике ИМЭМО, автор монографии создаёт их запоминающиеся образы. Это сделано в блестящей литературной форме, характерной для всей книги. К сожалению, многих из тех, о ком рассказывает П.П. Черкасов, уже нет в живых. И в этом отношении рецензируемая книга может служить своеобразным памятником всем ушедшим, кто долгие годы проработал в ИМЭМО. Книга П.П. Черкасова вносит вклад и в увековечивание памяти многих выдающихся учёных, оставивших огромное научное наследие, которое чрезвычайно актуально и в наши дни, хотя, к великому сожалению, мало используется.

Автор отмечает, что "развернутые в ИМЭМО конкретные исследования по широкому спектру вопросов послевоенного экономического развития передовых стран Запада позволили уже к началу 1960-х годов убедительно опровергнуть целый ряд догматов официальной сталинской политэкономии: о капиталистическом воспроизводстве на "суженной базе", о неизменности экономических циклов и кризисов при капитализме, об абсолютном обнищании рабочего класса в "мире капитала", о буржуазном государстве как "прислужнике монополий", о так называемом законе преимущественного развития средств производства, о неизбежности войн между империалистическими державами и др." (с. 11)

В книге анализируются самые разнообразные аспекты деятельности ИМЭМО – собственно научные исследования, работа для "инстанций", международные научные связи, наконец, внутренняя, можно сказать, "повседневная" жизнь коллектива.

После смерти А. Арзуманяна в 1965 году ИМЭМО возглавил академик Н. Иноземцев, при котором Институт достиг наивысшего творческого расцвета. Этот период (середина 1960-х – начало 1980 годов) П.П. Черкасов справедливо называет "золотым ве-

ком" в истории ИМЭМО. В книге освещены все основные направления и результаты научно-исследовательской работы Института этого периода.

Близость Н. Иноземцева к Л. Брежневу, его попытки влиять на генсека в прогрессивном направлении, постоянно вызывали раздражение и недовольство консервативных кругов в руководстве партии. В заключительной главе книги автор подробно рассказывает о кампании травли, которая была организована против Н. Иноземцева и возглавляемого им института, о том, как в 1982 году ИМЭМО оказался под ударом влиятельных партийных кругов. В роли главных "душителей" ИМЭМО выступили первый секретарь МГК КПСС Виктор Гришин и секретарь ЦК по идеологии Михаил Зимянин.

Попытки осуществить показательный разгром "очага ревизионизма", каковым в агитпропе ЦК КПСС считали ИМЭМО, имели следствием преждевременную смерть Н. Иноземцева 12 августа 1982 года. А в самом Институте началась "охота на ведьм", выражавшаяся в преследовании тех, кто по идеологическим соображениям вызывал недоверие. Все эти драматические события, как показывает Петр Черкасов, серьёзно ослабили Институт. Конец "охоте на ведьм" был положен новым директором ИМЭМО, оказавшимся весьма влиятельным человеком.

В июле 1983 года на этот пост был назначен тогдашний советский посол в Канаде Александр Николаевич Яковлев. Решающую роль в этом назначении сыграл Михаил Горбачёв, который весной 1983 года был в Канаде и установил тесные связи с А. Яковлевым. Спустя два года последний был взят на работу в ЦК КПСС, со временем стал главным идеологом и архитектором перестройки. Его уход как бы завершил ту эпоху в истории ИМЭМО, которая была связана в первую очередь с именем А. Арзуманяна.

Новым директором Института стал Е. Примаков. Время было сложное и противоречивое, а после распада СССР и крушения коммунистического строя в 1991–1992 годах ИМЭМО постепенно начал утрачивать ту роль, которую он играл в прежние годы. В деятельности самого Института всё больше стали проявляться процессы, происходившие в менявшейся на глазах стране.

Пётр Черкасов с полным основанием подчёркивает, что "последующее десятилетие – это уже принципиально новый период не только в истории ИМЭМО, но и в истории отечественной науки, оказавшейся вопреки первоначальным ожиданиям в крайне тяжёлом положении, буквально на грани выживания" (с. 530). С этим выводом автора книги нельзя не согласиться. В заключение остаётся отметить, что выход в свет книги П.П. Черкасова – это, безусловно, событие в истории российской исторической и политической науки.

Я.Я. Этингер,
доктор исторических наук

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ: ПРЕОДОЛЕНИЕ МИФОВ

В результате "оранжевой революции" в Украине произошло резкое обострение российско-украинских отношений. Ведётся даже подготовка к выходу Украины из СНГ со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для взаимных связей двух государств.

Причины обострения российско-украинских отношений нельзя полностью понять без изучения постсоветской истории этих стран и её освещения в российской и украинской историографии.

Этому и посвящена рецензируемая монография[1]. Её автор проделал колоссальную исследовательскую работу, проанализировав огромное количество источников и научной литературы. Это официальные документы, выступления и мемуары государственных деятелей обеих стран, монографии и статьи в специальных изданиях и средствах массовой информации, материалы конференций и "круглых столов" с участием российских и украинских политиков и учёных.

Несомненным достоинством работы является рассмотрение историографии российско-украинских отношений на широком историческом фоне. Автор убедительно показывает несостоятельность как украинских, так и российских мифов об историческом прошлом обоих государств.

К числу украинских мифов он относит утверждение, что украинцы являются более древней и более "европейской" нацией, чем русские, о государстве запорожских казаков как независимом политическом образовании, о том, что российское и советское господство было навязано Украине силой, имело колониальный характер и нанесло невосполнимый демографический, экономический, культурный и экологический ущерб украинскому народу (с. 33).

Российские же мифы связаны с утверждением, что основным политическим и культурным наследником Киевской Руси является Московское государство, что объединение славянских княжеств вокруг Московской Руси осуществлялось её правителями как объективно осознанная ими политика по восстановлению единства русских земель, нарушенного в XIII веке в результате татаро-монгольского нашествия, что, будучи постоянно окружённой врагами, Россия стремилась занимать "круговую оборону" и постоянно отодвигать границы подальше от своего центра (с. 34–35).

Автор справедливо замечает, что подобные мифы, с одной стороны, означали абсолютизацию украинской "незалежности", а с другой – отражали негативное отношение российской интеллигенции и политиков к независимости Украины в принципе (с. 35).

Анализируя отражение в историографии современных отношений России и Украины, автор выделяет такие "болевые точки" этих отношений, как приоритеты и направления внешней политики двух стран, статус Крыма и города Севастополя, разделение и дислокация

---

[1] *В.И. Мироненко*. Российско-украинские отношения в 1991–2001 гг. Историографический очерк. Российская академия наук. Институт Европы. М., 2004.

Черноморского флота, демаркация границ, проблема двойного гражданства (с. 38). Позиции сторон по этим вопросам были и остаются противоположными. Аргументация оппонентов, как отмечает автор, строилась на несопоставимых основаниях и исходила из разных, порой очень противоречивых исторических и правовых обстоятельств. В этих условиях дискуссия не могла привести к компромиссу, а историко-правовая дуэль лишь усиливала взрывоопасную напряжённость в российско-украинских отношениях (с. 40).

В историографии отношений России и Украины ставился и более широкий вопрос: возможно ли вообще единение народов России и Украины или же обе страны потенциально ориентированы в разные стороны и поэтому они не могут согласовать свои национальные интересы до степени, предполагающей политический союз в той или иной форме? (с. 50) При ответе на этот вопрос российские и украинские политологи подчёркивали, что не произойдет ни воссоединения Украины с Россией, ни окончательного расхождения их путей. Будет и сближение, и отдаление, будет долгое и трудное решение, кто с кем и куда намерен двигаться (с. 51).

Автор отмечает, что крайне напряжёнными, помимо двусторонних, были и отношения России и Украины в рамках СНГ. Здесь Украина самим фактом неполного членства в Содружестве свою политическую деятельность направляла на снижение влияния России в СНГ и на ослабление связей между странами Содружества, предпочитая развивать связи с теми его членами, которые в той или иной степени составляли оппозицию России.

При этом само российское руководство давало немало поводов для таких действий в рамках СНГ, ибо оно открыто высказывало претензии на экономическое и политическое лидерство в Содружестве (с. 53).

Автор отмечает, что российская и украинская историография уделяла и уделяет большое внимание внешней политике обеих стран, их отношениям с Западом. Государственная независимость Украины, говорится в монографии, была воспринята её элитой прежде всего как независимость от России, а внешняя политика Украины выглядела как повторение российской внешней политики, но с противоположным знаком. Если Россия выдвигала лозунг славянского единства, то Украина отрицала это единство; если Россия помогала Сербии, то Украина становилась на сторону Хорватии; если Москва противилась расширению НАТО на восток, то Киев приветствовал этот процесс; если Россия выступала за интеграцию в рамках СНГ, то Украина – за дезинтеграцию (с. 62).

Внешнеполитические инициативы Украины, отмечает автор, свидетельствовали о её желании дистанцироваться от России, создать в противовес СНГ какие-то европейские структуры безопасности, военно-политического и экономического сотрудничества, желательно с собственным лидерством. Результатом же этих внешнеполитических демаршей было растущее раздражение со стороны России, которая расценивала любой союз, заключенный Украиной без её участия с другими государствами, как создание антироссийской коалиции (с. 65).

Касаясь освещения в историографии вопросов экономического со-

трудничества России и Украины, автор отмечает, что на протяжении практически всего постсоветского периода экономическая политика Москвы и Киева в отношении друг друга не имела чётких ориентиров, отличалась противоречивостью и непоследовательностью, избыточной зависимостью от внутриполитической ситуации вообще и давления корпоративных интересов в частности (с. 77).

Кроме того, у коммерческих кругов Украины всегда присутствовало опасение, что сближение с Россией ослабит интерес западных государств к Украине, что может отрицательно сказаться на их бизнесе с Западом (с. 85).

Что же касается освещения в российской историографии этнокультурного аспекта российско-украинских отношений, то здесь, как отмечает автор, проблема статуса русских (точнее, русскоязычных) в Украине и украинцев в России стала одним из "раздражителей", прямо и опосредованно влияющих на отношения между двумя государствами после обретения ими независимости (с. 98).

Исследователи подчёркивают, что русскость части украинского населения может и должна способствовать сближению двух независимых государств, но, с другой стороны, осознанию цивилизационной общности с Россией препятствует факт формирования украинской нации под воздействием не только "московского" политического вектора, но и в равной мере польского, а также австро-венгерского. Поэтому по мере движения с востока на запад осознание общности заметно ослабевает, а в собственно западных областях Украины можно ощутить неприятие всего исходящего от России (с. 104).

Подводя итоги своему исследованию, автор выделяет среди украинских историков и политологов три основные авторские группы, сформировавшиеся по отношению к России. Это позитивисты, рассматривающие отношения России и Украины с положительной, порой ностальгической точки зрения. Это негативисты, которые рассматривают Россию как империю (царскую, советскую), угнетавшую украинский народ. Это, наконец, нейтралисты, рассматривающие проблемы объективно, прагматически, с учётом реалий ситуации (с. 114). Аналогичные группы, видимо, можно выделить также среди российских историков и политологов.

Автор в заключительной части своей монографии выделяет определенные фазы, через которые прошли постсоветские российско-украинские отношения: 1992–1993 годы – острая форма кризиса; 1994–1997 годы – хронический кризис, в ходе которого создавались предпосылки для начала преодоления наиболее конфликтной фазы в отношениях между двумя государствами; 1997–2000 годы – начало реальных подвижек по принципу: шаг вперед – два шага назад; 2001–2004 годы – улучшение отношений на принципах прагматизма (с. 129).

К сожалению, после 2004 года российско-украинские отношения, как отмечалось выше, резко ухудшились. Однако период, связанный с "оранжевой революцией" в Украине и с состоянием отношений России и Украины пока ещё не стал предметом углубленного научного анализа.

А.А. Вахрамеев,
к.и.н., старший научный сотрудник Института экономики РАН

НОВЫЕ КНИГИ

- Ахова Е.В. Трансформация политических институтов ЕС: современные тенденции и перспективы. – Ставрополь, 2005.
- Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально—Восточной Европы – М., 2005.
- Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных процессов. – М., 2006.
- Журкин В.В. Евросоюз в XX веке. Европейская политика безопасности и обороны. – М., 2005.
- Социологическая мысль в странах Центральной и Восточной Европы. – М., 2005.
- Фёдоров В.П. Организация объединённых наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. – М., 2005.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. /пер.с англ./. – М., 2006.

* * *

- Bretherton Ch., Vogler J. The European Union as a global actor. – London, 2006.
- Corbett R., Jacobs F., Shackleton M. The European parliament. London, 2005.
- Europa in der Welt – die Welt in Europa. –Baden-Baden, 2006.
- The European Commission. – London, 2006.

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями, рецензировать и возвращать незаказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125993 Москва, Моховая ул., 11-3 «В».
Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 609-92-98.
E-mail: sov_europe@mail.ru , europe@ieras.ru
Internet: http://www.soveurope.ru

Технический редактор *В.А. Степашин*

Индекс журнала «Современная Европа» в каталоге «Роспечать» — 79701 и в объединённом каталоге «Пресса России» — 14492

Подписано в печать 28.08.06 г.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Объём 10 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ 109.

Типография ООО “Ако-принт”.